

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(РГГУ)

На правах рукописи

Данилин Никита Аркадьевич

**ВОСПРИЯТИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕС КАК
ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ВНЕШНЮЮ ЭНЕРГЕТИЧЕСКУЮ ПОЛИТИКУ
РОССИИ**

Специальность 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений,
глобального и регионального развития

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
Христофоров Василий Степанович

Москва — 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	4
2. СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ТЕМЫ	6
<i>Обзор отечественной научной литературы</i>	<i>7</i>
<i>Обзор зарубежной научной литературы</i>	<i>16</i>
3. ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА	24
4. ПРОБЛЕМА, ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ, ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ	25
5. НАУЧНАЯ НОВИЗНА	27
6. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ РАБОТЫ	28
7. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	28
8. ПОЛОЖЕНИЯ, ВЫНОСИМЫЕ НА ЗАЩИТУ	29
9. СТРУКТУРА РАБОТЫ	32
10. АПРОБАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ	33
ГЛАВА 1. ВОСПРИЯТИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ПОЛИТИКУ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	36
1.1. Роль государства в устранении угроз энергетической безопасности в контексте трёх парадигм международных отношений	36
1.2. Угрозы для энергетической безопасности государства: подходы и измерения	47
1.3. Восприятие энергетической безопасности в ЕС и роль России в его изменении	57
1.4. Восприятие угроз энергетической зависимости от России в европейском экспертном и академическом сообществе	81
ВЫВОДЫ К 1-ОЙ ГЛАВЕ	90
ГЛАВА 2. ВОСПРИЯТИЕ РОССИИ КАК УГРОЗЫ ДЛЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЕС КАК ФАКТОР ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ГАЗОВОГО РЫНКА	92
2.1. Либерализация европейского рынка газа и активизация процесса в 2006-2009 гг.	92
2.2. Роль восприятия России как угрозы для энергетической безопасности ЕС через призму концепции множественных потоков	100
2.2.1. <i>Поток проблем: угрозы энергезависимости от России для энергетической безопасности ЕС</i>	<i>104</i>
2.2.2. <i>Поток решений: идея либерализации в условиях экономической трансформации рынка</i>	<i>107</i>
2.2.3. <i>Политический поток: изменения в позициях ключевых политических акторов</i>	<i>113</i>
2.2.4. <i>Политическое предпринимательство Европейской комиссии</i>	<i>117</i>
ВЫВОДЫ КО 2-ОЙ ГЛАВЕ	120
ГЛАВА 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ И ЕЕ РОЛЬ ДЛЯ ВНЕШНЕЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ	122
3.1. Цели и задачи внешней энергетической политики России	124
3.2. Значение европейского газового рынка для России и российского экспорта газа для стран ЕС	129
3.3. Изменение системы ценообразования: от нефтяной привязки к межгазовой конкуренции	136
3.4. Основные изменения в ценообразовании на поставки российского газа на рынок ЕС	149
ВЫВОДЫ К 3-ЕЙ ГЛАВЕ	169
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	171
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	177
1. ИСТОЧНИКИ	177

1.1.	<i>Источники официального происхождения</i>	177
1.2.	<i>Материалы СМИ</i>	181
2.	НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА	183
2.1.	<i>Сборники и монографии</i>	183
2.2.	<i>Периодические издания</i>	189
2.3.	<i>Выступления исследователей в видео-формате</i>	197
2.4.	<i>Материалы экспертно-аналитических и университетско-академических центров</i>	198
2.5.	<i>Диссертационные исследования</i>	200
ПРИЛОЖЕНИЯ		203

ВВЕДЕНИЕ

1. Актуальность темы исследования

Актуальность выбранной темы обусловлена трансформацией газоэнергетического сектора в начале XXI века в мире в целом и в Европе в частности, а также появлением в связи с этим новых вызовов для российского экспорта газа на европейском рынке, формирующем одну из важных статей доходов российского бюджета. На уровне глобального измерения газоэнергетики наиболее заметными составляющими трансформации стали революция в области добычи нетрадиционных углеводородов и постепенное движение к мировому рынку газа за счет увеличения доли поставок сжиженного природного газа (СПГ)¹. На европейском рынке в качестве ключевых событий и процессов можно выделить либерализацию газового рынка, рост спотовой торговли, увеличение доли возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в энергобалансах государств вместо спрогнозированного роста потребления газа, трансформацию правовой системы регулирования рынка. Все эти события кардинально изменяют объемы и векторы энергетических потоков, а также баланс сил основных участников взаимодействия. Кроме того, в глобальном измерении процесс трансформации газоэнергетического сектора выступает одним из значимых факторов процесса перераспределения сил на мировой арене.

В российско-европейских отношениях данные изменения обусловили острые дискуссии относительно будущего формата российско-европейского взаимодействия в целом и партнерства в сфере газоэнергетики в частности. Сложности с осуществлением проекта «Южный поток» и строительством газопровода «Северный поток-2», дискуссия о возможности использования газопровода «Орал» для прокачки российского газа в Германии, споры о возможности приобретать энергетические активы для российских компаний в Европе и получить полноценный доступ к добывающему сектору в России для европейских концернов, приостановка работы Консультативного совета по газу Россия-ЕС и прекращение российско-европейского газового диалога свидетельствуют о различии подходов сторон к взаимоприемлемому и взаимовыгодному формату взаимодействия.

Отношения между Россией и Европейским союзом в политическом плане стали более напряженными со второй половины 2000-х гг. Заметную роль в ухудшении отношений сыграли кризисы, связанные с транзитом природного газа через Украину в 2006 и 2009 гг. Прекращение поставок российского газа украинским потребителям, которое привело к перебоям с поставками в

¹ В международной торговле газом доля СПГ от общего объема поставок по трубопроводам выросла с 39% до 47% за период 2006—2016 гг.

страны Европы, впоследствии обусловило актуализацию вопросов энергетической безопасности в европейском публичном дискурсе. Развернулась широкая дискуссия относительно зависимости европейского энергетического сектора и экономики в целом от российской внешней энергетической политики. Наиболее алармистски настроенные политики и эксперты даже начали говорить о применении Россией энергетического оружия. В политической повестке дня высокий приоритет получил вопрос о повышении уровня устойчивости энергетического сектора ЕС к внешним вызовам, в первую очередь к тем, которые ассоциировались с политикой России и деятельностью «Газпрома».

В научно-исследовательской литературе и экспертных оценках встречаются различные объяснения роста конфликтности в отношениях двух сторон. При этом как в отечественных, так и в зарубежных работах в наибольшей мере распространены оценки, сделанные в рамках парадигмы неореализма. Состояние напряженности напрямую связывается с более общими проблемами внутренней и внешней политики России и ЕС, деятельности государственных институтов и вопросами обеспечения безопасности. Среди неореалистских оценок существует ярко выраженная дифференциация позиций в соответствии с принадлежностью исследователей к одному из двух лагерей. Для работ европейских и американских авторов характерна критика в адрес России, выражение опасений относительно применения энергетического оружия или использования энергетических инструментов для выполнения внешнеполитических целей. Подход отечественных исследователей часто характеризуется акцентированием внимания на неготовности европейской стороны к формированию равноправных отношений, на недостаточном учете российских интересов, в частности в вопросе обеспечения энергетической безопасности.

Для диссертационного исследования был выбран один из аспектов рассмотренной выше проблематики, а именно влияние восприятия проблем энергетической безопасности в ЕС на возможность реализации целей и задач российской внешней энергетической политики. Описанная выше актуализация вопросов энергетической безопасности, на наш взгляд, привела к изменению роли и места России на европейском рынке. Это проявилось в уменьшении доли российского газа в энергобалансе ЕС, снижении возможностей реализации приоритетных для России проектов (отказ от строительства газопровода «Южный поток»), постепенном снижении доли российского газа, поставляемого в рамках традиционной модели долгосрочных газовых контрактов, за дальнейшее применение которой выступала российская сторона. Актуальность поднятых проблем обуславливается сохранением роли европейского рынка для экспорта российского газа в кратко- и

среднесрочной перспективе. Возможность значительного увеличения объемов экспорта в восточном направлении продолжают оставаться неясной даже в долгосрочной перспективе.

В научно-исследовательской литературе подробно не изучался вопрос о взаимосвязи между восприятием проблем энергетической безопасности в ЕС и возможностями реализации российской внешней энергетической политики. Остаются неясными степень и механизм влияния проблематики энергетической безопасности и кризисов 2006 и 2009 гг. на российско-европейские отношения. Поставленные вопросы имеют высокую актуальность, поскольку их решение дает возможность определить роль фактора восприятия безопасности для энергетической политики, оценить степень возможных рисков для российских энергетических компаний в ситуациях, когда актуализируются вопросы европейской энергетической безопасности.

Анализ существующих источников и литературы демонстрирует высокий темп происходящих изменений на европейском газовом рынке и в газовой энергетике в целом, что обуславливает быстрое устаревание рекомендаций для государственных акторов и бизнеса. Это также приводит к необходимости постоянного изучения происходящих изменений и подчеркивает актуальность проведения данного исследования.

2. Степень изученности темы

Проблемы энергетического измерения международных отношений в целом получили широкое освещение в современной научной и исследовательской литературе в связи с высокой актуальностью для государственных институтов и общества. Однако работа, посвященная влиянию восприятия энергетической безопасности в ЕС на внешнюю энергетическую политику России, в настоящее время отсутствует. Кроме того, необходимость обращения к рассматриваемым в диссертации проблемам, таким как, например, причины конфликтности в энергетическом взаимодействии России и ЕС, обуславливается тем, что они вызывают острые дискуссии в научном и экспертном сообществе, что будет показано ниже.

Выбранная тема диссертационной работы находится на пересечении нескольких крупных областей научных исследований. В связи с этим выделим несколько групп работ, которые рассмотрим по отдельности сначала в российской, а затем в зарубежной научной литературе. Подходы авторов к тем или иным рассматриваемым в диссертации вопросам будут детально освещены в основном тексте, что дает нам возможность сосредоточиться в следующих двух подпараграфах на характеристике основных направлений научных исследований и тех работах, которые имели наибольшее значение для написания диссертации.

Обзор отечественной научной литературы

В первую и самую крупную группу можно объединить научные труды, в которых рассматриваются **основные проблемы взаимоотношений России и ЕС**. Несмотря на то, что российско-европейские отношения носят комплексный характер, взаимодействию сторон непосредственно в энергетической сфере обычно уделяется особое внимание.

В работах Н.А. Симония², Н.Ю. Кавешникова³, И.Д. Иванова⁴, в статье А.И. Медведева⁵ подчеркивается несоответствие между активным развитием делового сотрудничества в бизнесе и столкновениями на политическом и дипломатическом уровнях. Авторы рассматривают европейские энергетические компании в качестве партнеров, причем не только в смысле заключения сделок, но вследствие совпадения интересов при противостоянии антироссийской энергетической политике.

В дискуссии, опубликованной под редакцией Н.К. Арбатовой⁶, участниками: А.А. Арбатовым, В.С. Миловым, Т. Воллертом также выдвигается тезис о несоответствии реальных отношений между Россией и ЕС и острой полемикой на политическом уровне. Докладчики поднимают проблему политизированности энергетических дебатов на экспертном уровне и в СМИ. По их мнению, основные проблемы российско-европейского диалога заключаются в неготовности российских и европейских политиков формировать отношения на основе взаимности, их стремлении использовать имеющиеся конъюнктурные возможности для давления на партнеров.

Подход, часто встречающийся в российских работах, объясняет проблемы российско-европейских отношений вмешательством Европейской комиссии, деструктивной ролью транзитных стран или влиянием США, которые пытаются не допустить тесного российско-европейского партнерства. Критикуя деятельность Европейской комиссии, Н.А.Симония и А.В. Торкунов пишут о том, что этот институт занимается «<...> не столько обеспечением

² Симония Н.А. Энергетическое сотрудничество России и ЕС: трудности и достижения // Мировая энергетика в условиях глобализации: вызовы для России. Научный руководитель академик Н.А. Симония. М.: ИМЭМО РАН, 2007. С. 124.

³ Кавешников Н.Ю. Энергетические аспекты // Безопасность Европы / Под ред. В.В. Журкина. М.: Издательство «Весь Мир», 2011. С. 530-531.

⁴ Иванов И.Д. Взаимозависимость – это еще и риск // Безопасность Европы / Под ред. В.В. Журкина. М.: Издательство «Весь Мир», 2011. С. 484.

⁵ Медведев А.И. «Газпром» и энергобезопасность Европы // Международная жизнь. 2008. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1310> (Дата обращения: 02.09.2016).

⁶ Энергетический диалог между Россией и ЕС: проблемы и перспективы / отв. ред. Н.К. Арбатова. М.: Комитет «Россия в объединенной Европе», 2007. 48 с.

энергетической безопасности и стабильности поставок природного газа в соответствующие страны ЕС, сколько тем, чтобы любыми средствами избавиться от столь нелюбимой ими энергетической взаимозависимости ЕС и России на равноправной основе»⁷. В аналитическом докладе Фонда национальной энергетической безопасности обращается внимание на то, что осуществляемое под руководством Еврокомиссии реформирование рынка газа в средне- и долгосрочной перспективе создает угрозы для энергетической безопасности стран ЕС⁸.

Н.А. Симония⁹ и А.И. Медведев¹⁰ подчеркивают роль США, которые пытаются вбить клин в отношения между партнерами действуя через Европейскую комиссию. Н.В. Лукьянович¹¹ отмечает, что подобные действия США вызваны стремлением поставить обеспечение ЕС природным газом под собственный контроль. Развивая этот тезис, Т.А. Митрова, В.А. Кулагин и В.О. Козина указывают на то, что «манипулируя различными инструментами влияния на процесс энергоснабжения Европы, США сохраняют и укрепляют на ней свой геополитический контроль»¹².

Рассматривая роль транзитных стран, Н.Ю. Кавешников пишет, что последние пытаются использовать свое положение для получения преимуществ¹³. Н.А. Симония объясняет цели транзитных стран еще детальнее, отмечая, что «некоторые страны “новой Европы”» пытаются помешать развитию отношений сотрудничества России со «старой Европой», опасаясь лишиться, во-первых, «возможности шантажировать Россию (как уже делали не раз) возможным прекращением транзита или “несанкционированным отбором” чужого газа», во-вторых, дополнительных доходов от транзита, и, наконец, стремятся «лишний раз продемонстрировать

⁷ Симония Н.А., Торкунов А.В. Энергобезопасность ЕС и Россия // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 5. С. 22. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/politologiya/energobezopasnost-es-i-rossii> (Дата обращения: 11.11.2016);

⁸ Реформирование газового рынка Европы: чужие туфли могут натереть мозоли. Аналитический доклад / Фонд национальной энергетической безопасности. 2013. С. 38-41. URL: <http://www.energystate.ru/catalog/files/Reformirovanie-gazovogo-rynka-Evropy.pdf> (Дата обращения: 02.11.2016).

⁹ Симония Н.А. Энергетическое сотрудничество России и ЕС: трудности и достижения // Мировая энергетика в условиях глобализации: вызовы для России. Научный руководитель академик Н.А. Симония. М.: ИМЭМО РАН, 2007. С. 122-123.

¹⁰ Медведев А.И. «Газпром» и энергобезопасность Европы // Международная жизнь. 2008. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1310> (Дата обращения: 02.09.2016).

¹¹ Лукьянович Н.В. Газовый рынок как сложная геополитическая система // Глобализация рынка природного газа: монография / Отв.ред. И.В. Мещерин. М.: Газпром ВНИИГАЗ, 2011. С. 120-121.

¹² Митрова Т.А., Кулагин В.А., Козина В.О. Мировой энергетический рынок и перспективы его развития // Глобализация рынка природного газа: монография / Отв.ред. И.В. Мещерин. М.: Газпром ВНИИГАЗ, 2011. С. 93.

¹³ Кавешников Н.Ю. Многоликая энергетическая безопасность //Международная жизнь. 2011. №12. С. 94. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/583> (Дата обращения: 27.03.2017)

лояльность США, либо удовлетворить свои амбиции и чувство мести за “совместное советское прошлое”»¹⁴.

По мнению Н.Н. Емельяновой¹⁵, основной проблемой для расширения партнерских отношений выступает геополитическая составляющая политики органов управления ЕС. Европейская бюрократия опасается расширения возможностей влияния России на Европу. В области энергетики данная позиция приводит к стремлению диверсифицировать поставщиков энергоносителей, ограничить долю российских компаний в транспортном и сбытовом сегменте европейского энергетического рынка.

Крайней формой неореалистской парадигмы является геополитический подход, в качестве примера которого можно привести работу К.В. Симонова¹⁶. На взгляд автора, в условиях ограниченности и неравномерности размещения запасов энергоносителей и удорожания добычи и роста энергопотребления в мире противостояние экспортеров и импортеров энергоносителей становится базовым трендом в международных энергетических отношениях. К.В. Симонов прогнозирует «углеводородный голод» для всех крупных экономик мира и связывает с ним стремление наиболее развитых государств прорваться к ресурсам, сосредоточенным на территории других стран.

Данная тенденция обуславливает столкновение интересов Европейского союза и России. Европейская сторона, согласно взглядам автора, стремится получить контроль над нефтегазовыми провинциями России и привилегированный доступ к разработке месторождений: «<...> ЕС вынужден будет вести агрессивную внешнюю энергетическую политику. Зоной первого удара окажется Россия – ЕС неизбежно будет требовать преференций для своих компаний по допуску в добычной сегмент, обвиняя Россию в недемократичности и нецивилизованности и пытаясь создать единый европейский фронт по борьбе с Россией (что по большому счету уже происходит)»¹⁷. Причем давление на Россию, как указывает К.В. Симонов, усиливается пропорционально росту цен на энергоресурсы.

Ряд других авторов отказываются от возложения ответственности лишь на одну из сторон взаимодействия, подчеркивая, что к конфронтации приводят действия или особенности

¹⁴ Симония Н.А. Энергетическое сотрудничество России и ЕС: трудности и достижения // Мировая энергетика в условиях глобализации: вызовы для России. Научный руководитель академик Н.А. Симония. М.: ИМЭМО РАН, 2007. С. 123-124.

¹⁵ Емельянова Н.Н. Россия и Евросоюз. Соперничество и партнёрство. М.: Междунар. отношения, 2009. 168 с.

¹⁶ Симонов К.В. Глобальная энергетическая война. М.: Алгоритм, 2007. 272 с.

Симонов К. В. Нефтегазовый фактор в мировой геополитике. Ухта: [б. и.], 2011. 236 с.

¹⁷ Симонов К.В. Глобальная энергетическая война. М.: Алгоритм, 2007. С. 111.

политической жизни как России, так и Европы. Т.В. Бордачёв указывает ряд факторов внутреннего характера, оказывающих негативное влияние на российско-европейские отношения: «Для Европы это собственная разобщенность и большое количество антироссийских по определению элементов внутри европейской системы государств. Для России – объективное усиление охранительных тенденций в государственных органах и даже некоторый рост ксенофобии у населения»¹⁸. По мнению автора, неспособность прийти к взаимоприемлемым решениям и сохранение модели жесткой конкуренции обуславливаются тем, что каждая из сторон ревностно следит за сохранением баланса сил между ними. В результате, как указывает исследователь, «Россия и Европа остаются пленниками игры с нулевой суммой»¹⁹.

Понятие и принципы стратегического партнерства, а также перспективы заключения нового базового соглашения между Россией и ЕС изучаются в работе П. А. Калиниченко²⁰. Автор указывает на существование сложного клубка противоречий в двусторонних отношениях. По его мнению, развитие современной правовой базы сторон и, прежде всего, европеизация российского права может дать новый импульс развитию партнерских отношений. Европеизация, как пишет П. А. Калиниченко, приведет к сближению и гармонизации законодательства России и ЕС и, таким образом, обусловит упорядочивание российско-европейских экономических связей. Вопросы о столкновении интересов сторон как первопричине возникновения противоречий и возможностях его урегулирования в правовой сфере, остаются за рамками данной работы.

В качестве отдельного направления исследований российско-европейских энергетических отношений можно выделить экономический подход. Работы специалистов экономического профиля отличает наличие детального анализа статистики, фокус на конкретных проблемах взаимодействия России-ЕС вместо обсуждения проблем широкого политического плана. Так, А.А. Конопляник²¹ предлагает расстановку приоритетов российской трубопроводной политики в условиях экономической трансформации европейского рынка и изменений правового регулирования. На взгляд автора, в интересах как России, так и ЕС будет возвращение к видоизмененному проекту трубопровода «Южный поток», построенного в соответствии с 3-им энергетическим пакетом, вместо строительства «Турецкого потока».

¹⁸ Бордачёв Т. В. Новый стратегический союз. Россия и Европа перед вызовами XXI века: возможности "большой сделки". М.: "Европа", 2009. С. 242.

¹⁹ Бордачёв Т. В. Новый стратегический союз. Россия и Европа перед вызовами XXI века: возможности "большой сделки". М.: "Европа", 2009. 304 с.

²⁰ Калиниченко П. А. Европейский Союз: право и отношения с Россией. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 272 с.

²¹ Конопляник А.А. Россия: Сложная адаптация к новым реалиям европейского газового рынка // Энергетика Евразии: новые тенденции и перспективы / отв. ред. С.В. Жуков. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 186 с. URL: http://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2016/2016_002.pdf (Дата обращения: 02.12.2016)

Другая работа А.А. Конопляника²² посвящена изучению роли Договора к Энергетической хартии (ДЭХ) для развития инвестиционного сотрудничества между Россией и ЕС. Автор рассматривает актуальность данного соглашения при финансировании инвестиционных проектов в энергетике, основные мифы, в которых обосновываются риски подписания ДЭХ для России, возможное влияние высокой степени мифологизации ДЭХ в СМИ при принятии решения о выходе из временного применения договора. По мнению исследователя, выход из ДЭХ противоречит интересам российской энергетики в связи с отсутствием его альтернативы.

Во вторую группу входят исследования, в которых изучается **энергетическая политика России**. Среди обобщающих работ можно назвать монографию известного дипломата и ученого С.З. Жизнина²³, в которой предлагаются трактовки ключевых понятий международных отношений в энергетике: «внешнеэкономическая стратегия в сфере энергетики», «энергетическая политика», «внешняя энергетическая политика», «энергетическая дипломатия», «трубопроводная дипломатия». Одна из особенностей работы – насыщенность фактической информацией. Автор рассматривает международные организационные структуры (МЭА, ОПЕК, взаимодействие по линии Энергетической хартии), предлагает множество примеров сотрудничества участников энергетического взаимодействия на уровне национальных государств и энергетических компаний, в том числе ЭнергодIALOG Россия-ЕС. В монографии О.В. Павленко²⁴ уделяется значительное внимание вопросам становления российской внешней энергетической политики, а также правовым аспектам сотрудничества России и ЕС.

В связи с ростом актуальности диверсификации российского экспорта больше внимания привлекают вопросы поставок на альтернативные Европе рынки. А.М. Мастепанов²⁵, основываясь на обширном личном опыте, освещает российско-китайские переговоры относительно маршрутов поставок российского газа в КНР, ценовых условий контракта и связанных с этим вопросов инвестиционного сотрудничества.

Третью группу составляют работы, в которых рассматривается **энергетическая политика Европейского союза**. Общей энергетической политике ЕС посвящено исследование под

²² Конопляник А.А. Россия и Энергетическая хартия. Учебное пособие по курсу «Эволюция международных рынков нефти и газа». М.: РГУ нефти и газа им. И.М.Губкина, 2010. 80 с.

²³ Жизнин С.З. Энергетическая дипломатия России: экономика, политика, практика. М.: Ист Брук, 2005. 640 с.

²⁴ Павленко О. В. Россия в глобальных процессах: 1992-2009 гг. / О.В.Павленко. URL: <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/rossiya-v-mirovix-processax/rossiya-v-globalnix-processax-1992-2008-gg/rossiya-v-globalnix-processax1992-2008.html> (Дата обращения: 02.05.2013).

²⁵ Шафраник Ю.К. Нефтегазовый комплекс России: проблемы и задачи развития. / Мастепанов А. М. О диверсификации экспортных поставок российского газа и восточной энергетической политике России. Тюмень: ТюмГНГУ, 2015. 90 с.

редакцией Р.К. Щенина²⁶, отдельная глава Н.Ю. Кавешникова²⁷ в общем труде Института Европы РАН.

Обстоятельный экономический анализ современных изменений на газовом рынке Европы сделан в совместном труде ИНЭИ РАН и ВШЭ под ред. В.А. Кулагина и Т.А. Митровой²⁸. Авторы подробно рассмотрели тенденции спроса, перспективы собственной добычи, возможности поставок газа из различных внешних источников и перспективы российских поставок на газовый рынок Европы. По мнению авторов, замедление роста рынка и формирование новой организационно-правовой архитектуры приводит к тому, что отношения между Россией и Европой перестают быть примером стратегического партнерства, превращаясь в обычное коммерческое взаимодействие. В работе затрагиваются также и вопросы российской внешней энергетической политики, а также стратегии российских компаний. Сделаны выводы о том, что Россия и российские компании должны адаптироваться к изменяющимся условиям рынка, осуществляя переход к спотовому ценообразованию и отказываясь от стратегии вертикальной интеграции с фокусом на приобретении активов в транспортной инфраструктуре и секторе сбыта.

И.Г. Пашковская²⁹ посвятила свое исследование восточному вектору внешней энергетической политики ЕС. По мнению автора, основная характеристика внешней энергетической политики ЕС заключается в стремлении снизить степень импортозависимости от России. Необходимостью достижения этой цели исследователь объясняет вовлечение во внутренний энергетический рынок ЕС стран Восточной Европы, Южного Кавказа, Средней Азии. При этом, как считает И.Г. Пашковская, политика диверсификации может таить в себе угрозы для устойчивого развития экономик стран-поставщиков в связи с возможной нехваткой энергии для их собственных нужд.

В другой работе³⁰ автор подвергает детальному анализу непосредственно российскую составляющую внешней энергетической политики ЕС. Дополняя выводы предыдущей работы в отношении мотивации и целей европейской политики, И.Г. Пашковская обращает внимание на

²⁶ Экономика Европейского Союза / [Р. К. Щенин и др.] ; под ред. Р. К. Щенина. - М.: КноРус, 2012. - 558 с.

²⁷ Кавешников Н.Ю. Становление энергетической политики ЕС // Европейский Союз в XXI веке: время испытаний / под ред. О. Ю. Потемкиной (отв. ред.), Н. Ю. Кавешникова, Н. Б. Кондратьевой; Рос. акад. наук, Ин-т Европы. М.: Весь мир, 2012. С.222-253.

²⁸ Газовый рынок Европы. Утраченные иллюзии и робкие надежды / Под ред. В.А. Кулагина и Т.А. Митровой. М.: НИУ ВШЭ, ИНЭИ РАН, 2015. С. 42. URL: https://www.eriras.ru/files/gazovyy_rynok_evropy.pdf (Last retrieved: 06.07.2016)

²⁹ Пашковская И.Г. Энергообеспечение Европейского Союза: восточное направление. М.: Навона, 2010. 248 с.

³⁰ Энергетическая политика Европейского Союза в отношении России / И. Г. Пашковская // Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России. Аналитические доклады ИМИ. 2011. Выпуск 5(29). URL: http://www.mgimo.ru/files2/y09_2011/211115/pashkovskaya.pdf

обеспокоенность европейской стороны проблемой недоинвестирования российской энергетики. Автор делает вывод, что стремление избавиться от российской зависимости обуславливается не только опасением политически мотивированного прекращения поставок, но и потенциальной объективной невозможностью выполнить договорные обязательства по поставкам.

В качестве четвертой группы можно выделить исследования, посвященные **общим проблемам энергетического измерения международных отношений и энергетической безопасности**. Энергетическим вопросам часто посвящаются отдельные разделы в сборниках по мировой политике. Авторы рассматривают энергетический сектор не в качестве изолированной области, а как часть всей системы международных отношений. Они демонстрируют, как проблемы развития энергетического сектора обуславливают активную вовлеченность государственных институтов и в результате приобретают политическое измерение.

В работе, посвященной современным международным отношениям, Н.А. Симония, А.В. Мальгин, Ю.В. Боровский³¹ рассматривают эволюцию энергетических рынков, вопросы ценообразования, роль возобновляемых источников энергии (ВИЭ), перспективы развития мирового нефтегазового сектора. Авторы подчеркивают необходимость решения проблем энергетической безопасности на основе равноправного сотрудничества между экспортерами и импортерами.

В коллективном труде под редакцией А.Д. Богатурова³² Ю.В. Боровский показывает, как изменение мирового энергобаланса и дефицит углеводородов увеличивают политизацию мировой энергетики, создают предпосылки для противоречий и конфликтов, обуславливают поддержку национальных нефтегазовых компаний ведущими государствами мира.

На споры вокруг понятия «энергетической безопасности» и необходимость учета интересов потребителей в отношении гарантии спроса обращает внимание Н.А. Симония³³. Автор также указывает на роль США и некоторых стран «новой Европы», оказывающих деструктивное влияние на взаимодействие России и европейских стран в энергетической сфере. Проблематике энергетической безопасности, рассмотренной, прежде всего, через призму взаимодействия

³¹ Симония Н.А., Мальгин А.В., Ю.В. Боровский и др. Энергетическое измерение международных отношений // Современные международные отношения: Учебник / под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 606-627.

³² Боровский Ю.В. Политизация мировой энергетики // Современная мировая политика: Прикладной анализ / отв.ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2010. 592 с.

³³ Симония Н.А. Энергетическое сотрудничество России и ЕС: трудности и достижения // Мировая энергетика в условиях глобализации: вызовы для России. Научный руководитель академик Н.А. Симония. М.: ИМЭМО РАН, 2007. 153 с.

основных игроков – нетто-импортеров и нетто-экспортеров энергоресурсов, а также роли России в ее обеспечении посвящена небольшая монография А.А. Кокошина³⁴.

Основные подходы к понятию «энергетическая безопасность» и их эволюция более подробно анализируются в работах Ю.В. Боровского³⁵ и О.А. Хлопова³⁶ на основе детального рассмотрения существующей зарубежной и отечественной литературы. Ю.В. Боровский в нескольких исследованиях подробно изучает процесс актуализации проблем энергоснабжения, убедительно доказывая, что зарождение проблем энергетической безопасности относится лишь к периоду 1970-х – началу 1980-х гг., а инициатива дополнить это понятие категорией «безопасности спроса» появилась лишь в конце 1980-х. Автор также рассматривает отличие основных составляющих восприятия энергетической безопасности у стран-импортеров и стран-экспортеров энергоресурсов и применяемых ими инструментов энергетической политики.

Отдельно можно отметить труды Института Европы РАН, посвященные европейскому региону, в которых регулярно подвергаются анализу концепт энергетической безопасности, энергетические политики России и ЕС и энергодиалог двух сторон³⁷.

Наконец, пятую группу образуют работы, посвященные **современным тенденциям развития нефтегазового комплекса**. Академик Н.А. Симония³⁸ анализирует вопросы ценообразования на нефтяном рынке, соотношение воздействия фундаментальных, геополитических и спекулятивного факторов на цену. По его мнению, резкие колебания нефтяных цен перед и во время экономического кризиса 2008 г. демонстрируют степень влияния внешних для нефтегазовой промышленности факторов, таких как спекуляции на биржевом рынке или

³⁴ Кокошин А.А. Международная энергетическая безопасность. М.: Издательство «Европа», 2006. 80 с.

³⁵ Боровский Ю.В. Современные проблемы мировой энергетики. М.: Навона, 2011. 232 с;

Боровский Ю.В. Энергетическая безопасность как понятие и проблема: учеб. пособие. М.: МГИМО-Университет, 2016. 126 с.

Боровский Ю.В. Мировая система энергоснабжения. М.: Навона, 2008. 296 с.

³⁶ Хлопов О.А. Энергетическая безопасность в теории и практике международных отношений. М.: ИИУ МГОУ. 2016. 254 с.

³⁷ Кавешников Н.Ю. Становление энергетической политики ЕС // Европейский Союз в XXI веке: время испытаний / под ред. О. Ю. Потемкиной (отв. ред.), Н. Ю. Кавешникова, Н. Б. Кондратьевой; Рос. акад. наук, Ин-т Европы. М.: Весь мир, 2012. С.222-253.

Кавешников Н. Энергетические аспекты // Безопасность Европы / Под ред. В.В. Журкина – М.: Издательство «Весь Мир», 2011. С.493-531.

Хайтун А.Д. Россия – Евросоюз: энергетическая безопасность // Большая Европа : идеи, реальность, перспективы / под общ. ред. Ал. А. Громько и В. П. Федорова; Ин-т Европы РАН. М.: Весь мир, 2014. С. 391-412.

³⁸ Симония Н. А. Мировая нефтегазовая промышленность: проблемы и перспективы / акад. Н. А. Симония. – М. : ИМЭМО РАН, 2009. 25 с.

внутриполитической борьбы в США. К.Н. Миловидов, А.Г. Коржубаев и Л.В. Эдер³⁹ рассматривают современное состояние и перспективы развития нефтегазовой промышленности, раскрывают особенности функционирования газовых рынков и бизнеса, дают прогноз развития отрасли в России. К.Н. Миловидов и Е.В. Зеленовская⁴⁰ подробно освещают технические и экономические аспекты газового бизнеса. В работе рассмотрены особенности функционирования каждого из секторов газовой цепочки (upstream, midstream, downstream), приведены сравнительные экономические характеристики наиболее распространенных способов транспорта газа (по трубопроводам и в виде СПГ) и новых технологий (в виде компримированного природного газа в танкерах, в виде газовых гидратов).

Ю.К. Шафраник⁴¹ в нескольких работах рассматривает основные тенденции развития современного нефтегазового сектора в России и в мире в целом. Изучение различных технологических, экономических и политических условий развития энергетического комплекса на североамериканском и европейском рынках дало автору возможность ответить на важный для российской внешней энергетической стратегии вопрос о перспективах повторения сланцевой революции в Европе. По его мнению, совокупность геологических, экономических, инфраструктурных и иных факторов оказалась уникальной предпосылкой для осуществления сланцевого прорыва в США, что не дает возможности повторить успех в других регионах, и, в частности, увеличить за счет разработки сланцев объемы собственной добычи в Европе – на основном для России экспортном рынке. С другой стороны, активное развитие добычи сланцев создало для России риски в связи со снижением издержек и ростом конкурентоспособности при разработке нетрадиционных залежей.

По мнению Ю.К. Шафраника, для энергетического комплекса СССР и впоследствии России характерна ориентация на действие фактора экономии от масштаба за счет освоения и разработки сверхкрупных месторождений углеводородов. Автор обращает внимание на то, что в современных условиях нефтегазовым компаниям приходится во все большей мере обращаться к нетрадиционным залежам углеводородов, что стимулирует реструктуризацию нефтегазового

³⁹ Миловидов К.Н., Коржубаев А.Г., Эдер Л.В. Нефтегазообеспечение глобальной экономики: Учебное пособие. М.: ЦентрЛитНефтеГаз, 2006. 400 с.

⁴⁰ Миловидов К.Н., Зеленовская Е.В. Нефтегазовое производство: экономика и управление: Учебное пособие для студентов вузов. М.: РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2015. 429 с.

⁴¹ Шафраник Ю.К. Российская энергетика: вчера, сегодня, завтра. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013. 32 с.;

Шафраник Ю.К., Крюков В.А. Нефтегазовый сектор России: трудный путь к многообразию. М.: Изд-во «Перо», 2016, 272 с.;

Шафраник Ю.К. Нефтегазовый комплекс России: проблемы и задачи развития. / Мастепанов А. М. О диверсификации экспортных поставок российского газа и восточной энергетической политике России. Тюмень: ТюмГНГУ, 2015. 90 с.

сектора. Создаются условия для расширения деятельности небольших добывающих компаний, развития сервисного бизнеса и вовлечения в разработку новых сложных месторождений транснациональных корпораций. Кроме того, в работе обращается внимание на то, что расширение разработки нетрадиционных залежей требует более активного участия государственных структур в регулировании деятельности энергетических компаний. Таким образом, автор демонстрирует, как конкретные технологические и экономические особенности нефтегазового сектора обуславливают изменения роли государства.

Большое внимание в отечественной историографии уделено проблемам развития нефтегазового комплекса России. Данная тематика освещена в обширных научных трудах под редакцией В. А. Гусейнова⁴², А. М. Мастепанова⁴³, В.Е. Фортова и Ю.Г. Леонова⁴⁴.

Обзор зарубежной научной литературы

Работы зарубежных авторов также можно структурировать в соответствии с указанными выше группами. В качестве первой группы можно выделить работы, в которых рассматривается **энергетическая политика России**. В зарубежной научной литературе данной теме посвящено большое количество исследований, в основном американских и европейских авторов. Этот пласт работ характеризуется применением различных теоретических подходов, однако наиболее значительная их часть основывается на ключевых положениях неореализма и характеризуется критичным восприятием российской энергетической политики. Так, в работах европейских исследователей Ф. Проэдрю (Filippos Proedrou)⁴⁵, Й. Грэтца (Jonas Grätz)⁴⁶, совместных исследованиях И. Оверланда (Indra Overland) и Р. Орттунга (Robert Ortung)⁴⁷, И. Дреера (Iana

⁴² Нефтегазовый комплекс России : тенденции развития (2000 - 2010 годы) / В. Гусейнов и др.; под общ. ред. В. А. Гусейнова. М. : Красная звезда, 2011. 451 с.

⁴³ Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Энергетическая безопасность (газовая промышленность России) / [А. М. Мастепанов и др.]. М. : Знание , 2005. 686 с.

⁴⁴ Энергетика России: проблемы и перспективы / под ред. В.Е. Фортова, Ю.Г. Леонова. М: Наука, 2006. 499 с.

⁴⁵ Proedrou F. Sensitivity and Vulnerability Shifts and the New Energy Pattern in the EU-Russia Gas Trade. Prospects for the Near Future // Studia Diplomatica, Vol. LXIII, 2010, № 1. P. 93. URL: https://www.academia.edu/24050684/SENSITIVITY_AND_VULNERABILITY_SHIFTS_AND_THE_NEW_ENERGY_PATTERN_IN_THE_EU-RUSSIA_GAS_TRADE_PROSPECTS_FOR_THE_NEAR_FUTURE (Дата обращения: 05.10.2016).

⁴⁶ Grätz J. Common Rules without Strategy: EU Energy Policy and Russia // Toward a Common European Union Energy Policy: Problems, Progress, and Prospects / edited by Birchfield V. L., Duffield J. S. NY: Palgrave Macmillan US, 2011. P. 62-64.

⁴⁷ Ortung R.W., Overland I. A Limited Toolbox: Explaining the Constraints on Russia's Foreign Energy Policy // Journal of Eurasian Studies. 2011, Volume 2, Issue 1. P. 80. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1879366510000394> (Дата обращения: 04.06.2016)

Dreyer) и Дж. Стэнга (Gerald Stang)⁴⁸, а также американских исследователей Г. Люфта (Gal Luft) и А. Корин (Anne Korin)⁴⁹, А. Коэна (Ariel Cohen)⁵⁰, А. Рили (Alan Riley)⁵¹ и Р. Ньюнема (Randall Newnham)⁵² особое внимание уделяется российскому государству и компании «Газпром», связи которой с бюрократическим аппаратом и целями государственной политики особо подчеркиваются. Авторы утверждают, что Россия стремится использовать энергетику для достижения целей внешней политики.

Другие исследователи, такие как К. Смит Штеген (Karen Smith Stegen)⁵³, А. Монахан (Andrew Monaghan)⁵⁴ и А. Голдтау (Andreas Goldthau)⁵⁵ ставят под сомнение обоснованность выводов о «Газпроме» как инструменте внешней политики Кремля. К. Смит Штеген доказывает, что само по себе использование энергетического оружия не обязательно ведет к желаемым результатам, и его применение Россией обычно не приводило к политическим уступкам. А. Монахан придерживается мнения о том, что стратегия «Газпрома» не совпадает с энергетической стратегией России, поскольку, во-первых, интересы российского государства не являются единым целым, представляя собой совокупность интересов различных элитных групп, и во-вторых, «Газпром» имеет ряд коммерческих приоритетов, которые противоречат государственным политическим интересам. А. Голдтау отмечает, что любая попытка использовать экспорт энергоресурсов для оказания политического влияния немедленно приведет к снижению доходов, что будет иметь крайне негативные последствия для компании, особенно в условиях низких цен на российском внутреннем рынке.

⁴⁸ Dreyer I., Stang G. Energy moves and power shifts: EU foreign policy and global energy security / The European Union Institute for Security Studies (EUISS). Report № 18. 2014, February 14. P. 38-39. URL: http://www.iss.europa.eu/uploads/media/Report_18.pdf (Last retrieved: 31.08.2016).

⁴⁹ Luft G., Korin A. Realism and Idealism in the Energy Security debate // Luft G., Korin A. Energy Security Challenges for the 21st Century: A Reference Handbook. Santa Barbara, Calif.: Praeger Security International, 2009. P. 346.

⁵⁰ Cohen A. Russia: The Flawed Energy Superpower // Luft G., Korin A. Energy Security Challenges for the 21st Century... P. 91.

⁵¹ Riley A. Sapping Europe's Energy Security // The New York Times. 2014, May 25th. URL: <http://nyti.ms/1mp31F5> (Дата обращения: 27.09.2016).

⁵² Newnham R. Oil, carrots, and sticks. Russia's energy resources as a foreign policy tool // Journal of Eurasian Studies. 2011. Volume 2, Issue 2. P. 138–142. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S187936651100011X> (Дата обращения: 03.09.2016)

⁵³ Stegen K.S. Deconstructing the “energy weapon”: Russia's threat to Europe as case study // Energy Policy. 2011, October. Volume 39, Issue 10. P. 6505-6513. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421511005866> (Last retrieved: 22.09.2016)

⁵⁴ Monaghan A. Russia's Energy Diplomacy: A Political Idea Lacking a Strategy? // Southeast European and Black Sea Studies, Vol. 7, Issue 2, 2007. P. 279–280. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14683850701402201> (Дата обращения: 18.10.2016)

⁵⁵ Goldthau A. Rhetoric versus reality: Russian threats to European energy supply // Energy Policy. 2008, February. Volume 36, Issue 2. P. 690. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421507004430> (Last retrieved: 15.06.2017).

Совместное исследование Факультета социальных наук Университета Масарика и Пражского института исследований безопасности посвящено деятельности «Газпрома» и «Росатома» в регионе Центральной и Восточной Европы⁵⁶. Работа ориентирована на изучение политики двух российских компаний, которые, по мнению авторов, стремятся, с одной стороны, достичь чисто коммерческих целей, а с другой – реализовать задачи государственной политики. Авторы приходят к выводу о том, что как «Росатом», так и «Газпром» стремятся избежать политической окраски своих действий с целью минимизации рисков ухудшения имиджа на внешних рынках. При этом компании действуют в тесной связке с российским государством, которое способствует их успеху, предоставляя дополнительные бонусы для стран-партнеров. К примеру, при заключении контрактов с «Росатомом», такими бонусами выступают субсидии, льготное кредитование, особые условия контрактов на поставки оружия и т.д. В работе делается неблагоприятный прогноз для дальнейшей деятельности российских компаний, позиции которых, как считают авторы, будут ослабевать.

В совместном исследовании Дж. Хендерсона (James Henderson) и Т.А. Митровой⁵⁷ анализируется газовая экспортная стратегия России и трансформация европейского рынка газа. Авторы рассматривают сложности, с которыми столкнулся «Газпром» на европейском рынке газа, а также шаги, предпринятые российской компанией для решения возникших проблем в европейском регионе и для диверсификации поставок на Восток. В работе делается вывод о том, что «поворот на Восток» не может принести существенных выгод России в связи с сильной переговорной позицией Китая, значительным объемом экспорта государств Средней Азии, осуществляемого также в восточном направлении, и перенасыщенного рынка СПГ. Авторы указывают, что «Газпром» имеет возможность сохранить за собой европейский рынок, реагируя на конкурентное давление адаптацией ценовых и контрактных условий.

Во вторую группу можно включить работы, посвященные **основным проблемам взаимоотношений России и ЕС**. С. Буссена (Sadek Boussena) и К. Локателли (Catherine Locatelli)⁵⁸ придерживаются мнения, что ухудшение российско-европейских отношений началось в

⁵⁶ Energy Security in Central and Eastern Europe and the Operations of Russian State-Owned Energy Enterprises / Reviewed by Jiří Martinec. Brno: Masarykova univerzita, 2015. 694 p. URL: http://www.pssi.cz/download/docs/284_joint-study.pdf (Last retrieved: 05.03.2016)

⁵⁷ Henderson J., Mitrova T. The political and commercial Dynamics of Russia's Gas Export Strategy / The Oxford Institute for Energy Studies. 2015, September. 82 p. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2015/09/NG-102.pdf> (Last retrieved: 04.07.2016).

⁵⁸ Boussena S., Locatelli C. Energy institutional and organizational changes in EU and Russia: Revisiting gas relations // Energy policy. 2013, April. Volume 55. P. 180. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S030142151201035X> (Last retrieved: 24.10.2015).

середине 1990-х гг. и было связано с началом процессов институциональных изменений: запуском либерализации на европейском рынке и усилением роли государства в российской энергетике. Исследователи уверены, что применение различающихся моделей для модернизации энергетического сектора обусловлено различием ценностей и убеждений. Они также называют эти различия причиной недостаточного взаимопонимания между участниками диалога.

Немецкий политолог А. Рар (Alexander Rar) в ряде работ⁵⁹ поднимает широкий круг вопросов во взаимоотношениях России и ЕС, рассматривая энергетический сектор как их неотъемлемую часть. Автор показывает, как с момента распада СССР неоднократно предпринимались попытки создания проекта «Большой Европы» на основе тесного сотрудничества ЕС с Россией, которые, однако, неизменно проваливались по причине недоверия сторон друг к другу. По мнению автора, газовые войны между Москвой и Киевом в 2006 и 2009 гг. стали рубежом в российско-европейских отношениях, после которого ЕС отказался от идеи энергетического альянса с Россией. Тем не менее несмотря на политику диверсификации, проводимую обеими сторонами, заинтересованность во взаимном сотрудничестве все равно сохраняется в связи со взаимодополняемостью их экономик: «Россия является энергетической сверхдержавой без экономики, а Евросоюз – индустриальной сверхдержавой без энергетических резервов»⁶⁰. Характерной особенностью работ А. Рара является большое внимание, уделяемое исследователем различию европейских и российских точек зрения на ключевые проблемы взаимоотношений, сопоставлению позиций сторон. Автор отказывается от достаточно распространенной в литературе практики возложения вины за нестабильность в отношениях России и ЕС лишь на одну из сторон, предпочитая искать причины конфликтности в особенностях их взаимовосприятия.

По мнению К. Куземко (Caroline Kuzemko)⁶¹, многие исследователи, придерживающиеся позитивистской парадигмы, убеждены в том, что движение в сторону рыночной либерализации в ЕС в 1990-е гг. представляет собой норму, от которой отклонилась Россия. Следовательно,

⁵⁹ Рар А. Г. Россия жмет на газ. Возвращение мировой державы = Russland gibt Gas (Die Rückkehr einer Weltmacht). М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 377 с.

Рар А. Куда пойдет Путин? Россия между Китаем и Европой (Почему Западу нужна Россия. Экспертный анализ). М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. 350 с.

Рар А. Россия – Запад. Кто кого? М.: Изд-во «Э», 2016. 352 с.

⁶⁰ Рар А. Куда пойдет Путин? Россия между Китаем и Европой (Почему Западу нужна Россия. Экспертный анализ). М.: Олма Медиа Групп, 2012. С. 133.

⁶¹ Kuzemko C. Ideas, power and change: explaining EU–Russia energy relations // Journal of European Public Policy. 2013, October 8. Volume 21, Issue 1. P. 59. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2013.835062> (Last retrieved: 21.09.2016).

возвращение к либерализации энергетического сектора рассматривается ими в качестве предпосылки для нормализации российско-европейских отношений.

В третью группу входят исследования, в которых рассматривается **энергетическая политика Европейского союза**. Н. Хервег (Nicole Herweg)⁶² анализирует причины повышения актуальности в политической повестке дня проблемы либерализации энергетических рынков в ЕС, а также детально исследует механизм и факторы первого заметного успеха в процессе либерализации европейского газового рынка. Т. Молтби (Tomas Maltby)⁶³ рассмотрел роль Европейской комиссии в процессе изменения энергетической политики ЕС. В своей работе автор показывает, как этот институт способствовал формированию восприятия зависимости ЕС от импорта в качестве проблемы, требующей решения на общеевропейском уровне. В статье демонстрируется, что в результате использования сложившейся во второй половине 2000-х гг. политической ситуации Европейской комиссии удалось значительно расширить возможности наднациональных органов ЕС.

Э. Бручин (Elina Brutschin)⁶⁴ подвергла анализу роль стран Центральной и Восточной Европы для либерализации рынка. Исследователь доказывает, что само по себе включение в состав ЕС новых членов в 2004 и 2007 гг. не может считаться фактором, способствовавшим реструктуризации рынка, вследствие различия интересов новых стран-членов. Однако схожее восприятие ряда событий в энергетической сфере этими государствами обусловило то, что либерализация газового рынка стала рассматриваться в качестве решения проблем энергетической безопасности. Кроме того, как показывает автор, укрепление позиций Еврокомиссии можно связать с тем, что многие новые члены были слабыми в политическом плане. И в рамках взаимовыгодного взаимодействия с небольшими новыми государствами-членами Еврокомиссия получила возможность создать дополнительную поддержку продвигаемых решений.

⁶² Herweg N. Against All Odds: The Liberalisation of the European Natural Gas Market—A Multiple Streams Perspective // Energy Policy Making in the EU. Building the Agenda / edited by Tosun J., Biesenbender S., Schulze K. Springer, 2015. P. 87-88. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-1-4471-6645-0.pdf> (Last retrieved: 22.06.2017).

⁶³ Maltby T. European Union energy policy integration: a case of European Commission policy entrepreneurship and increasing supranationalism // Energy Policy. 2013, April. Volume 55. P. 435-444. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421512010798> (Last retrieved: 07.03.2016).

⁶⁴ Brutschin E. Shaping the EU's Energy Policy Agenda: The Role of Eastern European Countries // Energy Policy Making in the EU. Building the Agenda / edited by Tosun J., Biesenbender S., Schulze K. Springer, 2015. P. 187-204. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-1-4471-6645-0.pdf> (Last retrieved: 22.06.2017).

В совместном исследовании группы авторов Оксфордского института стратегических исследований⁶⁵ подвернут обстоятельному изучению вопрос о возможности снижения зависимости Европы от поставок российского газа. В работе выявлены и проанализированы ключевые факторы, влияющие на возможности снижения импортозависимости: контрактные обязательства европейских компаний-импортеров, объем собственной добычи, потенциал роста импорта за счет других поставщиков, а также снижение потребностей в импорте российского газа в результате его замены альтернативными источниками энергии и политики энергосбережения. Авторы приходят к выводу, что потребность в импорте российского газа в кратко- и среднесрочной перспективе сохраняется в результате ограниченного потенциала для увеличения собственного производства и импорта по другим трубопроводным маршрутам, высокой стоимости строительства СПГ-терминалов, сложности сохранения темпов увеличения энергоэффективности.

Четвертую группу составляют работы, посвященные проблематике **общих проблем энергетического измерения международных отношений и энергетической безопасности**. В обширном сборнике под редакцией Б. Совакула (Benjamin K. Sovacool)⁶⁶ предлагается обзор подходов, составленный из 45 различных определений явления «энергетическая безопасность», сформулированных различными международными организациями, государственными институтами и отдельными учеными. В работе предлагаются различные классификации существующих определений. Л. Хьюз (Larry Hughes) и Д. Шьюп (Darren Shupe) предлагают свою классификацию, выделяя такие измерения, как ресурсная достаточность (availability), экономическая доступность (affordability), экологическая допустимость (acceptability) и инфраструктурная досягаемость как отсутствие барьеров для доступа потребителей к энергоносителям (accessibility). Исследование интересно тем, что в нем по отдельности рассмотрены различные составляющие энергетической безопасности: от ставшего уже традиционным измерения экологической допустимости до таких редко встречающихся, как измерения публичной политики или энергетической бедности.

В исследовании К. Линде (Coby van der Linde) и А. Коппелье (Aad Correlje)⁶⁷ анализируются возможные угрозы для энергетической безопасности Европейского союза.

⁶⁵ Dickel R., et al. Reducing European Dependence on Russian Gas: distinguishing natural gas security from geopolitics / The Oxford Institute for Energy Studies. 2014. 68 p. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2014/10/NG-92.pdf> (Last retrieved: 10.08.2016).

⁶⁶ Sovacool, B. K. The Routledge Handbook of Energy Security. London: Routledge, 2011. P. 3-6.

⁶⁷ Correljé A. and Linde C. Energy supply security and geopolitics: A European Perspective // Energy Policy. 2006, March. Volume 34, Issue 5. P. 539. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421505003095> (Last retrieved: 26.09.2016)

Придерживаясь точки зрения о том, что значительное влияние на развитие нефтегазового сектора оказывает общая политическая ситуация в мире, авторы предлагают рассмотреть два базовых сценария развития: «рынки и институты» и «регионы и империи». Первый сценарий предполагает продолжение глобализации и либерализации рынков стратегических товаров, а также эффективную работу международных и региональных институтов, которые успешно справляются с идеологическими, религиозными и политическими конфликтами. Второй сценарий аккумулирует более пессимистичные взгляды на развитие международных отношений, и характеризуется разделением мира на соперничающие между собой страны и регионы, повышением конфликтности, а также отсутствием эффективных глобальных рынков.

В статье делается вывод о том, что конкретные меры европейской энергетической политики должны зависеть от того, в каком из указанных направлений будет развиваться ситуация в международных отношениях в целом. Авторы указывают, что в первом сценарии проблематика энергетической безопасности не будет играть ключевой роли в повестке дня, и энергетическая политика ЕС может быть сфокусирована на поддержании нормального функционирования рынков. В сценарии же «регионы и империи» ЕС оказывается вынужденным решать актуализировавшиеся вопросы энергезависимости и активно прибегать к использованию рассмотренного авторами инструментария внешней политики и политики безопасности.

Д. Ергин (Daniel Yergin)⁶⁸ указывает на то, что в обеспечении энергетической безопасности ключевую роль должны играть рыночные силы. Исследователь придерживается мнения, что государственное регулирование оказывается неэффективным по сравнению с хорошо функционирующими рынками, и призывает правительства отказываться от повышенного контроля в этой сфере, предоставляя это динамично меняющимся факторам спроса и предложения.

В двух других использованных для кандидатской диссертации работах Д. Ергина детально рассматривается история нефтяной индустрии⁶⁹ и основные проблемы современной мировой энергетики⁷⁰. Работы опираются на широкое использование фактического материала и детальное исследование влияния человеческого и технологического факторов на развитие энергетической отрасли и фактически являются примером использования позитивистского подхода в современной научной литературе. Наиболее актуальные для диссертации главы рассматривают проблему

⁶⁸ Ергин Д. Гарантировать энергетическую безопасность // Россия в глобальной политике. 2006. №1. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_6320 (Дата обращения: 27.05.2017).

⁶⁹ Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть / Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2013. 944 с.

⁷⁰ Ергин Д. В поисках энергии: ресурсные войны, новые технологии и будущее энергетики / Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2017. 720 с.

истощения нефтяных ресурсов, историю добычи нетрадиционных углеводородов (в том числе из сланцевых формаций), развитие технологий сжижения природного газа, перспективы использования возобновляемых источников энергии. Д. Ергин подвергает детальному анализу влияние новых технологий и революционных событий в энергетике на международную политику, возникающие в связи с этим риски и проблемы безопасности.

Подводя итоги обзора отечественной и зарубежной научной литературы, необходимо сделать несколько выводов, имеющих важное значение для формулирования проблемного поля, цели и задач диссертационной работы.

Во-первых, теоретический план научного дискурса характеризуется наличием нескольких основных подходов, берущих свое начало из базовых направлений теории международных отношений. Значительная доля работ основывается на положениях парадигмы неореализма. В них международные отношения рассматриваются как взаимодействие, прежде всего, между государственными акторами, анализ проводится в терминах игры с нулевой суммой, авторы исходят из предпосылок о принципиально несовместимом восприятии интересов различных игроков, трактуют безопасность в терминах геополитики и зачастую приходят к выводу о неизбежном противоборстве государств. Это характерно как для зарубежной, так и для отечественной литературы. Вопросы восприятия сторонами друг друга привлекают значительно меньшее внимание исследователей, что подтверждает новизну выбранного проблемного поля и поставленных в диссертационной работе целей и задач.

Во-вторых, выбранная тематика характеризуется большим объемом разноплановой литературы, различающейся как по дисциплинарной принадлежности, так и по характеру получаемого знания. Выбранная тема затрагивается такими научными дисциплинами, как политология, экономика, юриспруденция, нефтегазовое дело, а поставленные проблемы раскрываются не только в строго научных исследованиях, но также в изданиях научно-публицистического плана. Появление последних обуславливается высокой актуальностью выбранной темы в публичном дискурсе, и, следовательно, учет сделанных авторами выводов позволяет принять во внимание основные характеристики общественного восприятия вопросов российско-европейских энергетических отношений.

3. Источниковая база

Основу источниковой базы составляют источники официального происхождения, которые организационно оформлены в первую группу и подразделены на несколько подгрупп. В первую подгруппу входят правовые акты Российской Федерации и Европейского союза, материалы государственных институтов России, государственных и транснациональных институтов ЕС. Среди документов, имеющих ключевое значение для выполнения целей и задач диссертационной работы, можно выделить тексты Энергетической стратегии России до 2020 г., Энергетической стратегии России до 2030 г., Зеленые книги Европейской комиссии «К европейской стратегии обеспечения безопасности энергетических поставок» 2000 г. и «Европейская стратегия по устойчивой, конкурентоспособной и безопасной энергетике» 2006 г., а также доклады, резолюции Европарламента и пресс-релизы заседаний Совета ЕС в отношении указанных Зеленых книг.

В указанную подгруппу входят также ежегодные доклады по результатам мониторинга рынков электричества и природного газа Агентства по взаимодействию энергетических регуляторов (ACER), статистические материалы Федеральной службы по экономике и экспортному контролю ФРГ (BAFA) и Статистической службы Европейского союза (Евростата), ежеквартальные отчеты Генерального директората по энергетике Европейской комиссии, материалы Европейского агентства по окружающей среде и Комитета Европейского союза, назначенного Палатой лордов Парламента Великобритании. Использование материалов первой подгруппы позволило проанализировать цели и задачи российской энергетической стратегии, восприятие вопросов энергетической безопасности важнейшими политическими институтами Европейского союза, собрать статистические данные по ценам российского природного газа для стран ЕС и изучить вопрос об использовании Кремлем «Газпрома» в качестве энергетического оружия.

Вторая подгруппа источников состоит из материалов энергетических компаний и неправительственных энергетических организаций. В нее входят годовые и финансовые отчеты «Газпрома», статистические обзоры мировой энергетики компании BP, статистические данные «Eurogas» и Международного газового союза (IGU). Указанные документы предоставили возможность проанализировать значение европейского газового рынка для России и российского экспорта газа для стран ЕС, изменение механизмов ценообразования на природный газ в ЕС, а также энергобалансы стран-членов ЕС. Третья подгруппа включает в себя интервью и выступления официальных лиц, которые были использованы для изучения восприятия российской энергетической политики во время российско-украинского газового конфликта 2006 г.

Вторую группу составляют материалы СМИ. Ее образуют статьи таких крупных информационных агентств и газет, как Россия Сегодня, РБК, Коммерсант, ВВС, Forbes, The New York Times, Frankfurter Allgemeine Zeitung, и других изданий. Публикации СМИ были использованы для указания некоторой фактологической информации, оценочных статистических данных и демонстрации ряда тенденций в экспертном комментировании проблем российско-европейских отношений.

4. Проблема, цели и задачи, хронологические рамки

В диссертационной работе мы рассматриваем несколько **проблем**, которые взаимосвязаны между собой, однако относятся к различным классам:

1. Прикладная проблема: трансформация газового рынка ЕС, которая обуславливает осложнение реализации целей и задач российской внешней энергетической политики на европейском рынке, что представляет собой угрозу для энергетической безопасности России.

2. Познавательная проблема: влияние восприятия безопасности одними политическими акторами на политический курс других акторов, масштабы и механизм этого влияния. Логически взаимосвязанным выступает вопрос о том, в какой мере необходимо учитывать вопросы восприятия безопасности при выборе конкретных политических шагов.

Объект диссертационного исследования – восприятие энергетической безопасности в Европейском союзе как система представлений, идей или классификационно-оценочных шаблонов, через которые важнейшие политические институты ЕС и европейское экспертно-аналитическое сообщество воспринимают безопасное состояние энергетического комплекса Евросоюза и основные угрозы для него.

Предмет – воздействие, которое восприятие энергетической безопасности в Европейском союзе оказало на трансформацию газового рынка ЕС, а также на российскую внешнюю энергетическую политику.

Цель работы – определить, в какой мере и как восприятие России в ЕС повлияло на трансформацию европейского рынка газа и в конечном итоге на возможность реализации целей и задач российской внешней энергетической политики.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие исследовательские задачи:

1. Охарактеризовать основные подходы к анализу восприятия энергетической безопасности и выделяемые исследователями измерения, а также предположения, которые

выдвигаются в рамках теории международных отношений относительно роли государственных институтов на энергетических рынках и об угрозах энергетической безопасности, представляемых государствами друг для друга.

2. Проанализировать, как изменялось восприятие энергетической безопасности в ЕС, какое влияние на этот процесс оказала российская внешняя энергетическая политика, а также какие угрозы, как считается, представляет Россия для европейских стран.

3. Выявить основные факторы, обусловившие продолжение либерализации рынка газа в ЕС во второй половине 2000-х гг. и роль проблематики энергетической безопасности в этом процессе.

4. Сопоставить основные цели и задачи российской внешней энергетической политики с реальным развитием ситуации для России на европейском рынке газа. Сравнить современные тенденции в изменении роли европейского газового рынка для России и роль России как поставщика для стран ЕС.

5. Определить влияние Гронингенской модели ценообразования на определение цены природного газа для стран ЕС Россией и «Газпромом» для того, чтобы сделать вывод о влиянии трансформации системы ценообразования на цели и задачи российской внешней энергетической политики.

6. Охарактеризовать основные изменения в ценообразовании на поставки российского газа на рынок ЕС.

Основные **хронологические рамки** исследования охватывают период с 2006 по 2016 гг. Российско-европейские отношения в указанные годы имеют значительные отличия от предшествующего периода. Трансформация российско-европейских отношений была обусловлена целым рядом событий. Во-первых, в 2006 г. Россия сформировала единый канал экспорта природного газа, приняв федеральный закон «Об экспорте газа», предоставивший «Газпрому» монопольное право на экспорт газа. Во-вторых, в середине 2000-х гг. изменилась стратегия «Газпрома» во взаимодействии со странами Восточной Европы. В отчете «Газпрома» за 2006 г. указано, что стратегия компании в странах СНГ и Балтии направлена на внедрение условий, аналогичных действующим в странах Европы⁷¹. В-третьих, зимой 2005 – 2006 гг. произошел газовый конфликт между Россией и Украиной, который привел к уменьшению поставок в страны ЕС и к актуализации проблемы энергетической безопасности в российско-европейском дискурсе.

⁷¹ Годовой отчет ОАО «Газпром» за 2006 год. С. 49. URL: http://www.gazprom.ru/f/posts/96/642868/report_rus.pdf (Дата обращения: 26.04.2017).

Наконец, после российско-украинского кризиса 2006 г. активизировалась деятельность Еврокомиссии и других важнейших политических институтов ЕС по решению проблем энергетической безопасности.

В ряде случаев особенности поставленных проблем или доступных для анализа данных потребовали расширения изучаемого временного диапазона. Поэтому при проведении исследования мы принимали во внимание некоторые тенденции в изменении европейской энергетической политики, конъюнктуры рынков и вопросов восприятия энергетической безопасности в более широких хронологических рамках.

5. Научная новизна

Научная новизна диссертационной работы определяется выбранными ракурсом, источниковой базой и методологией.

1. Использование статистических данных по официальным документам Европейской комиссии, Европейского парламента и Совета ЕС позволило проанализировать изменение восприятия вопросов энергетической безопасности важнейшими политическими институтами ЕС в хронологическом разрезе и выявить период их резкой актуализации. Применение методов традиционного анализа документов и сравнительного анализа к Зеленым книгам Европейской комиссии и взаимосвязанным с ними документам Европейского парламента и Совета ЕС, предшествовавшим и последовавшим за выявленным периодом актуализации, позволило подробно изучить причины роста важности проблем энергетической безопасности в повестке дня.

2. Использование статистических данных по ценам российского природного газа для стран ЕС, а также их сравнение с котировками газовых хабов и ценами на крупнейших национальных газовых рынках ЕС дало возможность проанализировать выдвигаемые рядом европейских исследователей обвинения об использовании Кремлем «Газпрома» в качестве энергетического оружия и сделать выводы о том, насколько политическое и экономическое влияние России и «Газпрома» в действительности было оказано на наиболее зависимые страны-импортеры.

3. Применение концепции множественных потоков предоставило возможность для оценки роли фактора восприятия энергетической безопасности и российско-украинских конфликтов 2006 и 2009 гг. среди других причин активизации либерализации европейского газового рынка во второй половине 2000-х гг.

4. На основе выбранной методологии был проанализирован механизм влияния восприятия безопасности одними политическими акторами на политический курс других акторов на примере отношений России и ЕС в сфере газэнергетики в 2006-2016 гг., что позволило рассмотреть проблему учета фактора восприятия безопасности при выборе конкретных политических шагов.

5. Использование парадигмы конструктивизма к анализу научной литературы и экспертных оценок отечественных и зарубежных исследователей дало возможность дополнить традиционные подходы к изучению российско-европейских противоречий в области энергетики и выстроить объяснительную модель влияния восприятия безопасности на политический курс акторов мировой политики.

6. Теоретическая и практическая значимость работы

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в том, что ее основные положения и выводы могут быть использованы при разработке методических пособий, преподавании курсов по международной безопасности и энергетической политике, а также при проведении последующих исследований взаимосвязанных проблем.

Исследование имеет также практическую значимость, которая проявляется в том, что оно может применяться в деятельности органов государственной власти при разработке и имплементации ими решений в области энергетической политики, а также государственными компаниями при оценке и прогнозировании влияния конкретных шагов на их дальнейшее восприятие в государствах их экономической деятельности.

7. Методология и методы исследования

Методологической основой диссертационной работы является соединение парадигмы конструктивизма с концепцией множественных потоков, методами традиционного анализа документов и описательной статистики.

Парадигма конструктивизма применяется в работе для демонстрации широкого спектра возможных трактовок энергетической безопасности и доказательства того, что анализ энергетической безопасности в значительной мере подвержен политизации. Данная парадигма представляется наиболее подходящей, поскольку в вопросах энергетической безопасности ключевое значение имеет именно восприятие реальности, а не сама реальность.

Традиционный анализ документов применяется для интерпретации смыслов, содержащихся в выбранных источниках, выявлении ключевых идей и сделанных акцентов, а также для оценки общего контекста документа. В диссертационной работе этот вид анализа использовался для изучения Энергетической стратегии России до 2020 г., Энергетической стратегии России до 2030 г., Зеленых книг Европейской комиссии «К европейской стратегии обеспечения безопасности энергетических поставок» 2000 г. и «Европейская стратегия по устойчивой, конкурентоспособной и безопасной энергетике» 2006 г., а также докладов, резолюций Европарламента и пресс-релизов заседаний Совета ЕС в отношении указанных Зеленых книг.

Концепция множественных потоков Дж. Кингдона предназначена для изучения вопросов о том, в какое время и какие именно проблемы оказываются в центре политической повестки дня, какие политические акторы и каким образом мобилизуются для участия, как формулируются проблемы и их трактовки, а также какую роль играют опытные политические предприниматели во всем процессе. Модель множественных потоков была применена в исследовании для выявления причин актуализации проблематики энергетической безопасности в политической повестке дня ЕС и последовавшей активизации процесса либерализации рынка газа.

Методы и техники описательной статистики применяются для систематизации используемых статистических данных, представления их в графической и табличной формах, а также количественного описания с помощью базовых статистических показателей. В диссертации были использованы процентные показатели, меры центральной тенденции, а также меры вариативности для анализа статистических данных по объему продаж газа «Газпромом» и полученной выручке, а также динамике цен российского газа для различных стран-членов ЕС. Техники представления информации в графической и табличной формах применялись для визуализации данных по упоминаемости определенных терминов в законодательных документах и в описаниях научных статей, по объему экспортированного газа в ЕС различными поставщиками, по применяемым в Европе механизмам ценообразования, по динамике пересмотров контрактов между «Газпромом» и его контрагентами, а также по факторам, влияющим на силу переговорных позиций стран ЕС.

8. Положения, выносимые на защиту

1. Восприятие российско-европейских отношений в европейской научной и экспертно-аналитической среде характеризуется значительным идейным разнообразием. В научной литературе и экспертных комментариях представлены как основные парадигмы международных

отношений: неореализм и неолиберализм, так и постпозитивистские направления. Однако очень значительная доля экспертных оценок базируется на положениях парадигмы неореализма. Поэтому в большинстве работ международные отношения рассматриваются как взаимодействие, прежде всего, между государственными акторами, анализ проводится в терминах игры с нулевой суммой, авторы исходят из предпосылок о принципиально несовместимом восприятии интересов различных игроков, трактуют безопасность в терминах геополитики и зачастую приходят к выводу о неизбежном противоборстве государств.

В работах европейских и американских авторов, посвященных анализу российско-европейских отношений в энергетике, особо подчеркиваются связи компании «Газпром» с государственным аппаратом и переплетение коммерческих интересов компании с целями государственной политики. Кроме того, утверждается, что Россия использует энергетику для оказания политического и экономического влияния на страны-импортеры и достижения внешнеполитических целей.

2. Проблематика энергетической безопасности фактически не привлекала значительного внимания ни европейских исследователей, ни ключевых политических институтов до середины 2000-х гг. В 2006 г. произошла резкая актуализация указанных вопросов в научной среде и рост их важности в политической повестке дня. Подобные выводы позволяет сделать анализ статистических данных по официальным документам Европейской комиссии, Европейского парламента и Совета ЕС, а также по научным работам исследователей, работающих в различных европейских научных центрах.

Анализ Зеленых книг Еврокомиссии и взаимосвязанных с ними документов Европарламента и Совета ЕС продемонстрировал, что к 2006 г. обозначились следующие изменения: в качестве основной угрозы энергетической безопасности ЕС вместо вопроса о гарантированности поставок нефти стали рассматриваться проблемы газообеспечения, выросла актуальность вопроса о проведении единой энергетической политики и общеевропейского регулирования энергетических рынков, с Россией в большей мере стали связываться угрозы безопасному энергоснабжению.

3. Российско-украинские кризисы 2006 и 2009 гг. имели символическое значение для европейского дискурса энергетической безопасности. Мы считаем, что значение указанных кризисов заключается в том, что они, во-первых, стали символом целого ряда российско-европейских противоречий в середине-второй половине 2000-х гг. и способствовали фокусированию внимания на активизации российской энергетической политики, во-вторых,

выступили своего рода тревожным звонком, способствовавшим повышению значимости вопросов энергобезопасности в политической повестке дня и, наконец, в итоге открыли «окно возможностей» для дальнейшей либерализации рынка.

4. Второй этап активизации либерализации европейского газового рынка, начавшийся во второй половине 2000-х гг., был обусловлен комплексом различных факторов, среди которых необходимо выделить следующие: во-первых, возрастание уровня зависимости от импортных поставок, связанное как с увеличением доли импорта «старых» государств-членов ЕС, так и с включением новых членов с высокими показателями импортозависимости. Во-вторых, рост цен на импортируемый природный газ. В-третьих, увеличение разницы между ценами на газовом рынке Великобритании и ценами долгосрочных контрактов, привязанных к нефти, в том числе контрактов «Газпрома». В-четвертых, усиление переговорных позиций потребителей на рынке в результате изменения соотношения спроса и предложения, что привело к складыванию ситуации «рынка покупателя».

Описывая ситуацию терминами концепции множественных потоков, мы считаем, что «фокусирующими событиями», которые открыли «окно возможностей» для активного развития процесса либерализации, выступили российско-украинские кризисы 2006 и 2009 гг. Это позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на наличие отмеченных выше предпосылок, активизация либерализации газового рынка к 2006 г. не была предопределена. Конструирование восприятия российской энергетической политики как угрозы для надежного энергоснабжения ЕС способствовало тому, что либерализация стала восприниматься в качестве механизма предотвращения угроз энергетической безопасности европейских стран.

5. Рассмотренная нами ценовая динамика подтверждает существование зависимости уровня цен от степени монополизации рынка и объема потребления природного газа. Однако доступные для анализа статистические данные не позволяют говорить об обоснованности опасений относительно угроз энергетической безопасности для ЕС и об использовании Кремлем «Газпрома» в качестве энергетического оружия.

6. Существование значительного диапазона цен на российский газ для различных стран ЕС в первой половине 2010-х гг. не было связано с оказанием политического и экономического влияния Россией и «Газпромом» на наиболее зависимых импортеров, что предполагается в рамках концепции энергетического оружия. Непосредственными причинами расширения размаха значений цен являлись:

- географически неравномерное увеличение использования индексов спотовых котировок газовых хабов в качестве привязки для цен долгосрочных газовых контрактов, что обусловило расширение ценового диапазона между странами Западной Европы, с одной стороны, и государствами Центральной и Восточной Европы, с другой стороны, вследствие снижения его нижней границы;
- сопротивление «Газпрома» изменению контрактных условий, изначально основанных на использовании Гронингенской модели ценообразования и нефтяной привязке;
- различие в соотношении сил переговорных позиций между контрагентами «Газпрома», которое и обусловило время изменения контрактных условий: более короткое для стран с низкой степенью монополизации рынка и высоким объемом потребления и, соответственно, более продолжительное для государств с высокой степенью монополизации рынка и низким объемом потребления.

Следовательно, представление об использовании «Газпромом» ценового фактора для реализации поставленных перед ним политических и экономических задач не имеет под собой значительных оснований.

7. Активизация российской внешней энергетической политики в середине 2000-х гг. способствовала трансформации системы ценообразования на европейском рынке газа, что, в свою очередь, привело к осложнению реализации целей и задач энергетической стратегии России в 2010-х гг. Механизм этого влияния можно сформулировать следующим образом. Возникшие конфликты между Россией и странами ЕС привели к актуализации вопросов энергетической безопасности. В свою очередь, в условиях изменившегося соотношения спроса и предложения на рынке и соотношения политических сил это привело к активизации процесса либерализации рынка. Трансформация правовых норм и складывание новой системы взаимодействия между участниками привели к ускорению трансформации системы ценообразования и вынудили «Газпром» согласиться на изменение контрактных условий. Использование спотовой модели ценообразования вместо Гронингенской, по мнению отечественных экспертов, в меньшей мере соответствует российским интересам.

9. Структура работы

Структура диссертации определяется исследовательским замыслом и выстроена на основе проблемно-тематического принципа. Исследование состоит из введения, трех глав основной части, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложений.

Во введении обосновываются актуальность темы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, хронологические рамки, определяются объект и предмет исследования, цель и основные задачи, даются характеристики источниковой базы и степени изученности предложенной темы.

В первой главе «Восприятие энергетической безопасности как фактор влияния на государственную политику: политическая теория и практика» сначала рассматриваются теоретические аспекты влияния восприятия энергетической безопасности на государственную политику, а затем сделанные выводы применяются для изучения официальных документов институтов ЕС и работ европейских авторов. В главе делаются выводы о восприятии угроз энергетической зависимости от России в Европейском союзе и роли России в изменении восприятия энергетической безопасности в ЕС.

Вторая глава «Роль восприятия России как угрозы для энергетической безопасности ЕС для активизации либерализации газового рынка» посвящена изучению комплекса различных факторов, оказавших влияние на активизацию либерализации европейского газового рынка. В данной главе делаются выводы о роли российской энергетической политики для ускорения этого процесса.

В третьей главе «Трансформация системы ценообразования и ее роль для внешней энергетической политики России» сравниваются цели и задачи, поставленные в Энергетической стратегии России в отношении европейского газового рынка, с изменениями, произошедшими на нем за период 2006-2016 гг. Затем мы анализируем причины осложнения проведения российского курса, а именно влияние факторов либерализации рынка и изменения системы ценообразования.

В заключении подводятся основные итоги исследования. На основании результатов, полученных в каждой из глав, у нас появляется возможность выполнить ключевую цель работы, сформулировав, в какой мере и как восприятие России в Европейском союзе повлияло на возможность реализации целей и задач российской внешней энергетической политики.

10. Апробация результатов исследования

Основные выводы, сделанные в результате проведения данного исследования, нашли свое отражение в трех статьях в научных журналах, входящих в список ВАК, а также в выступлениях на следующих научных конференциях:

1. III Конференция аспирантов и магистрантов: «Анализ глобальных и региональных процессов: новые подходы и исследовательские практики» (22 декабря 2016 г.). Доклад: Угрозы

энергетической безопасности и роль государства в их устранении в контексте трех парадигм международных отношений;

2. Международная научная конференция: «Революционный транзит в международных отношениях: геополитические и социокультурные аспекты» (27-28 марта 2017 г.). Выступление: Трансформация европейского рынка природного газа и влияние событий революционного характера на энергетическую безопасность России).

В статье «Взаимодействие России и Европейского союза в сфере газэнергетической безопасности в начале XXI века: проблемы и перспективы»⁷² были рассмотрены основные факторы, обуславливающие сложности при выработке общего подхода к достижению энергетической безопасности на общеевропейском уровне. Также в статье анализируются наиболее важные аспекты понятия «энергетическая безопасность», предпринимаемые Россией и ЕС меры для ее достижения и то, какое влияние эти шаги оказывают на перспективы дальнейшего сотрудничества сторон.

В статье «Газпром как энергетическое оружие: восприятие угроз для энергетической безопасности ЕС»⁷³ внимание сосредоточено на восприятии компании «Газпром» в западном академическом и экспертном сообществе как источника угроз для энергобезопасности ЕС. На основе изучения работ европейских и американских авторов, опубликованных с 2009 по 2015 гг., делается вывод о том, что список воспринимаемых угроз значительно шире того, который обычно упоминается в отечественной литературе. В статье утверждается, что борьба с последствиями негативного восприятия делает необходимым, во-первых, более активное проведение объяснительной работы на уровне отдельных компаний и, во-вторых, большую осмотрительность в случае выполнения государственными компаниями политических задач на уровне государства.

Статья «Российский газ для стран Центральной и Восточной Европы: причины различия цен»⁷⁴ посвящена изучению причин различия цен в долгосрочных контрактах «Газпрома» для стран-членов ЕС в Центральной и Восточной Европе. На основе анализа статистических данных было продемонстрировано, что характерное для многих работ западных авторов представление о

⁷² Данилин Н.А. Взаимодействие России и Европейского союза в сфере газэнергетической безопасности в начале XXI века: проблемы и перспективы // Вестник РГГУ. 2015. №6 (149). С. 86-97. URL: https://www.rsuh.ru/upload/main/vestnik/pmorv/Vestnik-6_15.pdf (Дата обращения: 21.03.2017).

⁷³ Danilin N. Gazprom as an Energy Weapon: Perception of Threats to Energy Security of the EU // Vestnik RGGU. 2017. №2 (8). P. 87-100. URL: http://rggu.ru/upload/main/vestnik/pmorv/Vestnik_pmorv2%288%292017.pdf (Last retrieved: 21.03.2017).

⁷⁴ Данилин Н.А. Российский газ для стран Центральной и Восточной Европы: причины различия цен // Обозреватель. 2017. №12 (335). С. 17-30. URL: <http://materik.ru/upload/iblock/e79/e7980da7eb074b62428bbf85c0a092e2.pdf> (Дата обращения: 13.02.2018).

возможностях «Газпрома» при определении цены является преувеличенным. Делается вывод, что разница в ценах обусловлена различием контрактных формул, а их структура, в свою очередь, зависит от соотношения сил переговорных позиций поставщика и потребителя.

ГЛАВА 1. Восприятие энергетической безопасности как фактор влияния на государственную политику: политическая теория и практика

1.1. Роль государства в устранении угроз энергетической безопасности в контексте трёх парадигм международных отношений

Первая глава нашего исследования посвящена вопросу о роли фактора восприятия в международном энергетическом взаимодействии и процессе его секьюритизации. В первом параграфе этой главы мы сосредоточимся на теоретических предположениях, которые выдвигаются в рамках нескольких парадигм теории мировой политики в отношении следующих проблем:

1. об угрозах энергетической безопасности, представляемых государствами друг для друга,
2. о роли государственных институтов в регулировании энергетического сектора и деятельности национальных энергетических компаний.

При рассмотрении указанных вопросов в фокусе нашего внимания будут находиться российско-европейские отношения в области энергетики.

Парадигмы международных отношений⁷⁵ могут рассматриваться не только как методология научных исследований, но и как подход к достижению целей политическими акторами на практике. В связи с этим представляется важным определить применение ключевых положений основных парадигм (здесь мы сосредоточимся на неореализме, неолиберализме и конструктивизме как одном из направлений постпозитивизма⁷⁶) к проблемам энергетической безопасности, поскольку указанные положения способны, во-первых, направлять научные исследования, во-вторых, определять практические действия акторов политического взаимодействия, и в третьих, влиять на восприятие принимаемых мер теми или иными участниками.

В рамках **парадигмы неореализма** в мировой политике предполагается, что государства являются главными акторами международных отношений. Классический реализм, сформулированный Г. Моргентау (Hans J. Morgenthau), полагает, что государства действуют в

⁷⁵ под каждой из которых вслед за Конышевым В.Н. и Сергуниным А.А. мы понимаем «совокупность наиболее общих теоретико-методологических подходов, установок и представлений, принятых научным сообществом в той или иной области знаний и обеспечивающих преемственность научного творчества». Современные теории международных отношений. Учебник / под ред. Конышева В.Н., Сергунина А.А. М.: РГ-Пресс, 2013. С.12.

⁷⁶ Типология дана в соответствии с работой: Современные теории международных отношений. Учебник / под ред. Конышева В.Н., Сергунина А.А. М.: РГ-Пресс, 2013.

условиях анархии, руководствуются стремлением к выживанию, и их интересы определяются в категориях силы⁷⁷. Теория неоклассического (или структурного) реализма К. Уолтца (Kenneth N. Waltz) вносит некоторые важные дополнения в реалистическую парадигму, характерные для ситуации, складывающейся в международных отношениях в 1970-е гг. Она подчеркивает роль структуры международной системы для действий отдельно взятых государств⁷⁸. Однако базовые принципы остаются прежними.

Применяя принципы реалистической парадигмы к проблемам энергетической безопасности, мы ожидаем, что государства стремятся обезопасить от любых угроз энергетические потоки, имеющие принципиальное значение для национальных экономик. Странами, которые в наибольшей степени затронуты проблемами энергетической безопасности оказываются те, которые вынуждены обеспечивать потребности собственной экономики в рамках международного взаимодействия. Очевидно, что ими оказываются не только государства-импортеры, но и страны-экспортеры, а также транзитные государства⁷⁹. Состояние обеспеченности энергетическими ресурсами каждого отдельного государства и его географическое положение обуславливают степень вовлеченности в область энергетики и определяют тип его энергетической политики (экспортно-, импортно- или транзитноориентированный), в случае если энергетический сектор или экономика не является самодостаточными.

Основные угрозы ассоциируются со сбоями поставок. Одной из важных предпосылок для повышения роли вопросов энергетической безопасности является предположение об истощении объемов тех углеводородных ресурсов, добыча которых является экономически оправданной. Перспективы растущей нехватки ресурсов подкрепляют опасения прерывания энергетических поставок⁸⁰. С точки зрения неореализма государственные участники придерживаются позиции, что обеспечить интересы всех и каждого – сложно или даже невозможно, и, соответственно, предполагается, что каждое государство преследует свои интересы, основываясь на собственном понимании энергетической безопасности⁸¹. Подобные соображения приводят к усилению вовлеченности государственных институтов в деятельность энергетических компаний. Данный

⁷⁷ Morgenthau H. J. *Politics among nations: the struggle for power and peace*. Boston: McGraw-Hill, 1993. P.5.

⁷⁸ Waltz K. N. *Theory of International Politics*. Boston: McGraw-Hill, 1979. 251 p.

⁷⁹ Жизнин С. З. Энергетика в современном мире и международная энергетическая политика // Балтийский регион. 2010. №1(3). С. 2. URL: <http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/085/ufbcrsglbyef.pdf> (Дата обращения: 21.03.2015).

⁸⁰ Klare M.T. *Petroleum Anxiety and the Militarization of Energy Security* // Moran D., Russell J. A. *Energy security and global politics: the militarization of resource management*. London: Routledge, 2009. P. 40-45.

⁸¹ Luft G., Korin A. *Realism and Idealism in the Energy Security debate* // Luft G., Korin A. *Energy Security Challenges for the 21st Century: a Reference Handbook*. Santa Barbara, Calif.: Praeger Security International, 2009. P. 335-336. URL: https://uscrow.org/download/warfare/infrastructure_protection/Energy%20security.pdf (Last retrieved: 22.06.2017)

процесс в научной литературе описывается в терминах «энергетического национализма» и «ресурсного меркантилизма»⁸². По мнению Ф. Леверетта (Flynt Leverett), ресурсный меркантилизм представляет собой «использование экономических и внешнеполитических инструментов правительствами для того, чтобы помочь национальным энергетическим компаниям обеспечить доступ к удаленным источникам углеводородных ресурсов на более привилегированных условиях, чем позволяют обычные контракты на поставки на основе рыночных ценовых механизмов»⁸³. Причем прибегающими к подобным действиям считаются не только государства-экспортеры, но и государства-импортеры⁸⁴. Важность проведения подобной политики обосновывает, например, М. Клэр (Michael T. Klare). Эксперт подчеркивает, что «контроль над нефтегазовыми ресурсами (и средствами доставки) трансформируется в геополитическое влияние одних и экономическую уязвимость других»⁸⁵.

В рамках школы реализма предполагается, что государственные компании в своей деятельности не только руководствуются экономическими соображениями, но и в том числе помогают государству достигать целей в области безопасности. Р. Гилпин (Robert Gilpin) пишет, что «несмотря на то, что компании обычно следуют экономической логике поведения, государство их происхождения не может быть отделено от основных императивов, лежащих в основе их поведения»⁸⁶. Таким образом, с этой точки зрения, государственные институты оказываются вовлечены в сферу энергетики как область, имеющую ключевое значение для благосостояния страны. Этот подход также предполагает тесное взаимодействие государственных институтов и национальных энергетических компаний как на стороне импортеров, так и экспортеров энергоресурсов.

В рамках парадигмы неореализма можно выделить геополитический подход. По мнению О.А. Хлопова, применение этого подхода к энергетике обусловлено следующими причинами: «рост спроса на энергию, неравномерность размещения по планете геологических запасов нефти и

⁸² Klare M.T. Petroleum Anxiety and the Militarization of Energy Security // Moran D., Russell J. A. Energy security and global politics: the militarization of resource management. London: Routledge, 2009. P. 40-45.

⁸³ Leverett F. Resource Mercantilism and the Militarization of Resource Management: Rising Asia and the future of America Primacy in the Persian Gulf // Moran D., Russell J. A. Energy security and global politics: the militarization of resource management. London: Routledge, 2009. P. 211.

⁸⁴ Youngs R. Foreign Policy and Energy Security: Markets, Pipelines, and Politics // edited by Birchfield V. L., Duffield J. S. Toward a Common European Union Energy Policy: Problems, Progress, and Prospects. NY: Palgrave Macmillan US, 2011. P. 51.

⁸⁵ Klare M.T. Twenty-first century energy wars: how oil and gas are fueling global conflicts / Energy Post. 2014, July 15. URL: <http://www.energypost.eu/twenty-first-century-energy-wars-oil-gas-fuelling-global-conflicts/> (Last retrieved: 23.09.2016).

⁸⁶ Цит.по: Energy Security in Central and Eastern Europe and the Operations of Russian State-Owned Energy Enterprises / Reviewed by Jiří Martinec. Brno: Masarykova univerzita, 2015. P. 58. URL: http://www.pssi.cz/download/docs/284_joint-study.pdf (Last retrieved: 05.03.2016).

газа, возрастающая неравномерность обеспечения стран собственными энергоресурсами, зависимость экономики большинства стран от стоимости нефтегазовых ресурсов, зависимость от внешних поставок энергоресурсов и превращение их в объект государственной безопасности в сочетании с усилением соответствующих политических мотиваций ведущих стран мира, превращение энергетики в XX веке в самую технологичную сферу деятельности человека»⁸⁷.

Как было отмечено выше, неореализм может рассматриваться не только как методология научных исследований, но и как подход к достижению целей политическими акторами на практике. Рассмотрение внешней энергетической политики России как применяющей положения неореализма типично для многих исследований в Западной Европе и США⁸⁸. Такая точка зрения на действия России способствовала применению концепции «энергетического оружия» для описания угроз европейской энергетической безопасности. Этот концепт, впервые появившийся в 1973 г. для описания действий стран-членов ОПЕК и возникшего в результате нефтяного кризиса, подчеркивает тесную взаимосвязь между политическими целями государства и деятельностью подконтрольных ему компаний. Обычно концепция «энергетического оружия» применяется для описания возможностей государств-экспортеров энергетических ресурсов проецировать силу для достижения политических и экономических целей, используя энергетическую зависимость стран-импортеров. Более подробно она будет рассмотрена в следующем параграфе.

Неолиберальная парадигма в международных отношениях базируется на идеях сотрудничества и взаимозависимости⁸⁹. Внимание исследователей, работающих в рамках данного подхода, смещается от соперничества государств к различным формам межстрановой кооперации. В результате расширяется круг участников международных отношений, которые воспринимаются в качестве основных. Большую роль приобретает деятельность различных неправительственных

⁸⁷ Хлопов О.А. Энергетическая безопасность в теории и практике международных отношений. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 80.

⁸⁸ Luft G., Korin A. Realism and Idealism in the Energy Security debate // Luft G., Korin A. Energy Security Challenges for the 21st Century: a Reference Handbook. Santa Barbara, Calif.: Praeger Security International, 2009. P. 346. URL: https://uscrow.org/download/warfare/infrastructure_protection/Energy%20security.pdf (Last retrieved: 22.06.2017)
Proedrou F. Sensitivity and Vulnerability Shifts and the New Energy Pattern in the EU-Russia Gas Trade. Prospects for the Near Future // Studia Diplomatica. 2010. Volume LXIII, №1. P. 93. URL: https://www.academia.edu/24050684/SENSITIVITY_AND_VULNERABILITY_SHIFTS_AND_THE_NEW_ENERGY_PATTERN_IN_THE_EU-RUSSIA_GAS_TRADE_PROSPECTS_FOR_THE_NEAR_FUTURE (Last retrieved: 05.10.2016)
Cohen A. Russia: the Flawed Energy Superpower // Luft G., Korin A. Energy Security Challenges for the 21st Century: a Reference Handbook. Santa Barbara, Calif.: Praeger Security International, 2009. P. 336. URL: https://uscrow.org/download/warfare/infrastructure_protection/Energy%20security.pdf (Last retrieved: 22.06.2017).
Energy Security in Central and Eastern Europe and the Operations of Russian State-Owned Energy Enterprises / Reviewed by Jiří Martinec. Brno: Masarykova univerzita, 2015. P. 382.

⁸⁹ Moravscik A. Liberal theory – International Relations. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7D5FNrqT5dM> (Last retrieved: 03.04.2017).

акторов: неправительственных организаций, транснациональных компаний (ТНК), финансовых организаций, экспертно-аналитических центров, средств массовой информации, отдельных личностей, и т.п.

Предполагается, что безопасность государств обеспечивается их взаимозависимостью друг от друга. Так, применительно к энергетической сфере встречаются утверждения, что «интересы продавцов и покупателей не сталкиваются – все стороны-участники производства нефти заинтересованы в стабильности, без которой никто не может преуспеть»⁹⁰. Однако идея о взаимозависимости может привести к двум различным выводам.

С одной стороны, идея взаимозависимости предполагает, что государства предпочитают экономическое взаимодействие использованию политических инструментов принуждения. На подобной предпосылке основывается экономический подход к энергетической безопасности⁹¹. М. Йирушек (Martin Jirušek) пишет, что: «это рынок и рыночные силы, которые наиболее эффективно распределяют энергетические ресурсы... акторы выбирают оптимальную стратегию энергообеспечения и вмешательство правительства рассматривается как неэффективное нарушение этого механизма»⁹². На ключевую роль экономического фактора указывает Д. Ергин. Для прояснения его позиции приведем цитату полностью: «Крупные, гибкие и хорошо функционирующие рынки энергоресурсов обеспечивают безопасность, смягчая потрясения и позволяя спросу и предложению реагировать на них более оперативно и искусно, чем это могла делать управляемая система <...> Таким образом, правительства должны сопротивляться искушению поддаться политическому давлению и осуществлять назойливое управление рынком. Вмешательство и регулирование, какими бы благими мотивами они ни оправдывались, могут привести к обратным результатам, замедляя и даже не допуская перемещения ресурсов, необходимого для устранения последствий сбоя»⁹³.

С другой стороны, концепция взаимозависимости может предложить лишь использование иных инструментов внешней политики. Как было отмечено Р. Коэном (Robert O. Keohane) и Д. Наем (Joseph S. Nye), совершенно равная взаимозависимость между странами может никогда не

⁹⁰ Цит.по: Luft G., Korin A. Realism and Idealism in the Energy Security debate // Luft G., Korin A. Energy Security Challenges for the 21st Century: a Reference Handbook. Santa Barbara, Calif.: Praeger Security International, 2009. P. 340. URL: https://uscrow.org/download/warfare/infrastructure_protection/Energy%20security.pdf (Last retrieved: 22.06.2017).

⁹¹ Ibid.

⁹² Energy Security in Central and Eastern Europe and the Operations of Russian State-Owned Energy Enterprises / Reviewed by Jiří Martinec. Brno: Masarykova univerzita, 2015. P. 64.

⁹³ Ергин Д. Гарантировать энергетическую безопасность // Россия в глобальной политике. 2006. №1. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_6320 (Дата обращения: 27.05.2017).

существовать. Некоторые акторы обычно имеют более сильные позиции, чем другие⁹⁴. Кроме того, позиции государств могут отличаться по показателям чувствительности и уязвимости. Вследствие этого авторы утверждают, что «именно асимметричная зависимость наиболее вероятно обеспечивает источники влияния акторов друг на друга во взаимоотношениях между собой. Менее зависимые акторы могут часто использовать отношения взаимозависимости в качестве источника давления в переговорах по какому-либо вопросу»⁹⁵.

Итак, с этой точки зрения основные угрозы для государств могут представлять упомянутые отношения асимметричной взаимозависимости. Подобный тип угроз требует от государств постоянной переоценки политических, экономических или энергетических отношений с их партнерами с целью недопущения предоставления кому-либо потенциальных инструментов влияния. Однако проблема заключается в том, что в сфере энергетического взаимодействия политические, экономические и правовые соображения тесно переплетены между собой. В связи с этим понимание взаимозависимости может очень серьезно отличаться для отдельных государств или акторов внутри каждого из них. Например, возможности России использовать экспорт энергоносителей как инструмент давления на страны ЕС часто упоминается в западной научной литературе и СМИ. При этом в действительности реальные возможности России зависят от факторов чувствительности и уязвимости, и при принятии их во внимание должны учитываться не только потребности стран ЕС в импорте энергоносителей, но и роль доходов от их продажи для российского бюджета.

Отношения взаимозависимости предоставляют странам гарантии безопасности. Поэтому выстраивание подобных отношений можно назвать характерным для государств. Но что является оптимальным уровнем зависимости и безопасности? На наш взгляд, каждая из теорий предлагает свой собственный ответ на этот вопрос. Равная взаимозависимость в целом соответствует представлениям как либеральной теории, так и реализма. Но в рамках последнего предполагается, что государства будут пытаться изменить *status quo*, снижая собственную зависимость и повышая её показатели у стран-партнеров. Подобное стремление ведет к гонке вооружений энергетического арсенала. В области энергетики влияние различных инструментов зачастую сложно измерить точно. Укрепление позиции одного государства может быть вызвано не только увеличением его возможностей, но и ослаблением позиции других стран. С этим фактором можно связать попытки сохранения уязвимости партнеров. В качестве примера можно привести противодействие

⁹⁴ Nye J. S., Keohane R. O. *Power and interdependence*. 3rd ed. New York: Longman, 2001. P. 9.

⁹⁵ *Ibid.*

государств Прибалтики и Польши строительству трубопровода «Северный поток» и продолжающуюся уже в настоящее время борьбу с реализацией проекта «Северный поток-2».

Важный вопрос заключается в том, какая степень вовлеченности государственных институтов в решение конфликтов рассматривается в качестве возможной в рамках либерального подхода. Ответ на него демонстрирует важное различие между представителями различных течений либерализма. В целом либеральная теория выступает за ограничение вмешательства государственных институтов в функционирование рынка и жизнь общества. Однако некоторые её представители, принадлежащие, к примеру, к направлению либерального интернационализма воспринимают высокую степень государственного вмешательства в качестве необходимой для преследования либеральных целей. Действия либеральных государств и международных организаций рассматриваются в качестве важного компонента установления универсальных принципов права по всему земному шару. И несмотря на то, что исторические примеры интервенций США в период администрации Дж. Буша-мл. называются некоторыми исследователями «темной стороной либерального интернационализма»⁹⁶, они тем не менее лишь напоминают о широком спектре подходов в научных исследованиях либерализма и к применению его положений на практике.

Неопределенность ответа либерализма на вопрос о пределах вмешательства государств приводит к разбросу в оценках проводимых энергетических политик. Как, к примеру, оценить энергетическую политику ЕС? Р. Янгс (Richard Youngs) подчеркивает, что формально ЕС следует «подходу к энергетической безопасности, который базируется на нормах либерального интернационализма»⁹⁷. Но в то же время он отмечает, что государства-члены ЕС, с одной стороны, заинтересованы в применении рыночных механизмов «в рамках всей Европы, а с другой – ищут краткосрочную выгоду, действуя по правилам геополитики»⁹⁸. А. Голдтау (Andreas Goldthau) и Н. Ситтер (Nick Sitter) приходят к заключению, что «ЕС в целом – действительно, применяет либеральную парадигму, однако оставляет значительным пространство для её двойственной интерпретации». Поэтому когда «вопросы затрагивают политику трубопроводов и необходимость справляться с доминирующим положением «Газпрома» как поставщика, регулятивные

⁹⁶ Dunne T., McDonald M. The politics of liberal internationalism // *International Politics*. 2013, January. Vol. 50, Issue 1. P. 8. URL: <https://link.springer.com/article/10.1057/ip.2012.25> (Last retrieved: 12.07.2016).

⁹⁷ Youngs R. *Foreign Policy and Energy Security: Markets, Pipelines, and Politics* // edited by Birchfield V. L., Duffield J. S. *Toward a Common European Union Energy Policy: Problems, Progress, and Prospects*. NY: Palgrave Macmillan US, 2011. P. 41.

⁹⁸ *Ibid.*

инструменты дополняются дипломатическими и финансовыми, а также временными исключениями из правил открытого рынка»⁹⁹.

Обратимся теперь к положениям **конструктивизма**. Необходимо оговориться, что статус конструктивизма в методологии международных отношений является предметом дискуссий. Различные авторы рассматривают его в качестве мета-теории, самостоятельной парадигмы или части парадигмы постпозитивизма¹⁰⁰. Эти разногласия вызваны тем фактом, что конструктивистский подход является самым молодым для теории международных отношений. По мнению Т.А. Алексеевой, только с конца 1980-х он прочно утвердился на теоретическом Олимпе¹⁰¹.

В дискуссиях в рамках энергетической безопасности этот подход особенно интересен тем, что он принципиально меняет работу исследователей. Неопозитивистский подход, ярко выраженный в неореализме и неолиберализме и предлагающий определенный взгляд на спектр основных участников международного взаимодействия, их действия и мотивацию, представляет собой попытку нахождения универсальных законов функционирования мира. Конструктивизм же, как пишет Т.А. Алексеева: «настаивает на множественности истин, их альтернативности, культурно-исторической привязке, контекстуальности и принципиальной неуниверсальности»¹⁰². Фокус внимания смещается от попытки построения объясняющих теорий к анализу восприятия и поиску «конструктов», каждый из которых может рассматриваться в качестве «производимого человеческим сознанием идеального объекта или классификационно-оценочного шаблона, через которые человек воспринимает мир»¹⁰³.

Отмеченные особенности не позволяют нам настолько же последовательно, как при рассмотрении других парадигм, выделить предположения конструктивизма в отношении угроз энергетической безопасности и пределов государственного вмешательства. Скорее следует говорить о том, что конструктивизм предполагает изучение названных вопросов путем анализа восприятия энергетической безопасности конкретными акторами, выявления ключевых отличий, рассмотрения инструментов влияния на других участников политической системы.

⁹⁹ Goldthau A., Sitter N. A liberal actor in a realist world? The Commission and the external dimension of the single market for energy // *Journal of European Public Policy*, 2014. P. 1468.

¹⁰⁰ Современные теории международных отношений. Учебник / под ред. Конышева В.Н., Сергунина А.А. М.: РФ-Пресс, 2013. С. 327.

¹⁰¹ Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски // *Сравнительная политика*. 2014. №1 (14). С. 4. URL: http://old.mgimo.ru/files2/z08_2014/Tatiana_Alexeyeva_Think_like_Constructivist_Discovering_a_Polyphonic_World.pdf

(Дата обращения: 24.11.2016)

¹⁰² Там же. С. 10.

¹⁰³ Там же. С. 4.

В качестве примеров методов, базирующихся на положениях конструктивизма, можно привести подход Копенгагенской школы и концепцию «политического предпринимательства». Действия субъектов международных отношений через призму Копенгагенской школы определяются не через анализ реальных угроз и поиск возможных путей их нейтрализации (характерного для традиционных теорий международных отношений), а через моделирование внутривнутриполитического взаимодействия. Предполагается, что так называемые «акторы секьюритизации» определяют конкретные проблемы в качестве принципиальных угроз безопасности, хотя, как считают Б. Бузан (Barry Buzan) и О. Вэвер (Ole Wæver), они не обязательно представляют собой реальные угрозы экзистенциального характера. Затем акторы секьюритизации предлагают аудитории секьюритизацию угроз, то есть применение экстраординарных мер для их нивелирования¹⁰⁴.

В связи с высокой ролью, которую играет энергетический сектор для нормального функционирования экономики, вопросы энергетической безопасности имеют большой потенциал для их секьюритизации. Это в особенности характерно для государств, в значительной мере зависящих от импорта энергоресурсов или финансовых поступлений от их экспорта / транзита. Экономические аспекты влияют и на политику. Б. Бузан и О. Вэвер отмечают, что референтным объектом традиционно выступало государство, а выживание для государства прежде всего касается сохранения суверенитета¹⁰⁵. Необходимо подчеркнуть, что в дискурсе энергетической безопасности вопросу сохранения суверенитета, а именно возможности самостоятельного принятия решений, уделяется большое внимание. Обвинения, выдвигаемые в адрес «Газпрома», касаются в том числе и преследования смешанных – политических и экономических целей, увязывания цен на энергоресурсы с политическими уступками¹⁰⁶.

Роль государственных институтов определяется тем, насколько они могут выступать в качестве акторов секьюритизации. Представляется, что возможности государства здесь также велики в связи воспринимаемой легитимностью обращения государств к вопросам безопасности в целом и энергетической безопасности в частности. «Во многих случаях, – как пишут Б. Бузан и О. Вэвер, – акторы секьюритизации отличаются от референтных объектов, но в других – в основном на уровне государства – референтный объект будет в определенном смысле выступать

¹⁰⁴ Buzan B., Waever O., Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers Inc., 1997. P.24.

¹⁰⁵ Ibid. P.36.

¹⁰⁶ Energy Security in Central and Eastern Europe and the Operations of Russian State-Owned Energy Enterprises / Reviewed by Jiří Martinec. Brno: Masarykova univerzita, 2015. P. 382.

самостоятельно через своих уполномоченных представителей»¹⁰⁷. В области энергетики совмещение на уровне государства двух указанных составляющих теории секьюритизации обуславливает значительный исследовательский потенциал для анализа государственной энергетической политики. К примеру, при использовании призмы Копенгагенской школы значительно меняется исследование упомянутого выше концепта «энергетического оружия». Фокус смещается с рассмотрения угроз России и «Газпрома» на роль и интересы Европейской комиссии и других акторов. Так, используя терминологию Копенгагенской школы, Еврокомиссию можно назвать «актором секьюритизации», который значительно способствовал в европейском публичном дискурсе отношение к проблемам энергетической безопасности как угрожающим ЕС, т.е. «секьюритизировал» их.

Также существенно смещает фокус внимания и концепция «политического предпринимательства». Эта концепция является одним из важнейших компонентов разработанной американским ученым Дж. Кингдоном (John W. Kingdon) модели множественных потоков¹⁰⁸. Эта модель предназначена для изучения вопросов о том, в какое время и какие именно проблемы оказываются в центре внимания, какие политические акторы и каким образом мобилизуются для участия, как формулируются проблемы и трактовки, а также какую роль играют опытные политические предприниматели во всем процессе (более подробно эта модель будет рассмотрена во 2-ой главе)¹⁰⁹. Исследователь указывает, что политические предприниматели играют основополагающую роль по двум причинам. Во-первых, поскольку они продвигают поддерживаемые ими решения в число наиболее серьезно рассматриваемых альтернатив политического курса. Во-вторых, они предлагают решения для возникающих проблем и увязывают эти комбинации с особенностями текущей ситуации на политическом поле.

Н. Захариадис (Nikolaos Zahariadis), принявший активное участие в разработке модели множественных потоков, указывает, что ее использование позволяет преодолеть ограничения методологии институционализма и теории рационального выбора в объяснении изменения политического курса¹¹⁰. Это становится возможным как раз в результате фокусировки исследователей на идейном компоненте: восприятию существующих проблем и их возможных

¹⁰⁷ Buzan B., Waever O., Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers Inc., 1997. P.42.

¹⁰⁸ Kingdon J. W. Agendas, Alternatives, and Public Policies. Second Edition. Harlow: Pearson, 2014. 235 p.

¹⁰⁹ Ackrill R., Kay A., Zahariadis N. Ambiguity, multiple streams, and EU policy // Journal of European Public Policy. 2013, Volume 20, № 6. P. 872. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2013.781824> (Last retrieved: 05.02.2018)

¹¹⁰ Zahariadis N. Ambiguity and choice in European public policy // Journal of European Public Policy. 2008, Volume 15, № 4. P. 514-530. <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501760801996717>

решений, а также деятельности акторов политической системы как политических предпринимателей.

Как было отмечено выше, с одной стороны, выбор одного из парадигмальных подходов обуславливает различия в логике и направлениях научных исследований. С другой стороны, парадигмы отражают обширный спектр возможных типов восприятия мира, характерных для акторов международного энергетического взаимодействия, и таким образом воплощаются в предпринимаемых ими мерах по обеспечению энергетической безопасности. Последнее используется для «реконструкции» восприятия игроков с целью прогнозирования их дальнейших действий. Создаваемые в результате этого концепции (вроде «энергетического оружия») и стереотипы могут надолго определить перспективы взаимодействия в области энергетики. По сути две указанные стороны неразрывно связаны между собой и могут выступить возможными интерпретациями высказанного Р. Коэном и Дж. Наем замечания: «Писчие перья ученых оставляют отпечаток в умах государственных деятелей, что имеет значительные последствия для проводимой последними политики»¹¹¹.

Факт различия парадигмальных установок имеет вполне практическое значение, определяющее особый интерес к использованию конструктивистских подходов в исследованиях международного энергетического взаимодействия, и проблеме пересечения вопросов безопасности и энергетики. Применительно к российской энергетической политике и деятельности «Газпрома» использование новых подходов выглядит особенно актуальным в свете происходящей трансформации европейского рынка газа и необходимости усовершенствования стратегии адаптации к ней.

¹¹¹ Nye J. S., Keohane R. O. Power and interdependence. New York: Longman, 2001. P. 5.

1.2. Угрозы для энергетической безопасности государства: подходы и измерения

Угрозы стабильности поставок энергоресурсов занимали умы государственных деятелей с начала эры углеводородов. Незадолго до начала Первой мировой войны Уинстон Черчилль, занимавший пост Первого лорда Адмиралтейства, настоял на переходе от угля к нефти в качестве основного вида топлива британского военно-морского флота. Возможные риски колебаний цен и сбоев поставок принимались во внимание уже тогда. В связи с этим Уинстон Черчилль рассматривал диверсификацию в качестве средства достижения «безопасности и определенности с нефтью»¹¹² для поставок для нужд военно-морских сил Великобритании. Этот ранний пример учета проблем энергетической безопасности также демонстрирует вовлечение государства как традиционного гаранта национальной безопасности. Для того чтобы обезопасить поставки топлива и не оказаться в зависимости от поставщиков, британское правительство предприняло активные шаги и приобрело 51% акций в Англо-персидской нефтяной компании¹¹³. Последующие десятилетия (в особенности годы Второй мировой войны) продемонстрировали, насколько вопрос безопасности поставок поднялся по шкале приоритетов, и дали достаточное число примеров того, как восприятие проблем энергетической безопасности оказывало влияние на стратегическое планирование ведущих мировых держав. Тем не менее необходимо признать, что до 1970-х гг. влияние названных вопросов на политику было скорее эпизодическим и проявлялось в основном в периоды военных конфликтов.

Актуализацию проблем энергоснабжения и включение проблем энергетической безопасности в повестку дня мирного времени многие исследователи связывают с нефтяными кризисами 1973 и 1979 гг.¹¹⁴ В предшествующие десятилетия наиболее востребованные энергоресурсы, которыми являлись уголь и нефть, были дешевы и относительно легко доступны на мировых рынках. Изменение роли вопросов нефтеснабжения было вызвано несколькими причинами. Во-первых, увеличением потребления нефти промышленно развитыми странами в годы после Второй Мировой войны. Во-вторых, смещением центра нефтедобычи в район

¹¹² Energy and Security: Strategies for a World in Transition / edited by Jan H. Kalicki, David L. Goldwyn. 2013. P. 72; Luft G., Korin A. Realism and Idealism in the Energy Security debate // Luft G., Korin A. Energy Security Challenges for the 21st Century: a Reference Handbook. Santa Barbara, Calif.: Praeger Security International, 2009. P. 336. URL: https://uscrow.org/download/warfare/infrastructure_protection/Energy%20security.pdf (Last retrieved: 22.06.2017)

¹¹³ Nersesian R. L. Energy for the 21st century: a comprehensive guide to conventional and alternative sources. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 2010. P. 147.

¹¹⁴ См. к примеру: Боровский Ю.В. Энергетическая безопасность как понятие и проблема. М.: МГИМО. Университет, 2016. С. 9-23.

Ближнего Востока и Северной Африки, процессом национализации нефтяной отрасли в развивающихся государствах и, соответственно, снижением возможности развитых государств контролировать ее добычу. Кризисы 1973 и 1979 гг. и связанные с ними нефтяные шоки выступили точкой отсчета новой эпохи, когда проблематика энергетической безопасности заняла прочное место в политической повестке дня.

Существует обширная литература по различным аспектам энергетической безопасности, однако общепринятого определения этого явления не существует. Данная ситуация обусловлена как существованием широкой палитры мнений в научном сообществе, так и объективно различающимися условиями, в которых функционируют национальные государства. Широкий разброс имеющихся точек зрения можно продемонстрировать, используя в качестве примера работу Б. Совакула (Benjamin K. Sovacool). В своем исследовании автор составил список из 45 различных определений, сформулированных исследователями, экспертно-аналитическими центрами, международными организациями и государственными органами, который отражает различие в энергетических потребностях, интересах и насущных проблемах различных государств¹¹⁵.

Несмотря на столь значительное многообразие, все ключевые проблемы энергетической безопасности можно объединить в рамках нескольких измерений. Д. Ергин предлагает классификацию¹¹⁶, которая отдельно выделяет компонент физической безопасности – «защищенность активов, инфраструктуры, цепочек поставок и торговых путей<...>». Вторым ключевым компонентом является система взаимодействия государств и международных институтов, позволяющая дать скоординированный ответ в случае нарушений и сбоев. Третьим элементом выступает обеспечение долгосрочного развития отрасли путем поддержания требуемого для крупных вложений инвестиционного климата. В другой классификации, разработанной Л. Хьюзом (Larry Hughes) и Д. Шьюпом (Darren Shupe), предлагается их разделение на 4 категории¹¹⁷: ресурсная достаточность (availability), экономическая доступность (affordability), экологическая допустимость (acceptability) и инфраструктурная досягаемость как отсутствие

¹¹⁵ Sovacool B. K. Introduction. Defining, Measuring and Exploring Energy Security // Sovacool B. K. The Routledge Handbook of Energy Security. London: Routledge, 2011. P. 3-6.

¹¹⁶ Ергин Д. В поисках энергии: ресурсные войны, новые технологии и будущее энергетики / Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2017. С. 269.

¹¹⁷ Первые три измерения упоминаются также в Энергетической стратегии РФ до 2030 г., поэтому мы используем терминологию стратегии при переводе.

барьеров для доступа потребителей к энергоносителям (accessibility)¹¹⁸. Ниже мы подробнее рассмотрим ключевые характеристики каждого из указанных измерений, а пока кратко остановимся на национальных особенностях.

В Зеленой книге Европейской комиссии 2000 г. указывается, что долгосрочная стратегия ЕС по обеспечению безопасности энергетических поставок нацелена на обеспечение «непрерывной физической доступности энергоносителей на рынке по цене, доступной для всех потребителей (домохозяйств и промышленных потребителей), и одновременного с этим учета вопросов защиты окружающей среды и устойчивого развития»¹¹⁹. Российская энергетическая стратегия предлагает достаточно узкую трактовку энергетической безопасности как «состояние защищенности страны, ее граждан, общества, государства и экономики от угроз надежному топливно- и энергообеспечению»¹²⁰. Однако из текста стратегии становится ясно, что в ней учитывается роль страны как экспортера энергетических ресурсов и важнейшее значение экспорта в формировании бюджетных поступлений.

Различие подходов государственных игроков к вопросу энергетической безопасности отмечается многими авторами. Как указывают Г. Люфт (Gal Luft) и А. Корин (Anne Korin), «понимание энергетической безопасности различными странами зависит от их географического положения, обеспеченности ресурсами, уровня экономического развития, системы управления государством и многих других факторов»¹²¹. В работах отечественных авторов часто подчеркивается несоответствие интересов стран-экспортеров, стран-импортеров и транзитных государств, и следовательно, производных от этого трактовок понятия энергетической безопасности¹²². Классификация по указанным группам довольно распространена, что демонстрируется в том числе существованием специализированных международных организаций экспортеров и импортеров, к примеру ОПЕК и МЭА. Некоторые российские авторы, как например

¹¹⁸ Hughes L., Shupe D. Applying the Four «A»'s of Energy Security as Criteria in an Energy Security Ranking Method // Sovacool, B. K. The Routledge Handbook of Energy Security. London: Routledge, 2011. P. 356-377.

¹¹⁹ Green Paper - Towards a European strategy for the security of energy supply / European Commission. 2000, November 29. Executive summary. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex:52000DC0769> (Last retrieved: 30.09.2016)

¹²⁰ Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. 2009, 13 ноября. Раздел V, Параграф 2. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (Дата обращения: 15.05.2017).

¹²¹ Luft G., Korin A. Realism and Idealism in the Energy Security debate // Luft G., Korin A. Energy Security Challenges for the 21st Century: a Reference Handbook. Santa Barbara, Calif.: Praeger Security International, 2009. P. 336. URL: https://uscrow.org/download/warfare/infrastructure_protection/Energy%20security.pdf (Last retrieved: 22.06.2017)

¹²² См. к примеру: Жизнин С. З. Энергетика в современном мире и международная энергетическая политика // Балтийский регион. 2010. №1(3). С. 2. URL: <http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/085/ufbcrsglbyef.pdf> (Дата обращения: 21.03.2015).

Ю.В. Боровский, отмечают, что доминирующей остается точка зрения стран-импортеров на толкование энергетической безопасности¹²³.

Рассмотрим теперь более подробно измерения энергетической безопасности. Как было отмечено выше, в одной из классификаций, разработанной Л. Хьюзом и Д. Шьюпом, предлагается их разделение на 4 категории¹²⁴:

1. ресурсная достаточность (availability),
2. экономическая доступность (affordability),
3. экологическая допустимость (acceptability).
4. инфраструктурная досягаемость как отсутствие барьеров для доступа потребителей к энергоносителям (accessibility)¹²⁵.

Первое измерение, акцентирующее внимание на **ресурсной достаточности** (availability), включает в себя проблемы, связанные с возможным истощением запасов энергоресурсов. Оно находится в тесной взаимосвязи со вторым измерением энергетической безопасности – **экономической доступностью** (affordability). На протяжении почти всей истории использования углеводородов человечеством проблема истощения ресурсов постоянно притягивает к себе внимание ученых и общественности. В периоды высоких цен или повышения спроса эти опасения усиливаются, и возможное истощение воспринимается в качестве основной проблемы энергетической безопасности. В работах, посвященных проблеме ресурсной достаточности, часто встречается точка зрения, что потенциал новых экономически доступных месторождений не покрывает объемы потребления, в результате чего добыча в мире приближается к своему пику, за которым прогнозируются спад и неизбежные перебои со снабжением.

Дискуссия о проблеме скорого истощения ресурсов ведется, прежде всего, о перспективах нефтедобычи. Однако ее ключевые особенности характерны и для прогнозирования потребления любого иного вида исчерпаемых энергоресурсов. Поэтому дискуссия о нефтедобыче оказывается весьма показательна для других областей, имеющих не столь длительную историю. Д. Ергин указывает, что прогнозы о скором истощении нефти делались на протяжении всей истории её добычи. Они были связаны с появлением и активным развитием новых областей потребления

¹²³ Боровский Ю.В. Современные проблемы мировой энергетики. М.: Навона, 2011. С. 12.

¹²⁴ Первые три измерения упоминаются также в Энергетической стратегии РФ до 2030 г., поэтому мы используем терминологию стратегии при переводе.

¹²⁵ Hughes L., Shupe D. Applying the Four «A»'s of Energy Security as Criteria in an Energy Security Ranking Method // Sovacool, B. K. The Routledge Handbook of Energy Security. London: Routledge, 2011. P. 356-377.

нефти (к примеру, освещение масляными лампами, двигатели внутреннего сгорания), ростом экономики и потребления конкретных стран (например, Китая).

В 1956 г. подобный прогноз был сделан в очередной раз. М. Хабберт (Marion King Hubbert), известный геофизик и геолог, заявил о том, что нефтедобыча в США достигнет пика между 1965 и 1970 гг. Этот пик и получил название «пика Хабберта». После 1970 г. производство нефти в США, действительно, стало сокращаться, и теория пика нефтедобычи в очередной раз стала популярной¹²⁶. Однако до настоящего времени появление новых технологий (в области добычи или потребления) каждый раз после сделанного прогноза приводило к переизбытку предложения и сопутствующего ему падению цен. К снижению обеспокоенности приводило и открытие новых месторождений. Пик Хабберта постоянно сдвигался по времени.

По мнению ряда оппонентов этой теории, М. Хабберт не принял во внимание влияние факторов цены и новых технологий¹²⁷. Эти факторы имеют ключевое значение для оценки известных месторождений энергоресурсов, что подтверждается многими исследователями. Влияние фактора цены подчеркивается Секретариатом Энергетической хартии, который особо отмечает, что объем имеющихся на Земле углеводородных резервов зависит «не только от их физического наличия, но и от технико-экономических факторов. Поэтому объём запасов будет меняться по мере технического прогресса и изменения экономических условий»¹²⁸.

Значение фактора новых технологий было продемонстрировано сланцевой революцией, которая кардинально изменила статус США и заставила весь мир обратить самое пристальное внимание на перспективы добычи нетрадиционных нефти и газа. По мнению российских исследователей Ю.К. Шафраника и В.А. Крюкова, значительный прорыв в технологиях привел к вступлению всего нефтегазового сектора в период низких цен¹²⁹.

По оценкам К.Н. Миловидова и Е.В.Зеленовской, запасы нетрадиционного газа, под которым рассматриваются сланцевый газ, метан угольных пластов, газ из пород с низкой проницаемостью и гидрат метана, могут превышать запасы традиционного газа в пять и более раз. Если запасы традиционного газа покрывают потребности мировой экономики в течение примерно

¹²⁶ Ергин Д. В поисках энергии: ресурсные войны, новые технологии и будущее энергетики / Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2017. С. 236-248.

¹²⁷ Там же. С. 248.

¹²⁸ Цена энергии. Международные механизмы формирования цены на нефть и газ / Секретариат Энергетической хартии. 2007. С. 101. URL: http://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Thematic/Oil_and_Gas_Pricing_2007_ru.pdf (Дата обращения: 02.03.2017).

¹²⁹ Шафраник Ю.К., Крюков В.А. Нефтегазовый сектор России: трудный путь к многообразию. М.: Изд-во «Перо», 2016, С. 96.

50 лет при сохранении текущего потребления, то запасов нетрадиционного газа хватает еще более чем на 250 лет¹³⁰. Таким образом, накопленный человечеством опыт использования углеводородов позволяет сделать вывод о том, что традиционное измерение ресурсной достаточности оказалось в тесной взаимосвязи с вопросами экономической доступности.

Восприятие энергетической безопасности через призму **экологической допустимости** возникло сравнительно недавно. Ю.В. Боровский отмечает, что экологическая составляющая энергетической безопасности появляется в 1980-е гг. и особенно укрепляет свое значение в 2000-е гг.¹³¹ Одним из ключевых факторов, способствовавших расширению использования ВИЭ и энергоэффективных технологий в этот период выступила, на наш взгляд, актуализация вопросов энергетической безопасности. Расширенное применение ВИЭ и энергоэффективных технологий позволяет уменьшить зависимость от импортируемых энергоресурсов и таким образом снизить риски для энергетической безопасности. Это позицию разделяют И. Дреер (Iana Dreyer) и Дж. Стэнг (Gerald Stang) из Института ЕС по исследованию безопасности. По мнению экспертов, «сокращение спроса на ископаемые виды топлива способствует повышению ликвидности глобальных энергетических рынков, укрепляя энергетическую безопасность всех импортеров; это происходит в результате ослабления позиций экспортеров на рынке и снижения волатильности, которая сопровождается любой сбой поставок на рынке»¹³².

Теперь рассмотрим энергетическую безопасность через призму измерения, которое можно назвать **инфраструктурной достигаемостью**. Как полагают Л. Хьюз и Д. Шьюп, к этому измерению необходимо отнести проблемы, связанные с возникновением различных барьеров для доступа потребителей к энергоносителям. Среди подобных барьеров авторы отмечают экономические, политические и технологические факторы¹³³. По мнению Б. Совакула (Benjamin K. Sovacool), к этому измерению относятся проблемы, обусловленные природными катастрофами, разрушением транспортной инфраструктуры, нападением террористических организаций или вооруженных сил другого государства, наложением эмбарго или санкций¹³⁴. В Зеленой книге

¹³⁰ Миловидов К.Н., Зеленовская Е.В. Нефтегазовое производство: экономика и управление: Учебное пособие для студентов вузов. М.: РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина. 2015. С. 350-351.

¹³¹ Боровский Ю.В. Современные проблемы мировой энергетики. М.: Навона, 2011. С. 8.

¹³² Dreyer I., Stang G. Energy moves and power shifts: EU foreign policy and global energy security / The European Union Institute for Security Studies (EUISS). Report № 18. 2014, February 14. P. 67. URL: http://www.iss.europa.eu/uploads/media/Report_18.pdf (Last retrieved: 31.08.2016).

¹³³ Hughes L., Shupe D. Applying the Four «A»'s of Energy Security as Criteria in an Energy Security Ranking Method // Sovacool, B. K. The Routledge Handbook of Energy Security. London: Routledge, 2011. P. 358.

¹³⁴ Sovacool B. K. Introduction. Defining, Measuring and Exploring Energy Security // Sovacool B. K. The Routledge Handbook of Energy Security. London: Routledge, 2011. P. 9-10.

Европейской комиссии среди угроз этого измерения называются забастовки, природные катастрофы или геополитические кризисы¹³⁵. Важно отметить, что в литературе, посвященной исследованию вопросов энергетической безопасности, среди всей совокупности угроз измерения «инфраструктурной досягаемости», наибольшее внимание уделяется проблемам, связанным с намеренным прерыванием поставок государственными акторами по политическим мотивам.

То, что контроль над энергетическими потоками может быть использован в качестве значимого инструмента внешней политики, и что поставки энергоресурсов могут быть намеренно прерваны, было продемонстрировано в 1970-е гг. Первый нефтяной кризис возник в 1973 г. в результате наложения эмбарго странами ОПЕК. Этот кризис показал, что использование «нефтяного» или «энергетического» оружия не обязательно должно соответствовать наличию значительных военных возможностей и, следовательно, даже слабые в военном отношении государства могут использовать его, бросая вызов крупным державам. Как указывает Д. Ергин, кризис 1973 г. обусловил создание современной модели энергетической безопасности, в рамках которой делается «упор в основном на том, как справиться с любым срывом поставок нефти из добывающих стран»¹³⁶.

Однако в то же самое время нужно отметить, что соотношение немедленно достигнутого эффекта эмбарго и его долгосрочных последствий оказалось неожиданным. Изменения в энергетической политике и энергопотреблении промышленно развитых государств имели крайне негативные последствия для самих же стран-экспортеров нефти. Таким образом, стало очевидно, что только расчеты на эффект в краткосрочной перспективе не могут обосновать использование каких-либо жестких инструментов энергетической политики.

Сегодня идея использования энергетических потоков для воздействия на государства-импортеры часто упоминается в исследовательской литературе, однако редко объясняется детально. Обычно она описывается либо как применение «энергетического оружия», либо как использование инструментов внешней энергетической политики. В рамках этой концепции рассматривается возможность экспортеров энергетических ресурсов оказывать воздействие на страны-импортеры с целью получения политических или экономических выгод. В таком контексте энергетическая зависимость воспринимается почти как синоним серьезных рисков. Однако

¹³⁵ Green Paper - Towards a European strategy for the security of energy supply / European Commission. 2000, November 29. Part 3, Section I, Paragraph A1. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex:52000DC0769>.

¹³⁶ Ергин Д. Гарантировать энергетическую безопасность // Россия в глобальной политике. 2006. №1. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_6320 (Дата обращения: 27.05.2017).

детальный анализ фактического материала является недостаточным вследствие сложностей, связанных с получением точной информации по энергетическим конфликтам.

Ситуации неопределенности оставляет исследователям достаточно места для выдвижения предположений о действиях и мотивации акторов и, соответственно, терминология играет здесь важную роль. Причина обратить особое внимание на выбор конкретных терминов объясняется в рамках конструктивистского подхода. Как отмечает А. Вендт (Alexander Wendt), одно из основных положений конструктивизма заключается в том, что «идентичность и интересы акторов формируются скорее разделяемыми идеями, чем являются заданными природой»¹³⁷. С учетом этого фактора использование термина «энергетического оружия» несет в себе негативный смысл. В современном международном праве использование классического оружия, т.е. военной силы, считается неприемлемым в случае отсутствия достаточных для того оснований. И, соответственно, при описании действий стран-экспортеров данный термин вызывает ассоциации с неприемлемым насилием и подразумевает использование экстраординарных мер. Этот процесс может быть хорошо описан в рамках подхода Копенгагенской школы, который предлагает сфокусироваться на процессе секьюритизации и проанализировать механизм принятия экстраординарных мер для защиты безопасности государства¹³⁸. С этой точки зрения «энергетическое оружие» может быть рассмотрено скорее как политизированный концепт, используемый для достижения политических целей.

Некоторые авторы не только объясняют межгосударственные конфликты в рамках данного концепта, но и доказывают, что подобные инструменты в принципе характерны для внешней политики некоторых государств. В качестве примера можно привести работу Р. Ньюнема (Randall Newnham), посвященную использованию энергетических инструментов Россией¹³⁹. Как утверждает автор, стремление использовать энергетическую зависимость в качестве источника политического и экономического влияния было основным фактором расширения энергетической инфраструктуры Советским Союзом. Современную Россию Р. Ньюнем описывает как «нефтегосударство» (“petro-power”) и считает, что она регулярно прибегает к использованию энергетических потоков в качестве источника влияния. Каждое действие России в отношении

¹³⁷ Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge University Press (Virtual Publishing). 2003. P.1. URL: <http://www.guillaumenicaise.com/wp-content/uploads/2013/10/Wendt-Social-Theory-of-International-Politics.pdf> (Last retrieved: 25.11.2016)

¹³⁸ Buzan B., Waever O., Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers Inc., 1997.

¹³⁹ Newnham R. Oil, carrots, and sticks. Russia's energy resources as a foreign policy tool // Journal of Eurasian Studies. 2011. Volume 2, Issue 2. P. 138–142. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S187936651100011X> (Last retrieved: 03.09.2016).

своих соседей рассматривается в терминах «кнута и пряника», причем отсутствие «пряника» автор автоматически считает примером использования «кнута».

Однако насколько импортозависимость является реальной угрозой для энергетической безопасности? По мнению К. Смит Штеген (Karen Smith Stegen), угроза применения «энергетического оружия» не может приравниваться к уступке государства-импортера, поскольку не обязательно ведет к ней¹⁴⁰. Д. Бьюкен (David Buchan) также обращает внимание на различие между зависимостью и уязвимостью, утверждая, что «...высокая зависимость от импорта не имеет значения, если поставки идут от различных импортеров и осуществляются гибкими средствами транспортировки, например, морским транспортом»¹⁴¹. Исследователь также отмечает, что «арифметическая зависимость может вводить в заблуждение, если интерпретируется как мера уязвимости в отношении прерываний поставок»¹⁴². Различие между зависимостью и уязвимостью обуславливается возможностями государств-импортеров противостоять угрозам, ведь число таких возможностей может быть значительным. К. Линде (Coby van der Linde) и А. Коррелье (Aad Correlje) указывают, что «в дополнение к энергетической политике торговля и внешняя политика и политика в области безопасности также являются компонентами инструментария энергетической безопасности, также как и политика в сфере природопользования (окружающей среды)»¹⁴³.

В научной литературе имеются также иные трактовки влияния экспорта энергоресурсов на государственную политику. Ряд авторов пишут об экспорте энергоносителей не как об оружии или инструменте воздействия, а как о факторе, который обычно ведет к большей агрессивности государственной политики. Так, К. Хендрикс (Cullen S. Hendrix) объясняет рост вовлеченности страны в межгосударственные конфликты комплексом взаимосвязанных причин: во-первых, обеспеченное экспортной выручкой увеличение расходов на обеспечение безопасности, во-вторых, провоцируемая растущим военным бюджетом дилемма безопасности, и в-третьих, ожидание экспортерами энергоресурсов менее серьезных последствий своих воинственных

¹⁴⁰ Stegen K.S. Deconstructing the “energy weapon”: Russia's threat to Europe as case study // Energy Policy. 2011, October. Volume 39, Issue 10. P. 6505-6513. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421511005866> (Last retrieved: 22.09.2016)

¹⁴¹ Buchan D. Europe's energy security – caught between short-term needs and long-term goals / Oxford Energy Comment. 2014. P. 5. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2014/07/Europes-energy-security-caught-between-short-term-needs-and-long-term-goals.pdf> (Last retrieved: 26.09.2016)

¹⁴² Dickel R., et al. Reducing European Dependence on Russian Gas: distinguishing natural gas security from geopolitics / The Oxford Institute for Energy Studies. 2014. P. 6. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2014/10/NG-92.pdf> (Last retrieved: 10.08.2016)

¹⁴³ Correlje A. and Linde C. Energy supply security and geopolitics: A European Perspective // Energy Policy. 2006, March. Volume 34, Issue 5. P. 539. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421505003095> (Last retrieved: 26.09.2016)

заявлений и шагов вследствие заинтересованности наиболее сильных государств, в основном импортеров нефти, в обеспечении стабильности поставок¹⁴⁴. Такой же вывод делает В. Конончук (Wojciech Konończuk), отмечая в 2012 г., что «опыт последних нескольких лет доказывает, что рост доходов бюджета от экспорта нефти вызвал усиление российских амбиций на международной арене и сделал российскую внешнюю политику более агрессивной»¹⁴⁵. Исследования в этой области обычно сконцентрированы на изучении влияния экспорта нефти на политику, однако полученные результаты в большинстве случаев соответствуют и аналогичному влиянию экспорта газа.

Подводя итоги рассмотрению различных подходов к изучению энергетической безопасности и ее измерений, мы можем сделать вывод о крайне широком спектре мнений как в политической, так и в научной сфере. Этот фактор объясняет сложность достижения полного взаимопонимания между различными участниками международных и региональных рынков энергоресурсов. Кроме того, он обуславливает необходимость уделения большего внимания восприятию энергетической безопасности конкретными акторами при анализе и прогнозировании их действий.

¹⁴⁴ Hendrix C.S. Oil prices and Interstate conflict behavior // Conflict Management and Peace Science. 2015, October 19. P.3-4, 18. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0738894215606067> (Last retrieved: 16.06.2017).

¹⁴⁵ Wojciech Konończuk. Russia's best ally. The situation of the Russian Oil Sector and Forecasts for Its Future / Center for Eastern Studies. 2012, April. P. 14. URL: http://aei.pitt.edu/58390/1/prace_39_en_0.pdf (Last retrieved: 12.03.2018).

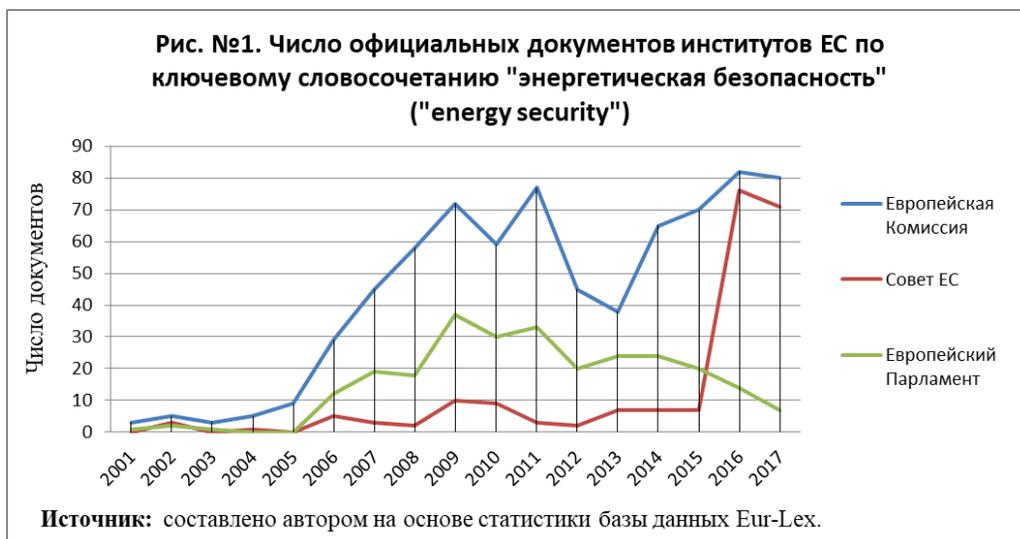
1.3. Восприятие энергетической безопасности в ЕС и роль России в его изменении

Оценка восприятия энергетической безопасности в Европейском союзе, а также роли России в его изменении является сложной комплексной задачей. Для ее решения мы проанализируем официальные документы институтов ЕС, а в следующем параграфе обратимся к исследованиям и экспертным оценкам европейских авторов. Официальные документы отличаются строгостью изложения и скудостью дополнительной информации, которые обуславливают сложность изучения вопросов восприятия на основе таких источников. Тем не менее благодаря тому, что такие документы создаются в устойчивой институциональной среде, мы имеем возможность сузить анализ до нескольких важнейших институтов и рассмотреть динамику изменений в хронологическом разрезе.

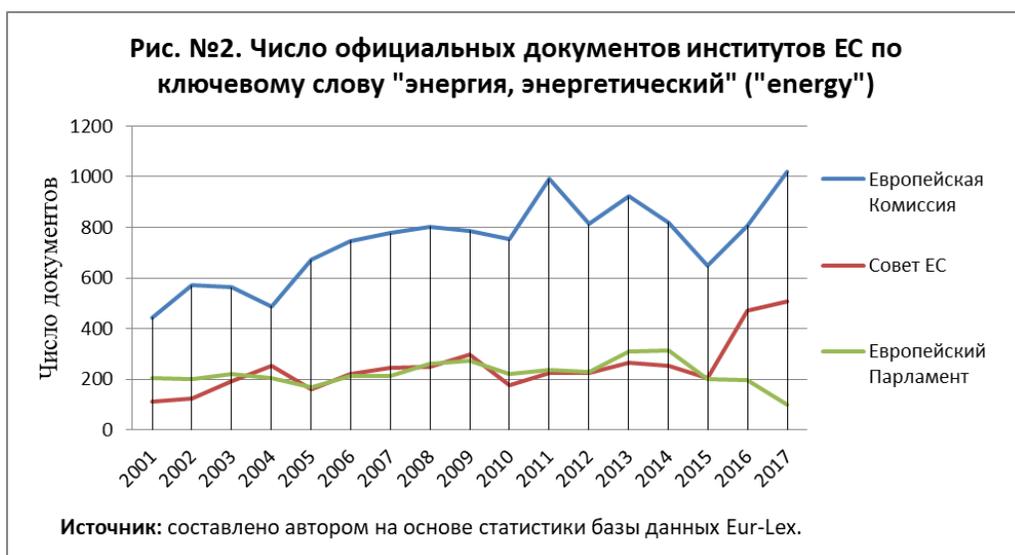
На наш взгляд, можно операционализировать актуализацию вопросов энергетической безопасности через количество документов, в которых используется термин «энергетическая безопасность». Для того чтобы рассмотреть статистические данные по упоминанию этого термина в текстах официальных документов, воспользуемся EUR-Lex – официальным сайтом Европейского союза, обеспечивающим доступ к базе данных официальных документов. Мы сузим ее до раздела «законодательство ЕС» (all EU law), с целью исключить национальное законодательство и рассмотреть подробнее деятельность важнейших общеевропейских институтов: Европейской комиссии, Европейского парламента и Совета ЕС. Документы Европейского совета, фактически верховного института в ЕС, в базе данных не представлены. При сужении всей базы данных до раздела «законодательство ЕС» (all EU law) в нашу выборку попадают предварительные законодательные акты (preparatory acts), документы правоприменительной практики (EU case law), законодательные документы (legislation), консолидированные законы (consolidated acts), договоры (treaties), международные соглашения (international agreements) и некоторые другие. Отметим, что статистические данные представляют собой именно число документов, а не упоминаний термина, поэтому частота использования термина в одном документе не влияет на всю выборку.

На Рис. №1 представлен график, показывающий количество документов Европейской комиссии, Европейского парламента и Совета Европейского союза, в текстах которых встречается термин «энергетическая безопасность». В первую очередь заметно резкое увеличение упоминаний термина с 2006 г. Число документов Еврокомиссии в 2006 г. по сравнению с 2005 г. выросло более

чем в три раза – с 9 до 29 единиц, число документов Европарламента и Совета ЕС увеличилось за тот же период времени с 0 до 12 и с 0 до 5 соответственно. Кроме того, обращает на себя внимание общий для всех трех институтов рост в 2009 г. и резкий рост числа документов Совета ЕС в 2016 г.

Для того чтобы быть уверенными в том, что мы рассматриваем именно проблематику энергетической безопасности, или иначе говоря, что наши измерения валидны, мы рассмотрим еще несколько графиков. Дополнительные графики предоставляют нам возможность убедиться, какие из указанных всплесков являются лишь частью более общих трендов и не относятся к проблематике именно энергетической безопасности. На Рис. №2 указан график, демонстрирующий частоту упоминаний вопросов, связанных с энергетикой (операционализация с помощью слова “energy”). На Рис. №3 представлена статистика упоминаемости вопросов, связанных с безопасностью (операционализация с помощью слова “security”).

Данные графики демонстрируют несколько важных для нас процессов. Во-первых, с 2016 г. увеличивается количество документов Европейской комиссии и особенно Совета ЕС, в которых упоминаются вопросы энергетики и безопасности. Поэтому рост числа документов Совета ЕС, в которых упоминается термин «энергетическая безопасность» в 2016 г., обусловлен, по-видимому, исключительно внешними по отношению к нашему вопросу факторами.

Во-вторых, в 2006 г. наблюдается некоторый рост числа документов всех трех политических институтов, в которых упоминаются вопросы энергетики и безопасности. Он составляет от 11 до 40 % по отношению к предыдущему году. Это достаточно высокие показатели, однако сравнивая их с кратным ростом числа документов с упоминаниями термина «энергетическая безопасность» за тот же период времени, можно сделать вывод, что все же процесс роста актуальности проблем энергетической безопасности существовал как самостоятельное явление. Оно не было вызвано другими процессами в областях безопасности и энергетики.

В-третьих, число документов всех трех политических институтов в 2009 г., в которых упоминаются вопросы энергетики и безопасности, не претерпело значительных изменений по сравнению с предыдущим годом. Это значение менялось как в сторону увеличения, так и уменьшения в зависимости от области и политического института, но в целом осталось прежним. Одновременно с этим число документов, в которых упоминается термин «энергетическая безопасность» значительно выросло в 2009 г.: на 24% для Еврокомиссии, в два раза для Европарламента и в пять раз для Совета ЕС.

Необходимо отметить, что большинство документов, которые привели к росту в 2006 г. посвящены не энергетической безопасности, а другим вопросам: энергоэффективности, возобновляемым источникам энергии, внешней политике, внешней энергетической политике и т.п. Тем не менее в большинстве документов энергетическая безопасность упоминается именно в отношении ЕС, что подтверждает валидность наших измерений.

Итак, основной вывод, который необходимо сделать, заключается в том, что для проблематики энергетической безопасности характерен резкий рост, которой происходит с 2006 г. В период по 2005 г. число документов с использованием термина «энергетическая безопасность» является незначительным, что свидетельствует о том, что эти проблемы не играли важной роли в политической повестке дня. Причем это касается не только периода 2000 – 2005 гг., продемонстрированного на графиках, но и предыдущих десятилетий, в течение которых наблюдается такая же динамика.

Для проверки валидности наших измерений рассмотрим также статистические данные по научным работам европейских экспертов. Используем для этого базу данных Scopus одного из крупнейших мировых научных издательских домов Elsevier. База данных Scopus представляет собой самую большую базу аннотаций и цитирований рецензируемой литературы: научных журналов, книг и докладов конференций. Эта характеристика базы данных обуславливает невозможность проведения полнотекстового поиска – такого же, какой был проведен нами в базе данных EUR-Lex. Поэтому в Scopus мы сможем проанализировать научную литературу на наличие термина «энергетическая безопасность» в названии, кратком описании или среди ключевых слов.

Для европейского научного сообщества характерна высокая мобильность, и поэтому было бы некорректно говорить о каждом исследователе или ученом, как о представителе определенной страны, основываясь исключительно на информации о его происхождении, месте получения образования или месте работы. Поэтому рассматривая вопрос о восприятии энергетической безопасности в ЕС, мы добавили в подборку не только государства-члены ЕС, но и тесно связанные с ними страны в политическом, экономическом и культурном отношении. Таким образом, помимо 28 стран ЕС в список также вошли другие страны, являющиеся членами Шенгенской зоны или Таможенного союза ЕС: Норвегия, Исландия, Швейцария, Лихтенштейн, Монако, Андорра, Сан-Марино. В список рассматриваемых нами научных трудов попадают работы, хотя бы один из авторов которых работает в университете отмеченных выше стран. Получившийся таким образом график представлен на Рис. №4.

На этом рисунке рассматриваемый нами хронологический период начинается в 2001 г., поскольку статистика показывает, что число научных работ в предшествующий период является минимальным, не превышая четырех в год. Для того чтобы убедиться в том, что мы рассматриваем именно проблематику энергетической безопасности, или что наши измерения валидны, мы рассмотрим также статистику по научным работам, так или иначе связанным со сферой энергетики. На Рис. №5 представлен график таких работ, в названии, кратком описании или среди ключевых слов которых встречается слово «energy».

График показывает, что их число в период 2001-2017 гг. устойчиво растет, что может объясняться различными причинами, никак не связанными с проблематикой энергетической безопасности. Для того чтобы исключить влияние указанных причин на интересующий нас график, мы нормализуем число работ по энергетической безопасности (первый показатель) относительно числа работ, связанных со сферой энергетики (второй показатель), разделив первый показатель на второй. Таким образом мы получаем второй график на Рис. №5.

График числа научных работ, связанных с вопросами энергетической безопасности, демонстрирует, что число таких исследований стало значительно расти с 2006-2007 гг. Таким образом, проанализировав статистические данные по официальным документам трех важнейших политических институтов ЕС, и затем по научным работам исследователей, работающих в различных европейских научных центрах, мы можем сделать вывод о том, что проблематика энергетической безопасности фактически не привлекала значительного внимания ни политиков, ни исследователей приблизительно до 2006 г. Затем в 2006 г. происходит резкая актуализация указанных вопросов в научной среде и рост их важности в политической повестке дня. Валидность этих результатов подтверждается независимостью друг от друга взятых нами для анализа данных.

О чем свидетельствует отмеченная динамика? В чем заключается причина актуализации проблематики энергетической безопасности в ЕС? Насколько это было связано с российско-европейскими отношениями? Ответы на эти вопросы позволяют сделать важные выводы для характеристики восприятия энергетической безопасности в ЕС и России как угрозы для нее. Для того чтобы найти эти ответы, подвергнем более детальному анализу восприятие энергетической безопасности в правовых документах, принятых до и после выявленного нами скачка в 2006 г.

Мы рассмотрим Зеленые книги Еврокомиссии и реакцию на них Европарламента и Совета ЕС. Выбор Зеленых книг обусловлен тем, что этот тип документов предназначен для проведения общественного обсуждения важнейших проблем и перспективных направлений их решения, и носит, таким образом, стратегический характер. Он отличается от многих других типов официальных документов, к примеру директив и регламентов, тем, что в нем политический институт объясняет свою позицию в отношении поставленной проблемы и предлагаемого способа ее решения. Соответственно, это дает возможность проведения подробного анализа поставленных нами вопросов восприятия важнейших политических институтов ЕС. Тезисы заседаний Европейского Совета, который считается высшим политическим органом ЕС, не будут рассмотрены в этой работе. Это обусловлено тем, что заседания Европейского Совета обычно посвящены целому ряду различных вопросов, и соответственно, Зеленым книгам уделяется либо

недостаточное внимание, либо основные тезисы заседаний Европейского Совета повторяются в рассматриваемых нами пресс-релизах заседаний Совета ЕС.

Зеленые книги Еврокомиссии в отношении энергетической политики, подходящие для анализа выявленного нами скачка 2006 г., были опубликованы в 2000 и 2006 гг. Позиция Европарламента в отношении каждой из них была выражена в докладе 2001 г. и двух резолюциях 2006 гг. соответственно. Основные тезисы дискуссий, которые проводились в Совете ЕС, отражены в пресс-релизах заседаний 14-15 мая 2001 г., 4-5 декабря 2001 г., 14 марта 2006 г. и 8-9 июня 2006 г.

Уже в 2000-м г. в Зеленой книге «К европейской стратегии обеспечения безопасности энергетических поставок» Европейская комиссия обращается к проблеме роста зависимости ЕС от импорта энергоресурсов¹⁴⁶. Отмечается, что рост энергозависимости происходит в результате одновременно происходящих процессов увеличения потребления и снижения собственного производства, и в случае непринятия должных мер прогнозируется рост зависимости на 20% в следующие 20-30 лет¹⁴⁷. Поскольку проблема энергетической безопасности в такой формулировке оказывается на повестке дня впервые, спектр подходов к вариантам ее решения – очень широк. Поэтому характерной чертой этой Зеленой книги по сравнению с последующими является то, что Еврокомиссия считает необходимым обосновывать свою позицию о проведении политики в первую очередь в области спроса, а не предложения¹⁴⁸.

Наибольшую обеспокоенность вызывает зависимость ЕС именно от импорта нефти¹⁴⁹. Авторы Зеленой книги отмечают, что в долгосрочной перспективе географическую диверсификацию импортных поставок нефти по сравнению с природным газом обеспечить сложнее в связи с тем, что оставшиеся в мире нефтяные запасы расположены на Ближнем Востоке. А сложности в краткосрочной перспективе обусловлены отсутствием резервных мощностей добычи у большинства стран-экспортеров нефти. Диверсификация же импортных поставок газа облегчается наличием ряда возможностей: от близко расположенных традиционных поставщиков и регионов добычи (Россия, Норвегия, страны Северной Африки) до удаленных регионов (Западная Сибирь в России, Каспийский регион и Иран, страны Ближнего Востока и Нигерия)¹⁵⁰.

¹⁴⁶ Green Paper - Towards a European strategy for the security of energy supply / European Commission. 2000, November 29. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex:52000DC0769> (Last retrieved: 30.09.2016)

¹⁴⁷ Ibid. Executive Summary.

¹⁴⁸ Ibid. Part 3, Section 2.

¹⁴⁹ См. к примеру: Ibid. Part 1, Section I, Paragraph C1.

¹⁵⁰ Ibid.

Для снижения указанных рисков и нивелирования угроз энергетической безопасности Европейская комиссия предлагает долгосрочную стратегию по обеспечению энергоснабжения, которая, по ее мнению, должна обеспечить физическую доступность продуктов на рынке, отсутствие перебоев в снабжении и цену, приемлемую для всех покупателей. Кроме того, она учитывает вопросы защиты окружающей среды и устойчивого развития¹⁵¹. Таким образом, в Зеленой книге предлагаются решения для угроз всех четырех измерений энергетической безопасности, рассмотренных нами в предыдущем параграфе. Среди тех из них, которые можно отнести к измерению инфраструктурной досягаемости (accessibility), называются забастовки, природные катастрофы, а также геополитические кризисы. Стратегия уточняет, что она направлена на решение названных вопросов только в той мере, в какой они относятся к уровню структурных сложностей на уровне всего ЕС. В качестве основного инструмента стратегии рассматривается снижение энергопотребления в результате повышения энергоэффективности, увеличения использования ВИЭ¹⁵².

Обратимся теперь к вопросу о восприятии России. В рассматриваемой нами Зеленой книге прогнозируется «неизбежное увеличение зависимости от России по импорту газа»¹⁵³. Тем не менее в нескольких разделах отмечается надежность России как поставщика природного газа: «несмотря на различные сложности СССР и впоследствии Россия всегда выполняли свои обязательства по долгосрочным контрактам с ЕС»¹⁵⁴. Также делается вывод о том, что «непрерывность обеспечения поставок за предшествующие 25 лет является доказательством стабильности, достойной подражания»¹⁵⁵.

Одновременно с этим в Зеленой книге все равно чувствуются опасения чрезмерной зависимости от России. Авторы документа указывают, что слишком высокая доля одного поставщика может привести к увеличению рисков для энергетической безопасности. В качестве решения этой проблемы называется либерализация рынка, которая, как предполагается, обеспечит возможность диверсификации поставок для стран, сильно зависящих от России¹⁵⁶.

¹⁵¹ Green Paper - Towards a European strategy for the security of energy supply / European Commission. 2000, November 29. Executive Summary. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex:52000DC0769> (Last retrieved: 30.09.2016)

¹⁵² Ibid. Part 3, Section 2, Paragraph A1, A2, B1.

¹⁵³ Ibid. Part 1, Section II, Paragraph C1.

¹⁵⁴ Ibid. Part 1, Section I, Paragraph C1

¹⁵⁵ Ibid. Part 1, Section II, Paragraph C1.

¹⁵⁶ Ibid. Part 2, Section II, Paragraph A2.

В 2001 г. Европейский парламент публикует доклад по вопросам, поднятым Европейской комиссией в Зеленой книге 2000 г.¹⁵⁷ Авторы документа соглашаются с поставленной Еврокомиссией проблемой, признавая принципиальную значимость обеспечения долгосрочной стабильности энергетических поставок и выражая обеспокоенность в связи с ростом импортозависимости ЕС¹⁵⁸. При этом в документе уточняется, что импортозависимость создает риски для энергетической безопасности только тогда, когда она усугубляется иными факторами, такими как недостаток собственных ресурсов, риски волатильности цен и возникновения внутри- и внешнеполитических кризисов, повреждения инфраструктуры и т.д.¹⁵⁹ Текст доклада приводит нас к выводу о том, что обеспокоенность вызвана ростом нефтяных цен и касается в первую очередь зависимости от импорта нефти¹⁶⁰. Именно по этой причине авторы особо подчеркивают необходимость внедрения изменений в наиболее зависимом от нефти секторе экономики: транспорте¹⁶¹.

В докладе Европарламента выражается согласие с позицией Еврокомиссии в отношении выбранного решения названных проблем. Парламентарии вслед за Еврокомиссией придают первостепенное значение принятию мер именно в области спроса, а не предложения¹⁶². В соответствии с этим убеждением, авторы документа заявляют, что «все усилия должны быть предприняты для того, чтобы увеличить энергоэффективность и энергосбережение и сократить импортозависимость»¹⁶³. Сокращение спроса путем увеличения энергоэффективности рассматривается, таким образом, в качестве инструмента снижения импортозависимости от внешних поставщиков¹⁶⁴.

Зависимость от импорта природного газа считается менее угрожающей ЕС по сравнению с зависимостью от импорта нефти. Как указывает Комитет по защите окружающей среды, здравоохранению и защите прав потребителей, должна проводиться политика замещения нефти природным газом и альтернативными видами топлива¹⁶⁵. В докладе учитывается прогнозируемый

¹⁵⁷ Report on the Commission Green Paper Towards a European strategy for the security of energy supply / European Parliament. Committee on Industry, External Trade, Research and Energy. 2001, 17 October. URL:

<http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+REPORT+A5-2001-0363+0+DOC+PDF+V0//EN>

¹⁵⁸ Ibid. Paragraph 2: Motion for a Resolution. Clause B, Paragraph 2: Motion for a Resolution. Clause 3.

¹⁵⁹ Ibid. Paragraph 2: Motion for a Resolution. Clause B.

¹⁶⁰ Ibid. Paragraph 2: Motion for a Resolution. Clause 5.

¹⁶¹ Ibid. Paragraph 2: Motion for a Resolution. Clause H, Paragraph 2: Motion for a Resolution. Clause 5.

¹⁶² Ibid. Paragraph 3: Explanatory Statement, Paragraph 2: Motion for a Resolution. Clause 19.

¹⁶³ Ibid. Paragraph 2: Motion for a Resolution. Clause 4.

¹⁶⁴ Ibid. Paragraph 2: Motion for a Resolution. Clause G.

¹⁶⁵ Ibid. Paragraph 4: Opinion of the Committee on the Environment, Public Health and Consumer Policy. Short Justification

рост зависимости от импорта природного газа и рост цен на «голубое топливо»¹⁶⁶. Однако авторы документа считают, что принятие комплекса мер по увеличению энергетической эффективности, либерализации рынков, диверсификации поставок, увеличению мощностей газохранилищ и проведению проактивной политики во взаимоотношениях с поставщиками позволит снизить риски в сфере газоэнергетики¹⁶⁷. Представляется важным отметить, что в докладе 2001 г. Европейский парламент полностью поддерживает начавшийся несколькими годами ранее процесс либерализации рынков природного газа и электроэнергии и подчеркивает необходимость скорейшего завершения этого процесса для обеспечения безопасности энергетических поставок¹⁶⁸.

Россия упоминается в докладе несколько раз. Авторы упоминают ее роль как важного поставщика природного газа и нефти, указывают на необходимость проведения проактивной политики в отношении с Россией для улучшения инвестиционного климата, обеспечения условий передачи технологий и скорейшего завершения процесса ратификации Энергетической хартии. Но в целом можно сделать вывод о том, что восприятие России ничем не отличается от восприятия других стран-поставщиков.

Совет ЕС обсуждал поднятые Европейской комиссией проблемы на двух заседаниях, состоявшихся 14-15 мая 2001 г.¹⁶⁹ и 4-5 декабря 2001 г.¹⁷⁰ Необходимо сразу обратить внимание на отличие Совета ЕС от Еврокомиссии. Его заседания проходят в различных формациях, в зависимости от обсуждаемого круга вопроса. В каждом из них участвуют соответствующие министры стран-членов ЕС. Эта особенность, во-первых, обуславливает большую степень учета национальных интересов в этом органе по сравнению с Еврокомиссией. Именно этим можно объяснить такую особенность дискуссии по Зеленой книге, как частые ссылки на важность «учета географических, экономических, региональных, климатических и структурных различий стран-членов»¹⁷¹. Во-вторых, это приводит к тому, что в дискуссии поднимаются более технические

¹⁶⁶ Report on the Commission Green Paper Towards a European strategy for the security of energy supply / European Parliament. Committee on Industry, External Trade, Research and Energy. 2001, 17 October. Paragraph 2: Motion for a Resolution. Clause I. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+REPORT+A5-2001-0363+0+DOC+PDF+V0//EN>

¹⁶⁷ Ibid. Paragraph 4: Opinion of the Committee on the Environment, Public Health and Consumer Policy. Short Justification, Paragraph 2: Motion for a Resolution. Clause 8.

¹⁶⁸ Ibid. Paragraph 2: Motion for a Resolution. Clause 42.

¹⁶⁹ 2347th Council meeting (Energy / Industry) / Council of the European Union. Brussels. 2001, 14-15 May. URL: <http://europa.eu/rapid/press-release PRES-01-181 en.htm?locale=en> (Last retrieved: 06.04.2018).

¹⁷⁰ 2394th Council meeting (Energy / Industry) / Council of the European Union. Brussels. 2001, 4-5 December. URL: <http://europa.eu/rapid/press-release PRES-01-452 en.htm?locale=en> (Last retrieved: 06.04.2018).

¹⁷¹ 2347th Council meeting (Energy / Industry). Brussels. 2001, 14-15 May. Council Conclusions. URL: <http://europa.eu/rapid/press-release PRES-01-181 en.htm?locale=en> (Last retrieved: 06.04.2018).

вопросы реализации выбранных решений. Так, на рассмотренных нами заседаниях, подробно обсуждались вопросы проведения либерализации рынка и внедрения энергоэффективных технологий при строительстве зданий. Изучение восприятия энергетической безопасности ЕС и России как угрозы для нее по пресс-релизам заседаний Совета ЕС не представляется возможным.

В целом пресс-релизы заседаний показывают, что Совет ЕС согласился с актуальностью поставленных проблем и предложенными путями ее решения. Однако необходимо учитывать сохраняющееся при этом фактическое различие интересов стран-членов. Это подтверждается в частности тем, что при принятии второй газовой директивы в 2003 г. удалось добиться лишь незначительного прогресса в процессе либерализации газового рынка из-за сопротивления отдельных стран ЕС¹⁷².

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в 2000-2001 гг. восприятие основных угроз для энергетической безопасности ЕС и возможностей их нивелирования у рассмотренных нами политических институтов ЕС совпадает. Как мы продемонстрировали, в качестве основной угрозы воспринимается рост импортозависимости. Внимание уделяется прежде всего росту зависимости от поставок нефти. Считается, что зависимость от поставок газа в меньшей степени угрожает ЕС. Предлагаемые меры в большей мере относятся к области спроса, а не предложения, а основными инструментами выступают снижение потребления за счет повышения энергоэффективности и топливная диверсификация в сторону природного газа и ВИЭ. Россия как поставщик воспринимается в целом нейтрально. Вопрос о соотношении ответственности общеевропейских институтов и отдельных стран-членов за безопасность энергоснабжения детально не обсуждается, в рассмотренных нами документах встречаются ссылки как на роль общеевропейских институтов, так и отдельных стран-членов в этом вопросе.

Перейдем теперь к следующему рассматриваемому нами периоду, который характеризуется резкой актуализацией вопросов энергетической безопасности. Зеленая книга Европейской комиссии «Европейская стратегия по устойчивой, конкурентоспособной и безопасной энергетике»¹⁷³ была опубликована в 2006 г. Перечень затронутых в ней проблем по-прежнему достаточно широк – он охватывает вопросы продолжающегося роста импортозависимости, роста

2394th Council meeting (Energy / Industry). Brussels. 2001, 4-5 December. Internal Market in Electricity and gas. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_PRES-01-452_en.htm?locale=en (Last retrieved: 06.04.2018).

¹⁷² Brutschin E. Shaping the EU's Energy Policy Agenda: The Role of Eastern European Countries // Energy Policy Making in the EU. Building the Agenda / edited by Tosun J., Biesenbender S., Schulze K. Springer, 2015. P. 190-191. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-1-4471-6645-0.pdf> (Last retrieved: 22.06.2017).

¹⁷³ Green Paper: A European strategy for sustainable, competitive and secure energy / European Commission. 2006, March 8. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52006DC0105> (Last retrieved: 30.09.2016)

цен на энергоносители, экологические проблемы и т.д. Однако в 2006 г. акцент делается на вопросах газообеспечения. Это демонстрируется количественными показателями: число упоминаний «нефти» («oil») составляет лишь 41% от количества использованных слов «газ» («gas»), что разительно контрастирует с документом 2000 г., в котором «нефть» («oil») упоминалась на 18% чаще «газа» («gas»). В документе большое внимание уделяется вопросам формирования общеевропейских либерализованных рынков газа и электроэнергетики.

Зеленая книга 2006 г. отличается от документа 2000 г. детализацией конкретных мер по трансформации европейской энергетической политики. В Зеленой книге указаны следующие ключевые направления, требующие решительных действий. Во-первых, это завершение создания внутренних энергетических рынков электричества и газа, которые бы гарантировали безопасность поставок. В документе очень подробно излагается позицию Европейской комиссии по проектам следующих газовой и электроэнергетической директив. К примеру указывается на необходимость «более формального объединения операторов транспортных сетей»¹⁷⁴, что будет впоследствии воплощено в Европейской сети системных и транспортных операторов. Во-вторых, обеспечение продуктовой и географической диверсификации энергоносителей. В-третьих, проявление солидарности для предотвращения кризисов поставок и управления ими. В-четвертых, проведение гармоничной и согласованной единой внешней энергетической политики, которая позволит странам-членам «говорить одним голосом»¹⁷⁵ и продемонстрирует их «приверженность прилагать объединенные усилия для решения общих проблем»¹⁷⁶. Наконец, обеспечение защиты окружающей среды, и инновационного и технологического развития.

В Зеленой книге очень большое внимание уделяется такому измерению энергетической безопасности как инфраструктурная досягаемость. В документе подробно рассматриваются вопросы предотвращения сбоев поставок и солидарных действий по снижению негативных последствий, в случае если кризис все равно произошел. Это характерно для параграфов, посвященных созданию внутреннего энергетического рынка, обеспечению безопасности поставок, внешней энергетической политике¹⁷⁷.

Важно отметить, что все эти направления фактически ведут к усилению полномочий наднациональных органов: либо непосредственно в результате проведения единой энергетической

¹⁷⁴ Green Paper: A European strategy for sustainable, competitive and secure energy / European Commission. 2006, March 8. Paragraph 2.2. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52006DC0105> (Last retrieved: 30.09.2016)

¹⁷⁵ Ibid. Paragraph 1, Paragraph 2.6, Conclusions.

¹⁷⁶ Ibid. Paragraph 2.6.

¹⁷⁷ Ibid. Paragraph 2.1, Paragraph 2.2, Paragraph 2.6.

политики, либо опосредованно через создание единого внутреннего рынка, который также требует общеевропейского регулирования. В Зеленой книге указывается, что ситуация требует «общеевропейского ответа»¹⁷⁸. Авторы признают право каждой страны определять структуру своего энергобаланса, однако одновременно с этим указывают, что «выбор каждого государства-члена неизбежно влияет на энергетическую безопасность его соседей и всего ЕС в целом»¹⁷⁹.

Восприятие России значительно изменилось. От указаний на надежность России как поставщика, сделанных в предыдущем документе, не осталось ни слова. Российско-украинский кризис 2006 г., произошедший всего за несколько месяцев до публикации Зеленой книги, или какие-либо еще события политического плана, очевидно повлиявшие на восприятие России или энергетической безопасности, непосредственно в документе не упоминаются. Однако авторы неоднократно ссылаются на некий «недавний опыт» в нефте- и газотранспортировке и кризисы энергоснабжения, требующие от стран-членов ЕС принятия активных мер¹⁸⁰. При обосновании необходимости диверсификации авторы упоминают право стран-членов самостоятельно определять структуру своего топливно-энергетического баланса, однако тем не менее напоминают, что «решения каждой страны-члена ЕС полностью или в основном полагаться на природный газ в электрогенерации имеют значительное влияние на безопасность поставок соседних государств в случае возникновения ситуации нехватки газа»¹⁸¹.

В 2006 г. Европейский парламент принимает несколько резолюций по проблемам, обозначенным в Зеленой книге Европейской комиссии «Европейская стратегия по устойчивой, конкурентоспособной и безопасной энергетике» 2006 г. Первая резолюция опубликована в Официальном журнале ЕС 01 декабря 2006 г. и касается безопасности энергетических поставок в ЕС¹⁸². Вторая резолюция опубликована в том же журнале 14 декабря того же года и касается непосредственно Зеленой книги «Европейская стратегия по устойчивой, конкурентоспособной и безопасной энергетике». Они затрагивают настолько же широкий спектр вопросов и проблем энергетической политики, как и Зеленая книга. Поэтому мы не будем останавливаться на всех аспектах подробно, выделив лишь те характеристики, которые имеют для нас наибольшее значение.

¹⁷⁸ Green Paper: A European strategy for sustainable, competitive and secure energy / European Commission. 2006, March 8. Paragraph 1. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52006DC0105> (Last retrieved: 30.09.2016)

¹⁷⁹ Ibid. Paragraph 2.3.

¹⁸⁰ Ibid. Paragraph 2.6.

¹⁸¹ Ibid. Paragraph 2.3.

¹⁸² European Parliament resolution on security of energy supply in the European Union / European Parliament. 2006, 01 December. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1523886185779&uri=CELEX:52006IP0110> (Last retrieved: 06.04.2018)

В резолюции от 01 декабря Европарламент называет российско-украинский конфликт 2006 г. и повышение нефтяных цен в качестве факторов, подчеркнувших уязвимость систем поставок и распределения энергоносителей. Кроме того, парламентарии выдвигают инициативу установления специального взаимодействия с другими крупными потребителями углеводородов с целью «объединения усилий в уравнивании олигопольного положения поставщиков»¹⁸³.

В резолюции от 14 декабря представляется необходимым отметить следующее. Во-первых, Европарламент, также как и Еврокомиссия, обращает внимание на риски зависимости от ограниченного числа поставщиков и маршрутов доставки энергоносителей, подчеркивая необходимость обеспечения диверсификации¹⁸⁴. Во-вторых, все упоминания России имеют критический оттенок. В статье 65 Европарламент призывает Еврокомиссию не фокусироваться исключительно на взаимодействии с Россией, развивая сотрудничество с другими потенциальными поставщиками энергоресурсов. В статье 66 парламентарии обращают внимание на проблемы недоинвестирования в российском энергетическом секторе и предполагают неспособность России обеспечивать прежние объемы поставок после 2010 г.

Совет ЕС обсуждал Зеленую книгу Европейской комиссии на двух заседаниях, состоявшихся 14 марта 2006 г.¹⁸⁵ и 8-9 июня 2006 г.¹⁸⁶ Как и в ситуации 2000-2001 гг., тексты пресс-релизов заседаний Совета ЕС отличаются от Зеленой книги Еврокомиссии неоднократным упоминанием о важности учета национального суверенитета и национальных особенностей¹⁸⁷. Члены Совета ЕС отмечают, к примеру, необходимость уважения принципа субсидиарности, позволяющего странам-членам учитывать национальные интересы при реализации общеевропейской политики в области ВИЭ¹⁸⁸. Ориентированность на защиту национального суверенитета, проявилась по-видимому, и в том, что участники заседания уделяли большее внимание мерам, не требующим регулирования общеевропейского уровня. Так, была отмечена

¹⁸³ European Parliament resolution on security of energy supply in the European Union / European Parliament. 2006, 01 December. Clause 4. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1523886185779&uri=CELEX:52006IP0110> (Last retrieved: 06.04.2018).

¹⁸⁴ European Parliament resolution on a European Strategy for Sustainable, Competitive and Secure Energy / European Parliament. 2006, 23 December. Clause 30. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1523886185779&uri=CELEX:52006IP0603> (Last retrieved: 06.04.2018)

¹⁸⁵ 2717th Council Meeting (Transport, Telecommunications and Energy) / Council of the European Union. Brussels. 2006, 14 March. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_PRES-06-67_en.htm?locale=en (Last retrieved: 06.04.2018).

¹⁸⁶ 2735th Council Meeting (Transport, Telecommunications and Energy) / Council of the European Union. Luxembourg. 2006, 8-9 June. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_PRES-06-167_en.htm?locale=en (Last retrieved: 06.04.2018).

¹⁸⁷ 2717th Council Meeting (Transport, Telecommunications and Energy) / Council of the European Union. Brussels. 2006, 14 March. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_PRES-06-67_en.htm?locale=en (Last retrieved: 06.04.2018).

¹⁸⁸ 2735th Council Meeting (Transport, Telecommunications and Energy) / Council of the European Union. Luxembourg. 2006, 8-9 June. Sustainability of energy production and consumption, Clause 2. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_PRES-06-167_en.htm?locale=en (Last retrieved: 06.04.2018).

необходимость укрепления взаимодействия и кооперации между различными участниками энергетических рынков и правительствами, а также законодательным мерам, таким как «обмен лучшими практиками»¹⁸⁹. На основе пресс-релизов заседаний в целом можно сделать вывод о том, что Совет ЕС согласился с предложенными Еврокомиссией мерами, детально рассматривая вопросы либерализации рынков и диверсификации поставок.

Проведенный анализ позволяет сделать несколько важных выводов об изменении восприятия энергетической безопасности ЕС и России как возможной угрозы со стороны важнейших политических институтов ЕС в течение 2000-2006 гг.

1. Изменилось восприятие основных угроз для энергетической безопасности ЕС. Если в 2000-2001 гг. основное внимание уделялось обеспечению безопасности поставок нефти, то в 2006 г. на первое место вышли вопросы газообеспечения.
2. Выросла актуальность вопроса о проведении единой энергетической политики и общеевропейского регулирования энергетических рынков. В 2006 г. эти вопросы упоминаются гораздо чаще по сравнению с периодом 2000-2001 гг.
3. Изменилось восприятие России. В 2000-2001 гг. она воспринималась в целом нейтрально. Прогнозируемое увеличение импортозависимости от поставок газа из России в тот момент не вызывало сильного беспокойства. В 2006 г. в официальных документах отмечается, что российско-украинский конфликт 2006 г. (или «недавний опыт» в нефте- и газодобывающей промышленности) подчеркнул уязвимость систем поставок и распределения энергоносителей, что требует принятия активных мер от членов ЕС.
4. Восприятие основных угроз для энергетической безопасности ЕС и возможностей их нивелирования у рассмотренных нами политических институтов ЕС в значительной мере совпадает. Особенно это касается наднациональных институтов: Еврокомиссии и Европарламента. Восприятие Совета ЕС характеризуется бóльшим акцентом на необходимости защиты национальных интересов стран-членов ЕС.

Что могло повлиять на изменение восприятия России? Обзор зарубежной литературы по вопросам энергетического взаимодействия России и ЕС показывает, что некоторые европейские эксперты и политики указывают на российско-украинский конфликт 2006 г. или активизацию российской энергетической политики в целом, как событие или процесс, которые изменили российско-европейские отношения и трансформировали европейскую политику. Другие

¹⁸⁹ 2735th Council Meeting (Transport, Telecommunications and Energy) / Council of the European Union. Luxembourg. 2006, 8-9 June. Internal energy market - Council conclusions, Clause 5. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_PRES-06-167_en.htm?locale=en (Last retrieved: 06.04.2018).

придерживаются мнения, что ухудшение российско-европейских отношений было связано с началом процессов институциональных изменений: запуском либерализации на европейском рынке и усилением роли государства в российской энергетике¹⁹⁰. Некоторые представители этой точки зрения считают, что движение в сторону рыночной либерализации в ЕС в 1990-е гг. представляет собой норму, от которой отклонилась Россия¹⁹¹. В целом необходимо признать, что этот вопрос является достаточно сложным и в результате остается малоизученным. Давайте рассмотрим подробнее контекст ухудшения российско-европейских отношений, чтобы внести большую ясность.

Начало сотрудничеству в области газэнергетики между СССР и странами ЕС было положено в 1970 г, когда было заключено соглашение между СССР и ФРГ, известное как «газ-трубы». Как отмечают С. Буссена (Sadek Boussena) и К. Локателли (Catherine Locatelli), «период с 1970-х до середины 1990-х гг. был временем достаточной стабильности в отношении договорных отношений»¹⁹². Распад СССР вызвал противоречия, которые изначально затронули лишь постсоветские государства. Вопросы о будущем сотрудничества в области энергетики вызвали четыре конфликта со значительными последствиями в первой половине 1990-х гг. Они привели к ограничению поставок энергоресурсов в Литву в 1992 г. и Украину в 1994 г.¹⁹³, а также полное прекращения экспорта в Эстонию в 1993 г. и Молдавию в 1994 г.¹⁹⁴

В повестке дня отношений России и ЕС проблемы энергетической безопасности появились в середине 2000-х. Первая половина этого десятилетия была временем, когда Россия возвращалась к независимой национальной политике, восстанавливала государственный контроль над энергетической отраслью, прекращала субсидирование бывших стран-членов СССР, а «Газпром» трансформировал свои ценовые механизмы в соответствии с рыночными стандартами, намереваясь достичь одинакового уровня доходности от газового экспорта для стран ЕС и бывших

¹⁹⁰ Boussena S., Locatelli C. Energy institutional and organizational changes in EU and Russia: Revisiting gas relations // Energy policy. 2013, April. Volume 55. P. 180. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S030142151201035X> (Last retrieved: 24.10.2015).

¹⁹¹ Kuzemko C. Ideas, power and change: explaining EU–Russia energy relations // Journal of European Public Policy. 2013, October 8. Volume 21, Issue 1. P. 59. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2013.835062> (Last retrieved: 21.09.2016).

¹⁹² Boussena S., Locatelli C. Energy institutional and organizational changes in EU and Russia: Revisiting gas relations // Energy policy. 2013, April. Volume 55. P. 180. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S030142151201035X> (Last retrieved: 24.10.2015).

¹⁹³ "Газовые" конфликты между Россией и Украиной. Справка // Россия Сегодня. 2012, 19 марта. URL: <https://ria.ru/spravka/20120319/600294341.html> (Дата обращения: 20.04.2017)

¹⁹⁴ Газовые конфликты России за последние 15 лет. Справка // Россия Сегодня. 2008, 12 февраля. URL: <https://ria.ru/spravka/20080212/99021453.html> (Дата обращения: 20.04.2017)

членов СССР¹⁹⁵. Укрепление российского государства и увеличение российского бюджета привели к появлению концепции России как энергетической сверхдержавы, которая может использовать свой энергетический потенциал для укрепления своих позиций на мировой арене. Одновременно с этим в первой половине 2000-х гг. процесс европейской интеграции демонстрировал свою успешность. 2004 г. стал свидетелем самого крупного расширения ЕС, когда численность государств-членов блока возросло с 17 до 25. Важность этого периода для российско-европейских отношений подчеркивается тем фактом, что именно тогда появилась непосредственная граница между Россией и Европейским союзом.

Российско-украинским конфликтам 2006 и 2009 гг., которые привели к краткосрочным сокращениям объема российского экспорта для стран ЕС, часто придают большое значение, называя их поворотными моментами для российско-европейского сотрудничества в энергетике. Рассмотрим эти кризисы и их оценки подробнее.

В 2006 г. в условиях отсутствия ценового соглашения «Газпром» принял решение с 1-го января прекратить поставки для украинских потребителей. На Украине отбор газа из магистральных трубопроводов продолжался, что привело к снижению объемов, предназначенных для стран ЕС. Кризис продлился несколько дней: соглашение между «Газпромом» и «Нафтогазом» о возобновлении поставок было подписано уже 4-го января. По сообщениям европейских стран, к 2-му января российский экспорт в Венгрию снизился на 40%, для Австрии, Словакии и Румынии объем поставок упал на 33%, для Франции – на 25-30%. Ограничения поставок 1-го января отмечали в Польше (на 14%). О снижении импорта сообщила Германия, хотя детальных данных предоставлено не было¹⁹⁶. Необходимо отметить, что нарушение энергоснабжения не имело катастрофических последствий, а наличие злого умысла со стороны России было сомнительным. Дж. Стерн, директор программы исследований по газозенергетике в Оксфордском институте энергетических исследований, утверждает, что снижение объема поставок могло быть вызвано только действиями украинской стороны, а требование России по увеличению цены газа до рыночного уровня имело экономический характер и соответствовало стремлению России присоединиться к ВТО¹⁹⁷. Тем не менее кризис 2006 г. вызвал обширную дискуссию в ЕС о

¹⁹⁵ Цена энергии. Международные механизмы формирования цены на нефть и газ / Секретариат Энергетической хартии. 2007. С. 165.

¹⁹⁶ Russia vows to end gas shortage // BBC. 2006, January 2. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/4575726.stm> (Last retrieved: 27.10.2016).

¹⁹⁷ Stern J. The Russian-Ukrainian gas crisis of January 2006 / The Oxford Institute for Energy Studies. 2006, January 16. P. 8, 12. URL: <https://www.oxfordenergy.org/publications/the-russian-ukrainian-gas-crisis-of-january-2006/> (Last retrieved: 27.10.2016).

надежности России как поставщика и послужил почвой для обвинения России в применении «энергетического оружия» для достижения политических целей.

В 2009 г. ситуация повторилась, имея однако гораздо более серьезные последствия. С 1-го января «Газпром» прекратил поставки для Украины, а в условиях продолжающегося отбора поставки через украинскую газотранспортную систему 6-7 января были прекращены полностью. Только 20 января поставки были возобновлены, и к 22 января достигли нормального уровня¹⁹⁸. По информации Координационной группы по газу, остановка российского экспорта через Украину означала полное прекращение импорта Болгарии (100%), Словакии (97%), Сербии (100%), Македонии (100%), Молдовы (100%). Снижение объемов импорта испытали Греция (80%), Чехия (71%), Австрия (66%), Словения (50%), Венгрия (45%), Босния и Герцеговина (40%), Хорватия (40%), Румыния (34%), Польша (33%), Италия (25%) и Франция (15%)¹⁹⁹. Сильнее всего прекращение поставок ударило по странам Юго-Восточной Европы: Молдове, Румынии, Болгарии, Греции, Македонии, Сербии, Боснии и Герцеговине и Хорватии, поскольку последние не имели значимых запасов газа и возможности оперативно найти альтернативных поставщиков. Для преодоления кризиса были использованы альтернативные виды топлива и принудительно сокращено или полностью остановлено энергопотребление в промышленности²⁰⁰.

Какие оценки были даны этим кризисам? По мнению А.И. Медведева, высказанного в 2008 г., когда он занимал посты заместителя Председателя Правления ОАО «Газпром» и генерального директора ООО «Газпром экспорт», конфликт 2006 г. был мифологизирован. А.И. Медведев заявляет, что в результате мифологизации этого конфликта было искусственно создано общественное мнение о ненадежности «Газпрома»²⁰¹. Т.В. Бордачëв также считает, что «толчком к осложнению отношений в области энергетики и их стремительной политизации стала резкая и многоплановая реакция Евросоюза и европейской общественности на российско-украинский ценовой спор в декабре 2005 – январе 2006 г. Оправданные с точки зрения двусторонних российско-украинских отношений, действия компании «Газпром» активизировали процесс

¹⁹⁸ Pirani S., Stern J., Yafimava K. The Russo-Ukrainian gas dispute of January 2009: a comprehensive assessment // The Oxford Institute for Energy Studies. 2009, February. P. 19. URL: <https://www.oxfordenergy.org/publications/the-russo-ukrainian-gas-dispute-of-january-2009-a-comprehensive-assessment/> (Last retrieved: 28.10.2016).

¹⁹⁹ Ibid. P. 54-55.

²⁰⁰ См. подробнее: Kovacevic A. The impact of the Russia-Ukraine Gas Crisis in South Eastern Europe // The Oxford Institute for Energy Studies. 2009, March. P. 10-15. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2010/11/NG29-TheImpactoftheRussiaUkrainianCrisisinSouthEasternEurope-AleksandarKovacevic-2009.pdf> (Last retrieved: 28.10.2016).

²⁰¹ Медведев А.И. «Газпром» и энергобезопасность Европы // Международная жизнь. 2008. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1310> (Дата обращения: 02.09.2016).

рассмотрения ранее сугубо экономических вопросов с точки зрения проблем безопасности»²⁰². С другой стороны, автор подчеркивает разницу между причинами и поводом кризиса: «Изменение характера российско-европейских отношений в области энергетики стало результатом не только, и не столько действий «Газпрома» или Европейской комиссии. За ним стояли более глубокие процессы, носящие иногда глобальный характер»²⁰³. Среди последних автор упоминает «усиление государственного контроля над энергетическим сектором в России, общее возвращение государства в экономику в мировом масштабе и поиск Евросоюзом источника внешней угрозы»²⁰⁴.

Европейские авторы также обычно отмечают, что роль кризисов 2006 и 2009 гг. гораздо значительнее, чем последствия сбоя поставок непосредственно для потребителей газа в ЕС. Они полагают, что эти события существенно повлияли на отношения России и ЕС.

- А. Монахан (Andrew Monaghan) называет кризис 2006 г. «тревожным звонком (“wake-up call” – примечание автора) для многих за пределами этого региона, отразившим российскую тактику несоразмерного применения силы и продемонстрировавшим попытки России усилить свои позиции в странах бывшего СССР»²⁰⁵. Исследователь также подчеркивает, что российско-украинский спор 2006 г. используется для того, чтобы «проиллюстрировать давление России на страны бывшего СССР и использование энергоресурсов для наказания тех, кто пытается снизить российское влияние»²⁰⁶.
- В докладе Института ЕС по исследованию безопасности, события 2006 и 2009 гг. также названы тревожным звонком, благодаря которому вопрос о безопасности поставок высоко поднялся в политической повестке дня²⁰⁷.
- По мнению немецкого политолога А. Рара, газовые войны между Москвой и Киевом в 2006 и 2009 гг. стали рубежом в российско-европейских отношениях, после которого ЕС отказался от идеи энергетического альянса с Россией²⁰⁸.

²⁰² Бордачёв Т.В. Новый стратегический союз. Россия и Европа перед вызовами XXI века: возможности «большой сделки». М.: Издательство «Европа», 2009. С. 109.

²⁰³ Там же. С. 110.

²⁰⁴ Там же. С. 109.

²⁰⁵ Monaghan A. Russia's Energy Diplomacy: A Political Idea Lacking a Strategy? // Southeast European and Black Sea Studies, Vol. 7, Issue 2, 2007. P. 281. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14683850701402201> (Дата обращения: 18.10.2016).

²⁰⁶ Ibid.

²⁰⁷ Dreyer I., Stang G. Energy moves and power shifts: EU foreign policy and global energy security / The European Union Institute for Security Studies (EUISS). Report № 18. 2014, February 14. P. 53. URL: http://www.iss.europa.eu/uploads/media/Report_18.pdf (Last retrieved: 31.08.2016).

²⁰⁸ Рар А. Куда пойдет Путин? Россия между Китаем и Европой (Почему Западу нужна Россия. Экспертный анализ). М.: Олма Медиа Групп, 2012. С. 133.

- По оценке специалистов Оксфордского института стратегических исследований, кризис 2009 г. крайне негативно отразился на репутации «Газпрома». Во-первых, как отмечают авторы, это было обусловлено тем, что многие в Европе не были заинтересованы в детальном изучении причин конфликта. Они сделали простой вывод о том, что Россия вместе с Украиной не являются надежными поставщиками, и что Европе необходимо искать альтернативные источники и маршруты их доставки. Во-вторых, обвинения в адрес российской компании были связаны с тем, что точки сдачи-приемки газа находились к западу от Украины, и юридически ответственность по доставке до них природного газа нес исключительно «Газпром», неспособность которого выполнить свои обязательства привела к возникновению кризисной ситуации²⁰⁹.

Исследователи также отмечают влияние упомянутых кризисов на энергетическую политику ЕС в целом. К примеру, Э. Бручин, анализируя роль стран Центральной и Восточной Европы для либерализации рынка, отметила, что кризисы 2006 и 2009 гг. стали одной из причин, способствовавших секьюритизации вопроса о либерализации во время переговоров по 3-ей газовой директиве²¹⁰. По мнению Т. Молтби, кризисы 2006 и 2009 гг. (в первую очередь первый из них) открыли окно возможностей для продвижения идеи усиления наднационального регулирования в энергетической политике, которое было использовано Европейской комиссией²¹¹.

К анализу роли кризисов 2006 и 2009 гг. применимы объяснения, которые можно отнести к модели «переливания» (spillover), если заимствовать этот термин из концепции неофункционализма Эрнста Хааса. Роль эффекта переливания для принятия политических решений подчеркивает в своей работе Дж. Кингдон²¹². Для анализа либерализации европейского рынка этот концепт может быть применен в двух плоскостях. С одной стороны, как переливание в результате накопления некой критической массы факторов непосредственно в газовой энергетике. С другой стороны, как переливание из смежных областей. Следуя основной идее модели

²⁰⁹ Pirani S., Stern J., Yafimava K. The Russo-Ukrainian gas dispute of January 2009: a comprehensive assessment // The Oxford Institute for Energy Studies. 2009, February. P. 57. URL: <https://www.oxfordenergy.org/publications/the-russo-ukrainian-gas-dispute-of-january-2009-a-comprehensive-assessment/> (Last retrieved: 28.10.2016).

²¹⁰ Brutschin E. Shaping the EU's Energy Policy Agenda: The Role of Eastern European Countries // Energy Policy Making in the EU. Building the Agenda / edited by Tosun J., Biesenbender S., Schulze K. Springer, 2015. P. 187-204. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-1-4471-6645-0.pdf> (Last retrieved: 22.06.2017).

²¹¹ Maltby T. European Union energy policy integration: a case of European Commission policy entrepreneurship and increasing supranationalism // Energy Policy. 2013, April. Volume 55. P. 438-441. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421512010798> (Last retrieved: 07.03.2016).

²¹² Kingdon J. W. Agendas, Alternatives, and Public Policies. Second Edition. Harlow: Pearson, 2014. P. 190-194.

переливания, ряд авторов говорит о влиянии либерализации рынка электроэнергетики для дальнейшей либерализации рынка газа²¹³.

Роль кризисов 2006 и 2009 гг. для появления вопросов энергетической безопасности в политической повестке дня подчеркивается и в официальных заявлениях. Комиссар по энергетике Еврокомиссии Андрис Пибалгс в июне 2006 г. отметил: «В последний год мы видели, что вопрос безопасности энергетического обеспечения становится вопросом международных отношений. В Европе произошла смена настроений. В то время как ранее вопрос безопасности поставок был техническим вопросом, который решали очень узкие специалисты, теперь в Европе вопрос энергобезопасности – на столе каждого министра: энергетики, иностранных дел, финансов и промышленности»²¹⁴.

В документе «Стратегия энергетической безопасности для Европы» Европейская комиссия подчеркивает, что «<...> зимой 2006 г., а затем зимой 2009 г. временные сбои в поставках газа нанесли серьезный удар по европейским потребителям в некоторых странах-членах ЕС в Восточной Европе. Эти кризисы актуализировали вопрос о необходимости проведения единой европейской энергетической политики. С того времени многое было сделано для того, чтобы укрепить энергетическую безопасность ЕС в области поставок газа и уменьшить число стран-членов, имеющих только одного поставщика»²¹⁵.

Представляется важным отметить, что США способствовали политизации российско-европейских отношений. Это было продемонстрировано громкими заявлениями нескольких американских политиков. Первое из них было сделано 4 мая 2006 г. на конференции в Вильнюсе, когда концепт «энергетического оружия» был впервые озвучен на высоком уровне в отношении современной истории торговли энергоресурсами между Россией и ЕС. На конференции вице-президент США Дик Чейни выступил с речью о демократической трансформации в постсоветских странах и среди прочих обвинений в адрес России упомянул возможное злоупотребление торговлей энергоресурсами: «Иные действия российского правительства были контрпродуктивными и могли негативно повлиять на отношения с другими странами. Законные интересы не могут защищаться, когда нефть и газ становятся инструментом запугивания или

²¹³ См. к примеру: Herweg N. Against All Odds: The Liberalisation of the European Natural Gas Market—A Multiple Streams Perspective // Energy Policy Making in the EU. Building the Agenda / edited by Tosun J., Biesenbender S., Schulze K. Springer, 2015. P. 87-106. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-1-4471-6645-0.pdf> (Last retrieved: 22.06.2017).

²¹⁴ Цит. по: Пашковская И.Г. Энергообеспечение Европейского Союза: восточное направление. М.: Навона, 2010. С. 80.

²¹⁵ Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. European Energy Security Strategy / European Commission. COM (2014) 330, 2014, May 28. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52014DC0330> (Last retrieved: 16.09.2016)

шантажа, в результате манипулирования поставками или попыток монополизировать транспортировку»²¹⁶. По мнению А.И. Медведева, после Вильнюсской конференции «Газпром» столкнулся с активизацией политики сдерживания, поскольку стал восприниматься в качестве энергетического оружия Кремля.²¹⁷

В том же году – 27 ноября 2006 г. Ричард Лугар, председатель комитета по международным отношениям Сената США, предложил вовлечение НАТО в разрешение вопросов, связанных с энергетикой. Американский сенатор утверждал, что «прекращение поставок энергоносителей Россией на Украину продемонстрировало, насколько заманчивым является использование энергетических потоков для достижения политических целей и подчеркнуло уязвимость государств-импортеров в отношении со стороны поставщиков». Ричард Лугар выступал за применение Статьи 5 договора НАТО для ответа «...на попытки использовать энергетическое оружие против стран-членов организации»²¹⁸. Ряд других высокопоставленных американских чиновников также подвергали сомнению надежность России как экспортера энергоресурсов²¹⁹.

Как мы видим, официальные комментарии и экспертные оценки подтверждают наше предположение о ключевой роли 2006 и 2009 гг. в повышении степени обеспокоенности в ЕС относительно энергетической безопасности. Однако важно отметить, что эти дискуссии не были вызваны исключительно российско-украинскими конфликтами. В исследовании Р. Орттунга (Robert W. Orttung) и И. Оверланда (Indra Overland) демонстрируется, что вторая половина 2000-х гг. оказалась свидетелем резкого роста числа столкновений в сфере энергетики между Россией и ее соседями, в том числе и странами ЕС, по сравнению с началом десятилетия²²⁰. График на Рис. №6 показывает, что число конфликтов между Россией и странами ЕС росло с 2005 г., когда произошло столкновение с только что вошедшей в состав ЕС Польшей. Затем конфликты последовали в 2006 г. – с Литвой и Великобританией, в 2007 г. – с Эстонией и Германией, в 2008 г. – с Чехией, Испанией и Италией, в 2009 г. – с Финляндией.

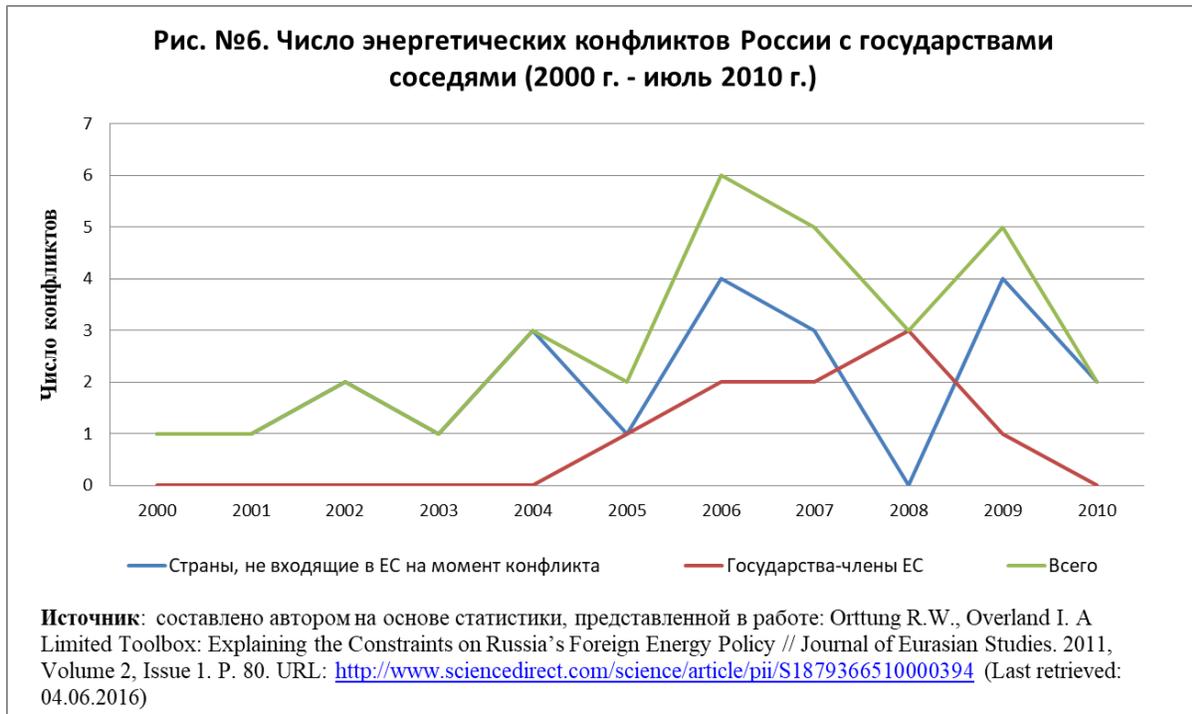
²¹⁶ Cheney D. Vice President's Remarks at the 2006 Vilnius Conference. 2006, 4 May. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2006/05/20060504-1.html> (Last retrieved: 03.09.2016).

²¹⁷ Медведев А.И. Как «Газпром» выполняет поручения Госдепа США // Международная жизнь. 2008. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1565> (Дата обращения: 03.09.2016).

²¹⁸ Senator Lugar's speech // NY Times. 2006, November 26. URL: <http://www.nytimes.com/2006/11/28/world/europe/28iht-web.1128lugar-speech.3700672.html> (Last retrieved: 05.10.2016).

²¹⁹ Monaghan A. Russia's Energy Diplomacy: A Political Idea Lacking a Strategy? // Southeast European and Black Sea Studies, Vol. 7, Issue 2, 2007. P. 276. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14683850701402201> (Дата обращения: 18.10.2016)

²²⁰ Orttung R.W., Overland I. A Limited Toolbox: Explaining the Constraints on Russia's Foreign Energy Policy // Journal of Eurasian Studies. 2011, Volume 2, Issue 1. P. 80. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1879366510000394> (Last retrieved: 04.06.2016)

Важно отметить, что здесь было бы некорректно рассматривать исключительно конфликты со странами ЕС, поскольку столкновения с другими странами также свидетельствовали об укреплении решительности России и повышали обеспокоенность в ЕС. Учитывая этот фактор, роль 2006 г. оказывается сложно переоценить. Ведь среди примеров демонстрации силы России в 2006 г., помимо отмеченных выше конфликтов с Литвой и Великобританией, западные авторы отмечают также сбой газовых поставок в Грузию, Молдавию и на Украину, прерывание экспорта нефти в Белоруссию²²¹. Таким образом, мы видим, что у европейских стран были основания беспокоиться вовсе не только о возможном повторении российско-украинского кризиса 2006 г., о котором упоминается в ряде работ российских авторов. Середина 2000-х гг. была отмечена активизацией российской энергетической политики и целым рядом столкновений со странами ЕС и бывшего СССР.

Фокусируясь на причинах восприятия России в ЕС как угрозы, а не выявлении ответственных за эти столкновения, мы можем сделать вывод, что именно эта череда конфликтов послужила спусковым крючком для осознания значительного количества противоречий между Россией и странами ЕС и формирования образа России как угрозы для ЕС. Российско-украинский конфликт, на наш взгляд, был лишь наиболее ярким примером, который стал символом

²²¹ Medish M. Russia and the Myth of an Energy Superpower // Schweizer Monatshefte : Zeitschrift für Politik, Wirtschaft, Kultur. 2007, Band 87, № 5. P. 21. URL: <http://www.e-periodica.ch/cntmng?var=true&pid=smh-002:2007:87::709> (Last retrieved: 20.04.2018)

воспринимаемой российской угрозы. Это приводит нас к выводу о том, что идея строительства обходных газопроводов вокруг Украины в принципе не могла разрушить имеющиеся опасения и нормализовать взаимоотношения России и ЕС.

Сравнивая последствия кризисов: непосредственные сложности, с которыми столкнулись потребители газа в ЕС, и выводы, которые были сделаны для европейской энергетической политики, мы обнаруживаем, что масштаб изменений европейской энергетической политики несоизмеримо больше сложностей, возникших в энергоснабжении в 2006 и 2009 гг. Поэтому, на наш взгляд, необходимо оценивать эти кризисы, во-первых, как символы целого ряда российско-европейских столкновений в середине-второй половине 2000-х гг., которые способствовали фокусированию внимания на активизации российской энергетической политики, и во-вторых, в качестве тревожного звонка, способствовавшего повышению значимости вопросов энергобезопасности в политической повестке дня.

1.4. Восприятие угроз энергетической зависимости от России в европейском экспертном и академическом сообществе

Рассмотрим теперь более детально опасения в отношении России. Для этого мы подвергнем изучению академическую литературу и экспертные комментарии европейских специалистов. Эти документы имеют большое значение как источник, поскольку академическое и экспертное сообщество играет важную роль в процессе принятия политических решений в ЕС. Этот факт подчеркивается различными исследователями²²². Как указывает Т. Молтби, в ЕС придается большое значение общественному восприятию качества работы политических институтов, вследствие чего Европейская комиссия стремится расширять участие экспертов и заинтересованных сторон в процессе обсуждения законопроектов²²³. С. Принсен (Sebastian Princen) уточняет, что Еврокомиссия собирает для обсуждений в различных форматах группы экспертов, представляющих страны-члены или заинтересованные стороны. Это дает возможность Еврокомиссии впоследствии при передаче законопроектов в другие институты ЕС апеллировать к заинтересованным сторонам за поддержкой²²⁴.

Ниже мы продемонстрируем широкий спектр мнений экспертного и академического сообщества относительно роли России для энергетической безопасности ЕС и угроз, которые она представляет. Здесь приведены примеры из работ различных европейских авторов, занимающихся исследованиями в университетах и экспертно-аналитических центрах Германии, Франции, Великобритании, Чехии, Норвегии и других европейских стран. Как было отмечено выше, для европейского научного сообщества характерна высокая мобильность, и поэтому было бы некорректно говорить о каждом из них, как о представителе определенной страны, основываясь на информации о его происхождении, стране получения образования или месте работы. Поэтому мы намеренно не акцентируем внимание на национальной принадлежности, представляя каждую из указанных точек зрения как пример значительно большего количества экспертных комментариев и оценок, которые просто не могут быть детально рассмотрены в рамках одного параграфа.

²²² Maltby T. European Union energy policy integration: a case of European Commission policy entrepreneurship and increasing supranationalism // *Energy Policy*. 2013, April. Volume 55. P.436. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421512010798> (Last retrieved: 07.03.2016).

Princen S. Agenda-setting strategies in EU policy processes // *Journal of European Public Policy*. 2011. Vol. 18, Issue 7. P. 930, 935-936. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2011.599960> (Last retrieved: 04.04.2018).

²²³ Ibid.

²²⁴ Princen S. Agenda-setting strategies in EU policy processes // *Journal of European Public Policy*. 2011. Vol. 18, Issue 7. P. 927-943. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2011.599960> (Last retrieved: 04.04.2018).

Как было уже отмечено в 1-ом параграфе данной главы, для работ, написанных в русле неореалистской парадигмы, характерен особый акцент на конкуренции между основными игроками, которыми выступают государства, межгосударственные организации или крупнейшие энергетические компании, а также на тесном взаимодействии государственных институтов и национальных энергетических компаний. При использовании данного подхода для анализа российско-европейских отношений пристальное внимание обычно обращается на российское государство и компанию «Газпром», связи которой с бюрократическим аппаратом и целями государственной политики особо подчеркиваются. Кроме того, утверждается, что Россия стремится использовать энергетику для достижения целей внешней политики.

- Ф. Проэдрю (Filippos Proedrou) указывает, что « "Газпром" действует как составляющая часть российской внешней политики. Россия использует свое преимущество в энергетике для того, чтобы обеспечить выполнение более общих целей внешней политики»²²⁵,
- А. Григас (Agnia Grigas) отмечает, что «после прихода к власти В.В. Путина "Газпром" стал действовать в рамках концепции компаний – национальных чемпионов, которая предполагает, что большие компании в стратегических секторах стремятся к увеличению прибыли, но одновременно с этим продвигают российские национальные интересы»²²⁶.
- Ф. Чернох (Filip Černoš) считает, что «долгосрочные контракты, привязанные в ценам альтернативных видов топлива, и оговорки о пунктах назначения предоставили "Газпрому" возможность устанавливать различные цены для различных рынков и, таким образом, увязывать цены и условия контрактов с политическими и экономическими уступками»²²⁷.

²²⁵ Proedrou F. Sensitivity and Vulnerability Shifts and the New Energy Pattern in the EU-Russia Gas Trade. Prospects for the Near Future // Studia Diplomatica, Vol. LXIII, 2010, № 1. P. 93. URL: https://www.academia.edu/24050684/SENSITIVITY_AND_VULNERABILITY_SHIFTS_AND_THE_NEW_ENERGY_PATTERN_IN_THE_EU-RUSSIA_GAS_TRADE_PROSPECTS_FOR_THE_NEAR_FUTURE (Дата обращения: 05.10.2016).

²²⁶ Grigas A. The Gas Relationship between the Baltic States and Russia // The Oxford Institute for Energy Studies. 2012. P. 32. URL: <https://www.oxfordenergy.org/publications/the-gas-relationship-between-the-baltic-states-and-russia-politics-and-commercial-realities-2/> (Дата обращения: 27.09.2016)

²²⁷ Energy Security in Central and Eastern Europe and the Operations of Russian State-Owned Energy Enterprises. Brno: Masarykova univerzita, 2015. P. 382.

- И. Оверланд (Indra Overland) в совместном исследовании с Р. Орттунгом (Robert Ortting) называют перекрытия и подрывы трубопроводов инструментом оказания давления на страны-импортеры²²⁸.
- Как заявляют И. Дреер (Iana Dreyer) и Дж. Стэнг (Gerald Stang) из Института ЕС по исследованию безопасности, обладание «Газпромом» монополией на поставки газа западным соседям России, а также на использование трубопроводов по транспортировке центральноазиатского газа в Европу «сделало компанию посредником Кремля по оказанию политического и экономического влияния на соседние государства». Авторы также объясняют, что несмотря на то, что российское правительство получает в 6-8 раз больше доходов от продажи нефти, чем от газа, «газ представляет собой более удобный инструмент в арсенале внешней политики Кремля, поскольку Россия может определять условия ценообразования»²²⁹.
- А. Монахан (Andrew Monaghan) считает, что «Газпрому», который четко озвучил стратегию перехода на рыночные принципы взаимодействия со странами бывшего СССР, все же не удалось провести ясную линию разграничения между коммерческими принципами и стремлением сохранить монопольный статус, связанный с возможным оказанием политического влияния. В результате возникло представление о том, что скорость перехода на рыночные принципы находятся в зависимости от качества отношений России со страной-импортером²³⁰.
- Й. Грэтц (Jonas Grätz) указывает, что Россия и «Газпром» преследуют цели извлечения финансовой сверхприбыли и оказания политического влияния²³¹.
- С. Пирани (Simon Pirani) и Дж. Стерн (Jonathan Stern) также отмечают, что в результате Украинского кризиса 2014 г. получили распространение утверждения о том, что «зависимость от поставок газа может ограничить возможность европейских стран накладывать политические и экономические санкции на Россию из-за страха, что она в

²²⁸ Ortting R.W., Overland I. A Limited Toolbox: Explaining the Constraints on Russia's Foreign Energy Policy // Journal of Eurasian Studies. 2011, Volume 2, Issue 1. P. 80. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1879366510000394> (Дата обращения: 04.06.2016)

²²⁹ Dreyer I., Stang G. Energy moves and power shifts: EU foreign policy and global energy security / The European Union Institute for Security Studies (EUISS). Report № 18. 2014, February 14. P. 38-39. URL: http://www.iss.europa.eu/uploads/media/Report_18.pdf (Last retrieved: 31.08.2016).

²³⁰ Monaghan A. Russia's Energy Diplomacy: A Political Idea Lacking a Strategy? // Southeast European and Black Sea Studies, Vol. 7, Issue 2, 2007. P. 282. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14683850701402201> (Last retrieved: 18.10.2016)

²³¹ Grätz J. Common Rules without Strategy: EU Energy Policy and Russia // Toward a Common European Union Energy Policy: Problems, Progress, and Prospects / edited by Birchfield V. L., Duffield J. S. NY: Palgrave Macmillan US, 2011. P. 62-64.

ответ приостановит поставки газа». Это вызывает опасения, что «свобода действий во внешней политике и в области безопасности будет ограничена, особенно для тех европейских стран, которые целиком или в значительной степени зависят от поставок российского газа. Кроме того, эти страны могут не поддержать общеевропейскую политику в отношении России или не смогут отказаться от политических или экономических предложений России вследствие зависимости»²³².

В экспертное сообщество США также входит много исследователей, предпочитающих использование парадигмы неореализма для описания российско-европейских отношений. Но при этом взгляды американских авторов часто гораздо более радикальны и они менее избирательны в выборе терминологии.

- Г. Люфт и А. Корин пишут о том, что Кремль «не чувствует угрызений совести, используя энергетику в качестве геополитического оружия»²³³,
- А. Коэн (Ariel Cohen) считает, что «Москва уже доказала свое стремление <...> использовать энергетику в качестве инструмента внешней политики»²³⁴.
- А. Рили (Alan Riley) заявляет, что Россия совмещает жесткие и мягкие инструменты: «низкие цены газа для тех, кто следует указаниям Кремля и принуждение для тех, кто оказывается менее послушным»²³⁵.
- Р. Ньюнхем (Randall Newnham) указывает, что доходы от нефти и газа могут быть использованы для «награждения (союзников) значительными объемами энергоносителей по субсидированным ценам», «поддержки ... про-российски настроенных анклавов в менее уступчивых странах», «подкупа отдельных лиц и компаний», «убеждения значимых в политическом смысле людей» или для наказания в виде «повышения цен и требований по выплате долгов»²³⁶.

²³² Reducing European Dependence on Russian Gas: distinguishing natural gas security from geopolitics / The Oxford Institute for Energy Studies. 2014. P. 68. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2014/10/NG-92.pdf> (Дата обращения: 10.08.2016)

²³³ Luft G., Korin A. Realism and Idealism in the Energy Security debate // Luft G., Korin A. Energy Security Challenges for the 21st Century: A Reference Handbook. Santa Barbara, Calif.: Praeger Security International, 2009. P. 346.

²³⁴ Cohen A. Russia: The Flawed Energy Superpower // Luft G., Korin A. Energy Security Challenges for the 21st Century... P. 91.

²³⁵ Riley A. Sapping Europe's Energy Security // The New York Times. 2014, May 25th. URL: <http://nyti.ms/1mp31F5> (Last retrieved: 27.09.2016).

²³⁶ Newnham R. Oil, carrots, and sticks. Russia's energy resources as a foreign policy tool // Journal of Eurasian Studies. 2011. Volume 2, Issue 2. P. 138–142. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S187936651100011X> (Last retrieved: 03.09.2016)

У неореалистского подхода имеется достаточное число оппонентов. Некоторые из них подвергают критике положения неореалистов, другие используют альтернативные объяснительные модели, самыми распространенными из которых являются неолиберальная и конструктивистская парадигмы. При этом необходимо отметить, что критика неореалистского подхода сама по себе не предполагает отказа от всех его положений. Ключевым отличием зачастую является фокус внимания. Так, например, связи между «Газпромом» и российским руководством критиками неореалистской парадигмы не отрицаются. Различие между подходами проявляется в выводах, которые из этого делаются, к примеру в отношении взаимосвязи целей российской политики и стратегии «Газпрома».

Рассмотрим несколько работ более подробно, начав с критиков неореалистов. В качестве характерного примера можно привести статью К. Смит Штеген (Karen Smith Stegen), в которой автор предлагает модель энергетического оружия, которая позволяет анализировать способность любого поставщика трансформировать энергетические ресурсы в политическое влияние²³⁷. Как показывает исследователь, ряд этапов, рассмотренных в этой модели, Россией были пройдены. Была завершена консолидация энергетического сектора, установлен контроль над маршрутами транзита, совершались попытки добиться политических уступок путем повышения цен и прерывания поставок. Однако К. Смит Штеген показывает, что само по себе использование энергетического оружия не обязательно ведет к желаемым результатам, и его применение Россией обычно не приводило к политическим уступкам²³⁸. Этот факт ставит под сомнение обоснованность многих страхов перед российским энергетическим оружием.

А. Монахан (Andrew Monaghan) также подвергает критике обоснованность выводов неореалистов о «Газпроме» как инструменте внешней политики Кремля. Автор указывает, что стратегия «Газпрома» не совпадает с энергетической стратегией России. Во-первых, аргументирует исследователь, интересы российского государства не являются единым целым, представляя собой совокупность интересов различных групп внутри государства. А во-вторых, «Газпром» имеет ряд коммерческих приоритетов, которые противоречат государственным политическим интересам²³⁹.

²³⁷ Stegen K.S. Deconstructing the “energy weapon”: Russia's threat to Europe as case study // *Energy Policy*. 2011, October. Volume 39, Issue 10. P. 6505-6513. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421511005866> (Last retrieved: 22.09.2016)

²³⁸ Ibid. P. 6511.

²³⁹ Monaghan A. Russia's Energy Diplomacy: A Political Idea Lacking a Strategy? // *Southeast European and Black Sea Studies*, Vol. 7, Issue 2, 2007. P. 279–280. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14683850701402201> (Дата обращения: 18.10.2016)

Схожие аргументы выдвигает А. Голдтау (Andreas Goldthau), который подчеркивает принципиальную важность европейского рынка как источника прибыли для «Газпрома». Автор отмечает, что любая попытка использовать экспорт энергоресурсов для оказания политического влияния немедленно приведет к снижению доходов, который будет иметь крайне негативные последствия для компании особенно в условиях низких цен на российском внутреннем рынке²⁴⁰.

Для исследователей, работающих в рамках неолиберальной парадигмы, характерен фокус на сотрудничестве и взаимозависимости между Россией и ЕС, для ученых - приверженцев конструктивизма – на вопросах различия ценностей и взаимовосприятия сторон. Для многих работ характерно переплетение ключевых идей указанных парадигм. В целом можно отметить, что для представителей двух этих подходов в большей мере характерно рассмотрение широкого круга участников российско-европейского энергетического взаимодействия. Авторы менее склонны к обобщениям и оперированию понятиями национального и наднационального уровня типа «Россия» и «Европейский союз». Обычно встречается более подробное изучение интересов и деятельности составляющих элементов этих крупных игроков. Конкретные энергетические компании, группы интересов, экспертно-аналитическое сообщество, СМИ – вот субъекты внутривнутриполитического процесса, влияние которых подвергается более внимательному изучению представителями двух вышеназванных подходов.

В качестве примера использования неолиберальной парадигмы можно взять работу О. Харсема (Øistein Harsem) и Д. Клэса (Dag Harald Claes). Авторы точно также обращаются к вопросу о рисках зависимости ЕС от России, как и неореалисты. Однако они подходят к анализу ситуации комплексно, рассматривая зависимость ЕС от России одновременно с зависимостью России от ЕС, обусловленную высокой ролью доходов от экспорта энергоресурсов для российского бюджета. Исследователи отмечают, что в результате слабости общей внешней и энергетической политики переговорные позиции стран-членов ЕС значительно различаются. Потенциал использования энергозависимости Россией в качестве инструмента внешней политики в такой ситуации зависит от того, насколько сильно Россия зависит от каждого конкретного государства. В результате О. Харсем и Д. Клэс приходят к выводу, что малые страны оказываются в зоне риска, поскольку их взаимозависимость с Россией оказывается асимметричной. По мнению авторов, расчеты взаимозависимости в данной ситуации препятствуют развитию общей внешней и энергетической политики, поскольку страны с более сильными переговорными позициями могут

²⁴⁰ Goldthau A. Rhetoric versus reality: Russian threats to European energy supply // Energy Policy. 2008, February. Volume 36, Issue 2. P. 690. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421507004430> (Last retrieved: 15.06.2017).

лишь ослабить их, приняв на себя обязательства согласовывать свои действия с другими государствами-членами ЕС²⁴¹.

В качестве примера переплетения ключевых идей конструктивистского подхода и неолиберальной парадигмы можно назвать доклад экспертно-аналитического агентства IHS SERA. В нем высказывается мнение, что основную опасность несут не угрозы прерывания поставок, а кризис доверия и вызванное им разрушение отношений, представляющих собой фундаментальную основу европейской и российской экономики²⁴². Авторы доклада уверены, что устойчивость, эффективность и безопасность энергоснабжения в Европе обеспечивается не поспешным снижением потребления российского газа, а разумным управлением взаимозависимостью.

Значительное влияние конструктивистского подхода заметно в работе С. Буссена (Sadek Boussena) и К. Локателли (Catherine Locatelli). Авторы считают, что ухудшение российско-европейских отношений началось в середине 1990-х гг. и было связано с началом процессов институциональных изменений: запуском либерализации на европейском рынке и усилением роли государства в российской энергетике. Исследователи уверены, что применение различающихся моделей для модернизации энергетического сектора обусловлено различием ценностей и убеждений; и эти же различия называют причиной недостаточного взаимопонимания между участниками диалога²⁴³. Схожей позиции придерживается К. Куземко (Caroline Kuzemko), отмечая, что «отличие политических курсов обусловлено не только различиями интересов и материальных возможностей, но и отличающимся пониманием сущности энергии, ее роли для общества и принципов ее регулирования»²⁴⁴.

Особенности подхода А. Рапа (Alexander Rar)²⁴⁵ обуславливаются тем, что автор уделяет большее внимание глобальным вызовам, которые встают как перед Европой, так и перед Россией.

²⁴¹ Harsem Ø., Claes D.H. The interdependence of European–Russian energy relations // *Energy Policy*. 2013, August. Volume 59. P. 784-791. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421513002851> (Last retrieved: 03.09.2016)

²⁴² "Crisis of Confidence" Afflicts Russian-European Gas Relationship. "Crisis of Supply" Can be Averted, according to Cambridge Energy Research Associates Report // *Business Wire*. 2007, September 10. URL: <https://www.businesswire.com/news/home/20070910006124/en/Crisis-Confidence-Afflicts-Russian-European-Gas-Relationship> (Last retrieved: 03.04.2018)

²⁴³ Boussena S., Locatelli C. Energy institutional and organizational changes in EU and Russia: Revisiting gas relations // *Energy Policy*. 2013, April. Volume 55. P. 180. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S030142151201035X> (Last retrieved: 24.10.2015).

²⁴⁴ Kuzemko C. Ideas, power and change: explaining EU–Russia energy relations // *Journal of European Public Policy*. 2013, October 8. Volume 21, Issue 1. P. 59. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2013.835062> (Last retrieved: 21.09.2016).

²⁴⁵ Рар А. Г. Россия жмет на газ. Возвращение мировой державы = Russland gibt Gas (Die Rückkehr einer Weltmacht). М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 377 с.

Рар А. Куда пойдет Путин? Россия между Китаем и Европой (Почему Западу нужна Россия. Экспертный анализ). М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. 350 с.

Автор считает, что перед лицом глобальных угроз Россия и Европа должны объединиться, причем с возможным сохранением разных идентичностей, для того чтобы выступить в качестве самостоятельного игрока. По мнению А. Рара, взаимодополняемость экономик России и Европы является причиной сохранения заинтересованности во взаимном сотрудничестве: «Россия является энергетической сверхдержавой без экономики, а Евросоюз – индустриальной сверхдержавой без энергетических резервов»²⁴⁶.

Основную проблему на этом пути автор видит в недоверии сторон друг к другу. Этим обуславливается большое внимание, уделяемое автором различию европейских и российских точек зрения на ключевые проблемы взаимоотношений, сопоставлению позиций сторон. Автор отказывается от достаточно распространенной в литературе практике возложения вины за нестабильность в отношениях России и ЕС лишь на одну из сторон, предпочитая искать причины конфликтности в особенностях их взаимовосприятия. Анализируя причины негативного взаимовосприятия, А. Рар указывает на роль части экспертного сообщества в Европе, «которые во время холодной войны подсчитывали ядерные ракеты и боеголовки, а позже, чтобы не остаться безработными, обнаружили в энергетической проблематике удобную тему для дальнейшего занятия вопросами энергетической безопасности»²⁴⁷. Одновременно автор указывает на имиджевые проблемы, обусловленные недооценкой СМИ и роли пиара, с которыми сталкивается российская сторона²⁴⁸.

Подводя итоги, прежде всего необходимо отметить, что для работ европейских экспертов, посвященных изучению российско-европейского взаимодействия, характерно их значительное идейное разнообразие. В научной литературе и экспертных комментариях представлены как основные парадигмы международных отношений: неореализм и неолиберализм, так и постпозитивистские направления. Очень значительная доля экспертных оценок базируется именно на положениях парадигмы неореализма, поэтому в значительном числе работ анализ сложных и многоплановых российско-европейских отношений сводится исключительно к конфронтации и соперничеству. Анализируя существующую литературу по российско-европейским отношениям в энергетике А. Джадж (Andrew Judge), Т. Молтби (Tomas Maltby) и Дж. Шаплс (Jack D. Sharples) даже указывают на проблему геополитического редукционизма в связи со склонностью многих

Рар А. Россия – Запад. Кто кого? М.: Изд-во «Э», 2016. 352 с.

²⁴⁶ Рар А. Куда пойдет Путин? Россия между Китаем и Европой (Почему Западу нужна Россия. Экспертный анализ). М.: Олма Медиа Групп, 2012. С. 133.

²⁴⁷ Рар А. Куда пойдет Путин? Россия между Китаем и Европой (Почему Западу нужна Россия. Экспертный анализ). М.: Олма Медиа Групп, 2012. С. 140.

²⁴⁸ Там же. С. 150.

авторов чрезмерно упрощать взаимодействие России и ЕС²⁴⁹. Взаимодействие двух сторон часто описывается с использованием негативно окрашенной терминологии (к примеру «энергетическое оружие»). Представленные выше оценки опубликованы в работах с 2007 по 2016 гг., т.е. то время, когда отношения России и ЕС значительно усложнились по сравнению с предыдущим периодом. В связи с этим тем более характерно замечание, сделанное уже в 2007 г. А. Голдтау (Andreas Goldthau), отметившим, что «среди европейских политических аналитиков и комментаторов сформировался консенсус в отношении российских поставок газа как мощном оружии российской элиты»²⁵⁰. Основываясь на этих оценках и изученных нами работах мы считаем необходимым провести линию основного идейного противостояния по вопросу о роли России для энергетической безопасности ЕС именно между приверженцами парадигмы неореализма и их оппонентами²⁵¹. Отчасти значительную распространенность объяснений, базирующихся на предположениях парадигмы неореализма, можно объяснить тем, что вопросы безопасности и роль государства как главного гаранта ее обеспечения, а также конфликты и их причины находятся в большей мере в фокусе внимания неореализма.

²⁴⁹ Judge A., Maltby T., Sharples J.D. Challenging Reductionism in Analyses of EU-Russia Energy Relations // *Geopolitics*. 2016, September 29. Volume 21, No.4. P. 753. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14650045.2016.1222520> (Last retrieved: 01.06.2017).

²⁵⁰ Goldthau A. Rhetoric versus reality: Russian threats to European energy supply // *Energy Policy*. 2008, February. Volume 36, Issue 2. P. 687. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421507004430> (Last retrieved: 15.06.2017).

²⁵¹ Эта точка зрения встречается также в статье: Stulberg A.N. Out of Gas? Russia, Ukraine, Europe, and the Changing Geopolitics of Natural Gas // *Problems of Post-Communism*. Volume 62, Issue 2. 2015, April 16. P. 114–115. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10758216.2015.1010914?journalCode=mppc20> (Last retrieved: 02.03.2016).

ВЫВОДЫ к 1-ой главе

В 1-ой главе мы проанализировали некоторые теоретические аспекты влияния восприятия энергетической безопасности на государственную политику, а затем применили сделанные выводы для изучения восприятия энергетической безопасности в Европейском союзе. Рассмотрев различные подходы к изучению энергетической безопасности и ее измерений, а также применение ключевых положений основных парадигм международных отношений: неореализма, неолиберализма и конструктивизма (как одного из направлений постпозитивизма) к проблемам энергетической безопасности, мы приходим к выводу о крайне широком спектре мнений. Этот фактор в связи с высокой ролью вопросов безопасности для традиционных акторов международных отношений объясняет сложность достижения полного взаимопонимания между различными участниками глобальных и региональных рынков энергоресурсов. Кроме того, существование широкой палитры мнений обуславливает необходимость уделения большего внимания восприятию энергетической безопасности конкретными акторами при анализе и прогнозировании их действий.

Сделанные выводы обусловили необходимость подробного изучения восприятия энергетической безопасности в Европейском союзе. Анализ статистических данных по официальным документам Европейской комиссии, Европейского парламента и Совета ЕС, а также по научным работам исследователей, работающих в различных европейских научных центрах позволил сделать вывод о том, что проблематика энергетической безопасности фактически не привлекала значительного внимания ни европейских исследователей, ни ключевых политических институтов до 2006 г., когда произошла резкая актуализация указанных вопросов в научной среде и рост их важности в политической повестке дня.

Анализ Зеленых книг Еврокомиссии и взаимосвязанных с ними документов Европарламента и Совета ЕС продемонстрировал, что к 2006 г. обозначились следующие изменения: в качестве основной угрозы энергетической безопасности ЕС вместо вопроса о гарантированности поставок нефти стали рассматриваться проблемы газообеспечения, выросла актуальность вопроса о проведении единой энергетической политики и общеевропейского регулирования энергетических рынков, с Россией в большей мере стали связываться угрозы безопасному энергоснабжению.

Более детальное изучение опасений в отношении России было проведено на основе академической литературы и экспертных комментариев европейских специалистов. Мы показали, что очень значительная доля экспертных оценок базируется на положениях парадигмы

неореализма. Поэтому в большинстве работ международные отношения рассматриваются как взаимодействие прежде всего между государственными акторами, анализ проводится в терминах игры с нулевой суммой, авторы исходят из предпосылок о принципиально несовместимом восприятии интересов различных игроков, трактуют безопасность в терминах геополитики и зачастую приходят к выводу о неизбежном противоборстве государств. В работах, посвященных анализу российско-европейских отношений в энергетике, особо подчеркиваются связи компании «Газпром» с государственным аппаратом и переплетение коммерческих интересов компании с целями государственной политики. Кроме того, утверждается, что Россия использует энергетику для оказания политического и экономического влияния на страны-импортеры и достижения целей внешней политики.

ГЛАВА 2. Восприятие России как угрозы для энергетической безопасности ЕС как фактор либерализации газового рынка

2.1. Либерализация европейского рынка газа и активизация процесса в 2006-2009 гг.

Проблемы энергетической безопасности сыграли значительную роль при определении приоритетов энергетической политики в Европейском союзе. Восприятие ряда проблем энергетической безопасности как вызовов устойчивому развитию оказало влияние не только на либерализацию газового рынка ЕС, но и на ряд других ключевых направлений европейской энергетической политики. Так, к примеру, цели Энергетической стратегии до 2020 г. по повышению энергоэффективности на 20%, увеличению доли возобновляемых источников энергии (здесь и далее ВИЭ) до 20%, сокращению выбросов парниковых газов на 20%²⁵², во многом были вызваны осознанием роста импортной зависимости ЕС в качестве проблемы, и в конечном итоге привели к значительному снижению потребностей в импорте газа.

Тем не менее в данной главе мы рассмотрим влияние проблем энергетической безопасности только на либерализацию рынка. Необходимость сужения тематики обусловлена тем, что остальные направления энергетической политики ЕС, во-первых, затрагивают весь энергетический комплекс, а не только газовую отрасль, а во-вторых, оказали лишь опосредованное влияние на трансформацию системы ценообразования (снизив объемы потребления газа).

Рынок газа стран Европейского союза с конца XX века и до настоящего времени находится в процессе глубокой трансформации. Обзор научной литературы демонстрирует широкую палитру взглядов на ключевые характеристики происходящих изменений. Ряд авторов говорят о «либерализации» рынка природного газа ЕС, другие предпочитают рассматривать его «реструктуризацию». Рассмотрим на конкретных примерах подходы исследователей к рассмотрению происходящих процессов:

- В докладе Комитета Европейского союза, назначенного Палатой лордов Парламента Великобритании, под либерализацией газовых рынков подразумевается законотворческий

²⁵² Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: Energy 2020 - A Strategy for competitive, sustainable and secure energy / European Commission. COM (2010) 639, 2010, November 10. URL: https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/documents/2011_energy2020_en_0.pdf, https://ec.europa.eu/clima/policies/strategies/2020_en#tab-0-1 (Last retrieved: 30.09.2016),

процесс, запущенный Европейским союзом с целью создания единого европейского рынка электричества и газа²⁵³.

- Британский ученый П. Кэмерон сосредотачивает свое внимание на процессе либерализации, предлагая рассматривать его как «процесс открытия рынка, который как минимум устраняет юридические барьеры для торговли. Однако в контексте Европейского союза этот процесс включает в себя создание отраслевой структуры, в которой могут действовать конкурирующие силы и может поощряться дух конкуренции»²⁵⁴.
- Чешский исследователь Ф. Чернох, анализируя реструктуризацию внутреннего рынка ЕС, рассматривает ее как «переход от традиционного фрагментированного национального рынка, доминирующее положение на котором занимают компании-монополисты с установленными связями с иностранными поставщиками, к объединенному либерализованному европейскому рынку с активным взаимодействием на торговых площадках (хабах)»²⁵⁵.
- Известный российский специалист по энергетической политике Н.Ю. Кавешников в качестве главной цели либерализации называет создание «единого европейского рынка электроэнергии и газа с высоким уровнем конкуренции, что должно повлечь выравнивание тарифов на энергоносители в различных государствах и их общее снижение»²⁵⁶. Российский исследователь указывает также на ряд проблем, с которым столкнулся процесс либерализации: во-первых, отставание формирования единого рынка от либерализации отдельных национальных рынков вследствие сложностей с трансграничными перетоками энергоносителей, во-вторых, сохранение во многих странах контроля компаний – «национальных чемпионов» над национальными рынками, вызванного протекционистской политикой государств-членов ЕС²⁵⁷.

²⁵³ Gas: Liberalised Markets and Security of Supply. 17th Report of Session 2003-04/ European Union Committee. House of Lords. London: The Stationery Office Limited. 2003, 24 June. P. 9. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld200304/ldselect/ldeucom/105/105.pdf> (Last retrieved: 28.10.2017).

²⁵⁴ Cameron P.D. Competition in Energy Markets: Law and Regulation in the European Union. Oxford University Press, 2007. P. 33.

²⁵⁵ Energy Security in Central and Eastern Europe and the Operations of Russian State-Owned Energy Enterprises / Reviewed by Jiří Martinec. Brno: Masarykova univerzita, 2015. P. 377.

²⁵⁶ Кавешников Н.Ю. Энергетические аспекты // Безопасность Европы / Под ред. В.В. Журкина – М.: Издательство «Весь Мир», 2011. С. 501.

²⁵⁷ Там же.

- Сама по себе Европейская комиссия, по мнению немецкого исследователя Э. Бручин, рассматривает либерализацию в первую очередь как разделение национальных монополий в секторах производства, транспортировки и распределения²⁵⁸.

Исходя из приведенных выше определений, мы можем выделить в процессе либерализации европейского рынка два основных уровня: во-первых, национальный, трансформация которого проявляется в усилении конкуренции на рынках отдельных стран, и во-вторых, общеевропейский, изменения на котором заключаются в постепенном устранении трансграничных барьеров для свободного перетока энергии – т.е. интеграции отдельных национальных рынков в единый европейский рынок. В диссертационной работе мы будем рассматривать процесс либерализации европейского рынка в комплексе, как усиление конкуренции на национальных рынках и интеграцию их в единый общеевропейский рынок газа. Термин «реструктуризация рынка», использованный в работе Ф. Черноха, будет использоваться в качестве синонима.

В процессе реструктуризации рынка можно выделить следующие аспекты:

1. Инфраструктурный: расширение газотранспортной инфраструктуры на национальных рынках и активное развитие трансграничных мощностей
2. Правовой: изменение правовой основы взаимодействия участников. На смену долгосрочным контрактам между компаниями и обычно сопровождавшими их рамочными двусторонними межправительственными соглашениями приходит рынок спотовых контрактов. Кроме того, на основе трех энергетических пакетов формируется общеевропейская законодательная база.
3. Организационный: изменение системы основных участников. В традиционной модели рынка основными участниками выступали газоэнергетические компании, занимающие монопольное или олигопольное положение на национальных рынках, и государства, оказывающие поддержку своим национальным чемпионам. По мере продвижения к либерализованному рынку число участников увеличивается. Растет число компаний, расширяется их деятельность за пределами границ стран основного базирования, в области транспортировки часть компетенций традиционных участников перенимают сетевые операторы (в ЕС возникает даже несколько их типов), растет роль и число бирж, создаются национальные регуляторы и ассоциации национальных регуляторов и операторов (ACER и ENTSOG).

²⁵⁸ Brutschin E. Shaping the EU's Energy Policy Agenda: The Role of Eastern European Countries // Energy Policy Making in the EU. Building the Agenda / edited by Tosun J., Biesenbender S., Schulze K. Springer, 2015. P. 189. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-1-4471-6645-0.pdf> (Last retrieved: 22.06.2017).

Учитывая множественность политических акторов, обладающих правосубъектностью в области энергетической политики (государства ЕС, наднациональные институты), процесс происходящей трансформации можно рассматривать как результат согласования разнонаправленных интересов различных игроков в ЕС и воплощения достигнутых договоренностей в конкретных политических и юридических документах. При изучении влияния фактора энергетической безопасности на процесс либерализации рынка необходимо также учитывать проходящий параллельно процесс перераспределения полномочий в области европейской энергетической политики, заключающийся в передаче части функций со стороны национальных государств ЕС общеевропейским институтам, в частности Европейской комиссии.

Каждый из упомянутых процессов самостоятелен, что демонстрируют примеры либерализации отдельного национального рынка газа Великобритании и начала формирования единой европейской энергетической политики в 1950-е гг., когда вопрос либерализации рынков газа и электроэнергии вообще не рассматривался. Однако важно отметить, что процессы либерализации европейского рынка и формирования единой европейской энергетической политики фактически начались одновременно – в конце 1980-х гг. Кроме того, они находились в очень тесной взаимосвязи друг с другом. Либерализация европейских рынков газа и электроэнергии стала одним из наиболее крупных направлений развития единой европейской энергетической политики. Каждый из этих процессов требовал передачи значительных полномочий на наднациональный уровень и встретил фактически одно и то же противодействие государств-членов, опасавшихся передавать суверенные права в области энергетики.

Тенденцию к формированию единой европейской энергетической политики можно рассматривать в качестве одного из краеугольных камней европейской интеграции. Два из трех Европейских сообществ (позднее трансформированных в Европейские Сообщества и Европейский союз): Европейское объединение угля и стали и Евроатом, созданные в 1951 и 1957 гг. соответственно, были нацелены на объединение энергетических рынков. Проведение общеевропейской энергетической политики в течение десятилетий считалось приоритетной целью. Так, в 1968 г. в документе Энергетическая политика Сообщества «недостаточная интеграция в энергетической сфере» рассматривалась в качестве угрозы, которая могла быть нивелирована лишь с помощью «энергетической политики Сообщества, которая позволит сделать

энергетический сектор частью общего рынка²⁵⁹. Это свидетельствует о том, что попытки внести вопрос о необходимости либерализации и интеграции рынков в повестку дня постоянно предпринимались, однако в течение длительного времени добиться прогресса на этом направлении не удавалось. По мнению Н. Хервег (Nicole Herweg), причиной послужило противодействие государств-членов ЕС, рассматривавших энергетическую политику как затрагивающую вопросы энергетической безопасности и потому относящуюся исключительно к сфере национальных компетенций²⁶⁰.

Начало изменений можно объяснить принятием Единого европейского акта, вступившего в силу в 1987 г. Государства, входящие в Европейские сообщества, должны были до 31 декабря 1992 г. создать единый внутренний рынок, в том числе в сфере энергетики²⁶¹. Эта задача не была выполнена в срок, однако важность этого этапа заключается в том, что Еврокомиссия смогла внести в повестку дня вопросы формирования единого европейского рынка в качестве проблемы обеспечения конкуренции и свободного перемещения товаров и услуг. Поскольку в области обеспечения конкуренции Еврокомиссия обладала значительными полномочиями и, в частности, как отмечает Н. Хервег, могла в одностороннем порядке принимать директивы²⁶², государствам-членам ЕС пришлось участвовать в процессе обсуждения, чтобы не потерять возможность влиять на принятие итогового решения. Общему успеху Еврокомиссии также способствовало одновременное продвижение переговоров по регулированию сектора электроэнергетики. Итогом стало достижение общего компромисса и принятие первого документа по реформированию рынка газа – директивы 1998/30/ЕС в 1998 г.²⁶³

В течение следующих десяти лет были приняты еще два документа: газовая директива 2003/55/ЕС в 2003 г. и газовая директива 2009/73/ЕС в рамках 3-го энергетического пакета в 2009 г. По мнению Э. Бручин (Elina Brutschin), сравнение трех директив позволяет сделать вывод о том, что первая из них имела наибольшее значение для либерализации газового рынка. Ее принятие институтами ЕС обусловило начало нового этапа в процессе трансформации рынка.

²⁵⁹ Цит по: Maltby T. European Union energy policy integration: a case of European Commission policy entrepreneurship and increasing supranationalism // *Energy Policy*. 2013, April. Volume 55. P.437. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421512010798> (Last retrieved: 07.03.2016).

²⁶⁰ Herweg N. Against All Odds: The Liberalisation of the European Natural Gas Market—A Multiple Streams Perspective // *Energy Policy Making in the EU. Building the Agenda* / edited by Tosun J., Biesenbender S., Schulze K. Springer, 2015. P. 87-88. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-1-4471-6645-0.pdf> (Last retrieved: 22.06.2017).

²⁶¹ Gas: Liberalised Markets and Security of Supply. 17th Report of Session 2003-04/ European Union Committee. House of Lords. London: The Stationery Office Limited. 2003, 24 June. P. 10. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld200304/ldselect/lddeucom/105/105.pdf> (Last retrieved: 28.10.2017).

²⁶² Ibid. P. 87.

²⁶³ Ibid. P. 102-104.

Значение первой газовой директивы заключается и во влиянии, которые она оказала на последующие директивы в отношении главных инструментов либерализации. Одновременно с этим исследователь обращает внимание на то, что первая газовая директива проводит либерализацию в очень легкой форме, поскольку не оказывает серьезного давления на монопольные компании с целью их разделения в областях транспортировки мощностей и распределительных сетей²⁶⁴.

Третья газовая директива оценивается Э. Бручин как вторая по значимости с точки зрения вносимых изменений. Она не только модифицировала уже существующие инструменты либерализации рынка, но и добавила несколько новых.

- Во-первых, директива устанавливала требование отделения бизнеса по транспортировке газа от других видов деятельности вертикально-интегрированных компаний.
- Во-вторых, она обозначила необходимость применения новых подходов в отношении регионального сотрудничества и солидарности.
- В-третьих, документ серьезно расширил полномочия национальных регуляторов.
- В-четвертых, было внедрено правило регулирования доступа для третьих стран (которое часто интерпретируется как направленное против «Газпрома»)²⁶⁵.

Как мы видим, в период с конца 1990-х до конца 2000-х гг. был достигнут значительный прогресс. Н.Ю. Кавешников отмечает, что «если в конце 1990-х гг. энергетической политики ЕС практически не существовало, то сегодня (работа опубликована в 2012 г. – примечания автора), налицо новая сформировавшаяся сфера деятельности ЕС, с оформившейся и развивающейся компетенцией, четко сформулированными целями и широким набором инструментов»²⁶⁶. Ряд европейских исследователей также подчеркивает важность этого периода. На значение второй половины 2000-х гг. для развития общеевропейской энергетической политики обращает внимание Т. Молтби. Британский исследователь отмечает, что попытки Европейской комиссии обозначить суверенитет стран-членов в энергетической сфере и зависимость ЕС от импорта в качестве

²⁶⁴ Brutschin E. Shaping the EU's Energy Policy Agenda: The Role of Eastern European Countries // Energy Policy Making in the EU. Building the Agenda / edited by Tosun J., Biesenbender S., Schulze K. Springer, 2015. P. 189-191. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-1-4471-6645-0.pdf> (Last retrieved: 22.06.2017).

²⁶⁵ Brutschin E. Shaping the EU's Energy Policy Agenda: The Role of Eastern European Countries // Energy Policy Making in the EU. Building the Agenda / edited by Tosun J., Biesenbender S., Schulze K. Springer, 2015. P. 191. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-1-4471-6645-0.pdf> (Last retrieved: 22.06.2017).

²⁶⁶ Кавешников Н.Ю. Становление энергетической политики ЕС // Европейский Союз в XXI веке: время испытаний / под ред. О. Ю. Потемкиной (отв. ред.), Н. Ю. Кавешникова, Н. Б. Кондратьевой; Рос. акад. наук, Ин-т Европы. М.: Весь мир, 2012. С.252.

проблемы, а диверсификацию поставок и наднациональное регулирование как их возможное решение до 2006 г. имели весьма ограниченные результаты²⁶⁷. Активизацию строительства единого внутреннего рынка газа в результате принятия документов 3-го энергетического пакета подчеркивает Ф. Чернох²⁶⁸. Опираясь на вышеуказанные работы, мы можем сделать вывод, что в процессе либерализации европейского рынка газа наблюдались два этапа активизации. В период второй половины 1990-х гг. принятие 1-ой газовой директивы обозначило начало либерализации рынка, а в период второй половины 2000-х гг. 3-ья газовая директива значительно усилила прогресс, установив требование разделения монополий и внедрив ряд других инструментов либерализации.

Говоря о продолжении либерализации европейского рынка газа, мы рассматриваем этот процесс шире, чем исключительно принятие 3-ей газовой директивы или 3-го энергетического пакета. На наш взгляд, при изучении процесса либерализации необходимо включить в анализ не только принятые правовые акты, которые сами по себе лишь подтверждают смещение баланса сил к 2009 г. Важно учесть динамику использования внедренных правовых норм, которые выступают в качестве инструментов (но не результатов) трансформации рынка. В связи с этим, говоря об активизации процесса либерализации, мы имеем в виду также такие элементы (или процессы) как: проведение антимонопольных расследований на газовом рынке (не только в отношении «Газпрома», но и других европейских компаний²⁶⁹), увеличение объема инвестиций в газотранспортную инфраструктуру (проект развития общеевропейских энергетических сетей TEN-E²⁷⁰), процесс обсуждения изменений к 4-ей газовой директиве, находящийся в активной фазе на момент окончания написания диссертации²⁷¹.

Важный пример дает программа Трансевропейские сети – Энергия (TEN-E), нацеленная на устранение проблемы недостаточной взаимосвязанности национальных энергетических сетей путем создания трансграничных трубопроводов и линий электропередач. В рамках этой

²⁶⁷ Maltby T. European Union energy policy integration: a case of European Commission policy entrepreneurship and increasing supranationalism // Energy Policy. 2013, April. Volume 55. P.437. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421512010798> (Last retrieved: 07.03.2016).

²⁶⁸ Energy Security in Central and Eastern Europe and the Operations of Russian State-Owned Energy Enterprises / Reviewed by Jiří Martinec. Brno: Masarykova univerzita, 2015. P. 382.

²⁶⁹ Antitrust: Commission fines E.ON and GDF Suez €553 million each for market-sharing in French and German gas markets // European Commission. Brussels. 2009, 8 July. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-09-1099_en.htm (Last retrieved: 11.02.2018)

²⁷⁰ Trans-European Networks for Energy / European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/energy/en/topics/infrastructure/trans-european-networks-energy> (Last retrieved: 20.04.2018)

²⁷¹ См. подробнее: Procedure 2017/0294/COD. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/HIS/?uri=CELEX:52017PC0660> (Last retrieved: 11.03.2018)

программы к 2006 г. был предусмотрен ежегодный бюджет в 20 млн евро на поддержку выполнения технико-экономического обоснования проектов в электро- и газэнергетике. Программа обеспечивала до 50% стоимости технико-экономического обоснования проектов. Для какого-либо значительного влияния на энергетическую инфраструктуру указанного бюджета было явно недостаточно, однако цели программы были ограничены и заключались в создании стимулов на раннем и наиболее рискованном этапе проекта²⁷². В 2009 г. в рамках Европейской экономической программы восстановления (EER) был выделен бюджет размером в 4 млрд евро на софинансирование проектов энергетической инфраструктуры (из которых 2,4 млрд евро на проекты в электро- и газэнергетике)²⁷³. На период 2014–2020 гг. для развития инфраструктурных проектов в областях энергетики, транспорта и телекоммуникаций был создан Фонд объединения Европы (CEF), управление которым обеспечивалось Исполнительным агентством по инновациям и сетям. Для развития энергетических проектов было предусмотрено выделение 5,35 млрд евро²⁷⁴.

²⁷² Meeus L. et al. Regulated cross-border transmission investment in Europe / Leonardo Meeus, Konrad Purchala, Dirk Van Hertem and Ronnie Belmans // *European Transactions on Electrical Power*. November/December 2006. Volume 16, Issue 6. P.591-601. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/etep.106/epdf> (last retrieved: 07.06.2017)

²⁷³ Maltby T. European Union energy policy integration: a case of European Commission policy entrepreneurship and increasing supranationalism // *Energy Policy*. 2013, April. Volume 55. P.440. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421512010798> (Last retrieved: 07.03.2016).

²⁷⁴ URL: <https://ec.europa.eu/energy/en/topics/infrastructure>;
<https://ec.europa.eu/inea/connecting-europe-facility/cef-energy> (last retrieved: 07.06.2017)

2.2. Роль восприятия России как угрозы для энергетической безопасности ЕС через призму концепции множественных потоков

Принятие 3-го энергетического пакета в Европейском союзе часто упоминается при обсуждении проблем в российско-европейских отношениях как пример проведения недружественной политики в отношении России. Правовые нормы, внедренные директивами и регламентами этого энергопакета, действительно оказали значительное негативное влияние на российскую энергетическую политику. Однако для нас больший интерес представляет вопрос о том, какие факторы обусловили продолжение либерализации рынка газа в ЕС во второй половине 2000-х гг. и роль проблематики энергетической безопасности в этом процессе. В научной литературе уделяется мало внимания этим вопросам. Отчасти это можно объяснить тем, что многие исследователи предпочитают рассматривать более глобальные вопросы российско-европейского взаимодействия в сфере энергетики.

Если учитывать работы, рассматривающие более общие вопросы, можно сделать вывод о наличии широкого спектра подходов к вопросам о факторах продолжения либерализации рынка газа в ЕС со второй половины 2000-х гг. и о роли проблем энергетической безопасности в этом процессе. Как было показано в предыдущей главе, очень значительная доля экспертных оценок базируется на положениях позитивистской парадигмы и теории рационального выбора. А. Джадж (Andrew Judge), Т. Молтби (Tomas Maltby) и Дж. Шаплс (Jack D. Sharples) формулируют проблему даже еще уже, называя ее геополитическим редукционизмом в анализе российско-европейских отношений в энергетике²⁷⁵.

Ключевые особенности многих научных работ и экспертных оценок в этой области совпадают с теми характеристиками, которые выделил П.А. Цыганков для большинства исследований процесса принятия внешнеполитических решений до конца 1960-х гг. Как указывает ученый, они были основаны «<...>либо на модели рационального выбора, либо на организационной модели. В первой модели решение рассматривалось как результат хорошо продуманного и аргументированного выбора, осуществляемого унитарным субъектом, который преследует стратегические цели, основанные на ясном понимании национальных интересов (здесь следует назвать работы приверженцев классического течения теории политического реализма Г. Моргантау, Э. Карра, Г. Киссинджера и др., а также специалистов по теории игр Т. Шеллинга, О.

²⁷⁵ Judge A., Maltby T., Sharples J.D. Challenging Reductionism in Analyses of EU-Russia Energy Relations // Geopolitics. 2016, September 29. Volume 21, No.4. P. 753. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14650045.2016.1222520> (Last retrieved: 01.06.2017).

Моргенстерна). Во второй модели решение предстает как итог функционирования группы правительственных организаций, действующих в соответствии с определенными рутинными процедурами на основе существующих программ»²⁷⁶.

Необходимо признать, что в исследованиях российско-европейских отношений в энергетике, действительно, существуют тенденции к рассмотрению России и Европейского союза как унитарных субъектов, преимущественному вниманию к государственным институтам (Европейской комиссии или президенту России), вопросу о фундаментально различных подходах России и ЕС как экспортера и импортера энергоресурсов или соперников в глобальном геополитическом противостоянии и обоюдном стремлении использовать существующие экономические взаимосвязи исключительно в собственных интересах. Также отметим объяснимую в целом черту многих работ подвергать противоположную сторону жесткой критике.

Для того чтобы преодолеть неотъемлемые ограничения модели рационального выбора и подробно проанализировать вопрос о роли фактора энергетической безопасности для активизации либерализации рынка, мы используем концепцию множественных потоков (multiple-streams model) Дж. Кингдона, кратко охарактеризованную в 1-ой главе нашей работы. Применяющие ее исследователи подчеркивают, что в отличие от моделей рационального выбора, концепция Дж. Кингдона придает большое значение контексту и времени. Модель множественных потоков предназначена для изучения вопросов о том, в какое время и какие именно проблемы оказываются в центре внимания, какие политические акторы и как мобилизуются для участия, как формулируются проблемы и трактовки, а также какую роль играют опытные политические предприниматели во всем процессе²⁷⁷. На наш взгляд, дополнение существующих объяснительных моделей факторами, объясняющими контекст и время принятых решений, обеспечит более нюансированный подход и позволит дать более точный ответ на поставленные нами вопросы.

В научной литературе доказывается применимость данной модели для анализа политического процесса в Европейском союзе. Н. Захариадис (Nikolaos Zahariadis) обосновывает это тем, что концепция множественных потоков подчеркивает роль фактора неопределенности (“ambiguity”) в качестве неотъемлемой части политического процесса в ЕС²⁷⁸. В свою очередь, на

²⁷⁶ Цыганков П.А. Грэм Аллисон о моделях принятия решений в области национальной безопасности // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 2002. С. 268.

²⁷⁷ Ackrill R., Kay A., Zahariadis N. Ambiguity, multiple streams, and EU policy // Journal of European Public Policy. 2013, Volume 20, № 6. P. 872. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2013.781824> (Last retrieved: 05.02.2018)

²⁷⁸ Zahariadis N. Ambiguity and choice in European public policy // Journal of European Public Policy. 2008, Volume 15, № 4. P. 514-530. <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501760801996717>

фактор неопределенности как важную характеристику сферы политики в ЕС обращают внимание А. Краузе (Alexandra Krause), А. Корбет (Anne Corbett), Р. Акрилл (Robert Ackrill), А. Кэй (Adrian Kay) и Н. Захариадис (Nikolaos Zahariadis)²⁷⁹. А. Корбет (Anne Corbett), Л. Крэм (Laura Cram) и Д. Ричардсон (Jeremy Richardson) указывают на преимущество использования концепции множественных потоков в связи со сложностью институциональной структуры ЕС²⁸⁰.

Данная модель, адаптированная для анализа политического процесса в ЕС, применялась в ряде работ для изучения политических решений, продвигаемых Еврокомиссией в энергетической сфере. Опираясь на концепцию Кингдона, Н. Хервег анализирует причины повышения актуальности в политической повестке дня проблемы либерализации энергетических рынков в ЕС, а также детально исследует механизм и факторы первого заметного успеха в процессе либерализации европейского газового рынка²⁸¹. Т. Молтби использует ключевые положения модели множественных потоков для анализа роли Еврокомиссии в процессе развития европейской политики в сфере энергобезопасности во 2-ой половине 2000-х гг. и укреплении роли наднациональных институтов²⁸². Мы будем опираться на некоторые выводы, сделанные британским исследователем, для того чтобы найти ответ на вопрос, поставленный в данной главе. Э. Бручин, опираясь на составляющие структурные элементы концепции Кингдона – политического предпринимательства и конструирования политической повестки дня, рассматривает роль стран Центральной и Восточной Европы для либерализации рынка²⁸³. Модель

²⁷⁹ Ackrill R., Kay A., Zahariadis N. Ambiguity, multiple streams, and EU policy // Journal of European Public Policy. 2013, Volume 20, № 6. P. 875. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2013.781824> (Last retrieved: 05.02.2018),

Zahariadis N. Ambiguity and choice in European public policy // Journal of European Public Policy. 2008, Volume 15, № 4. P. 514-530. <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501760801996717>

²⁸⁰ Ackrill R., Kay A. Multiple streams in EU policy-making: the case of the 2005 sugar reform // Journal of European Public Policy. 2011, Volume 18, № 1. P. 73 URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2011.520879> (Last retrieved: 05.02.2018).

²⁸¹ Herweg N. Against All Odds: The Liberalisation of the European Natural Gas Market—A Multiple Streams Perspective // Energy Policy Making in the EU. Building the Agenda / edited by Tosun J., Biesenbender S., Schulze K. Springer, 2015. P. 87-88. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-1-4471-6645-0.pdf> (Last retrieved: 22.06.2017).

²⁸² Maltby T. European Union energy policy integration: a case of European Commission policy entrepreneurship and increasing supranationalism // Energy Policy. 2013, April. Volume 55. P. 435-444. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421512010798> (Last retrieved: 07.03.2016).

²⁸³ Brutschin E. Shaping the EU's Energy Policy Agenda: The Role of Eastern European Countries // Energy Policy Making in the EU. Building the Agenda / edited by Tosun J., Biesenbender S., Schulze K. Springer, 2015. P. 187-204. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-1-4471-6645-0.pdf> (Last retrieved: 22.06.2017).

множественных потоков применялась также в работах, посвященных анализу политических решений в областях, не связанных с энергетикой²⁸⁴.

Н. Хервег демонстрирует, как проблема либерализации пошла в повестку дня. Однако темпы развития процесса либерализации и его направления на тот момент не были окончательно предопределены. На них оказывали влияние множество различных факторов, одним из которых в период 2006-2009 гг. выступило беспокойство относительно энергетической безопасности европейских стран. Конфликты 2006 и 2009 гг. открыли окно возможностей для секьюритизации проблематики энергобезопасности и, таким образом, способствовали развитию либерализации в направлении, оказывающим негативное влияние на Россию. В результате перед нами встает следующий вопрос: как быстро могла развиваться либерализация и в каком направлении в случае отсутствия конфликтов 2006 и 2009 гг.?

Концепция множественных потоков изначально предлагалась как модель для изучения механизма формирования политической повестки дня. Ключевыми проблемами, которые рассматривал Дж. Кингдон в своей работе, являлись, во-первых, причины роста актуальности одних проблем в политической повестке дня по сравнению с другими, во-вторых, факторы, обуславливающие внимание властных структур к одним идеям и невосприимчивость к их альтернативам²⁸⁵. Концепция множественных потоков предполагает, что в политической системе параллельно друг другу движутся три потока. Используя перевод А.А. Дегтярева, мы обозначим их как «поток проблем» (problem stream), «поток решений» (policy stream) и «политический поток» (political stream)²⁸⁶. Кингдон подчеркивает, что три потока функционируют в целом независимо друг от друга. Однако в критические моменты времени, называемые «окнами возможностей» (policy windows) эти потоки сливаются друг с другом, что приводит к изменению повестки дня²⁸⁷. Ниже мы рассмотрим каждый из них подробнее, показав их основные характеристики и применив к ситуации второй половины 2000-х гг.

²⁸⁴ См. к примеру: Kaunert C. The area of freedom, security and justice in the Lisbon Treaty: commission policy entrepreneurship? // European Security. 2010. Vol. 19, Issue 2. P. 169-189. URL:

<https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09662839.2010.531705> (Last retrieved: 04.04.2018);

Princen S. Agenda-setting strategies in EU policy processes // Journal of European Public Policy. 2011. Vol. 18, Issue 7. P. 927-943. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2011.599960> (Last retrieved: 04.04.2018).

²⁸⁵ Kingdon J. W. Agendas, Alternatives, and Public Policies. Second Edition. Harlow: Pearson, 2014. P. 2, 196.

²⁸⁶ Дегтярев А.А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений (III) / Полис. Политические исследования. 2003. № 3. С. 152-163. URL: <http://www.politstudies.ru/article/3218> (Дата обращения: 21.01.2018).

²⁸⁷ Kingdon J. W. Agendas, Alternatives, and Public Policies. Second Edition. Harlow: Pearson, 2014. P. 86-89.

2.2.1. Поток проблем: угрозы энергозависимости от России для энергетической безопасности ЕС

Поток проблем, как отмечает Дж. Кингдон, состоит из тех неблагоприятных условий, которые рассматриваются в качестве требующих определенных действий. Таким образом, придание условию статуса проблемы включает в себя элемент субъективного восприятия и интерпретации. Значительную роль в этом играет классификация. От того, к какой категории отнесена проблема, зависит ее восприятие людьми. В связи с этим в политическом процессе борьба вокруг решения проблемы во многом сводится к ее классификации²⁸⁸.

Дж. Кингдон указывает на три основных группы факторов, обуславливающих восприятие неблагоприятных условий в качестве проблем:

- первую группу факторов представляют собой “индикаторы” (indicators), позволяющий определить степень значимости проблемы и характер изменения ее остроты во времени. Несмотря на то, что при использовании индикаторов часто применяются статистические данные, проблема субъективной интерпретации все равно сохраняется. Дж. Кингдон обращает внимание на то, что потребность в использовании индикаторов иногда обуславливает невнимание людей к наличию в последних серьезных недостатков²⁸⁹. А.А. Дегтярев отмечает, что особенную важность в качестве индикаторов имеют официальные доклады и оценки.
- вторая группа факторов – “фокусирующие события” (focusing events), в качестве которых могут выступать кризисы или катастрофы, привлекающие внимание к конкретным проблемам. Такие события повышают актуальность существующих проблем, повышая их значение до уровня, при котором они не могут игнорироваться акторами, принимающими решения.

Дж. Кингдон подчеркивает, что проблема редко может быть вынесена на повестку дня как результат одного «фокусирующего события». К росту важности проблемы в повестке дня «фокусирующее событие» приводит в случае, если оно дополняется уже прежде существующим восприятием проблемы, последующим детальным изучением вопроса или последующим событием подобного плана. В последнем случае второе «событие» приводит к осознанию проблемы как существующей, поскольку оно уже не может быть интерпретировано как случайность²⁹⁰.

²⁸⁸ Kingdon J. W. *Agendas, Alternatives, and Public Policies*. Second Edition. Harlow: Pearson, 2014. P. 109-111.

²⁸⁹ *Ibid.* P. 91-94.

²⁹⁰ *Ibid.* P. 94-98.

- третья группа факторов – “обратные связи” (feedback). Дегтярев А.А. указывает, что посредством обратных связей «доставляется информация о текущей обстановке, фиксируются затруднения при достижении целей или же непредвиденные последствия принятых решений»²⁹¹. Эти факторы могут представлять собой систематический мониторинг программ, хода их реализации, стоимости, полученных жалоб и т.д. Также получение обратных связей может представлять собой менее формализованный механизм.

Восприятие угроз энергетической безопасности и импортозависимости от России как в качестве проблем европейских стран было можно объяснить комплексом различных факторов. Среди таких факторов как **индикаторы** можно выделить, во-первых, возрастание уровня зависимости от импортных поставок. В 2000-м г. в Зеленой книге «К европейской стратегии обеспечения безопасности энергетических поставок» Европейская комиссия указывает на постоянно растущую зависимость от импорта энергоресурсов. Согласно сделанному прогнозу, в случае непринятия необходимых мер, степень энергетической зависимости ЕС продолжит расти, увеличившись с 50% до 70% в течение следующих 20-30 лет²⁹². Величина зависимости от импорта может достигнуть 90% для нефти, 70% - для газа, 100% - для угля²⁹³. В 2006 г. в Зеленой книге «Европейская стратегия по устойчивой, конкурентоспособной и безопасной энергетике» Европейская комиссия повторяет неутешительный прогноз, предполагая увеличение степени энергетической зависимости с 50% до 70% в течение следующих 20-30 лет. При этом ожидается, что степень зависимости от импорта газа может вырасти даже до 80% в течение следующих 25 лет²⁹⁴.

Тенденция увеличения доли импортных поставок в общем энергобалансе был связана как с включением новых членов с высокими показателями импортозависимости, так и с увеличением доли импорта «старых» государств-членов ЕС. К примеру, в докладе Палаты лордов парламента

²⁹¹ Дегтярев А.А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений (III) / Полис. Политические исследования. 2003. № 3. С. 152-163. URL: <http://www.politstudies.ru/article/3218> (Дата обращения: 21.01.2018).

²⁹² Green Paper - Towards a European strategy for the security of energy supply / European Commission. 2000, November 29. Executive Summary, URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex:52000DC0769> (Last retrieved: 30.09.2016)

²⁹³ Ibid. Part 1, Section I, Paragraph C1.

²⁹⁴ Green Paper: A European strategy for sustainable, competitive and secure energy / European Commission. 2006, March 8. Paragraph 1. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52006DC0105> (Last retrieved: 30.09.2016)

Великобритании, изданном в 2003 г., прогнозируется превращение Великобритании в импортера газа с 2006 г.²⁹⁵

Во-вторых, рост цен на импортируемый природный газ с начала 2000-х гг. В Зеленых книгах 2000 и 2006 гг. Европейская комиссия неоднократно выражает беспокойство по этому вопросу. Обеспокоенность вызвана неблагоприятным воздействием растущих цен на конкурентоспособность экономики ЕС и на европейских потребителей. Она лишь усиливается отмечаемой неспособностью ЕС контролировать уровень цен. Как подчеркивает Европейская комиссия, уровень цен на международных рынках будет в большей мере зависеть от энергетической политики развивающихся стран, чем от действий Европейского союза²⁹⁶.

О том, насколько последовавший за этим рост цен повлиял на восприятие энергетической безопасности, косвенно свидетельствуют замечания Еврокомиссии, сделанные в 2000-м г. В отношении нефти авторы Зеленой книги указывают, что «европейской экономике предстоит научиться нормально функционировать при ценах на нефть выше 20 долларов США»²⁹⁷, а по газу указаны прогнозы по росту цен на 20% к 2010 г.²⁹⁸ Однако, как показывают статистические данные, уже в следующее десятилетие рост цен на углеводороды оказался гораздо более значительным: цена нефти к 2011 г. увеличилась почти в 4 раза, а газа – в 2,5 раза. Так, стоимость нефти сорта Brent в период 2000 – 2011 гг. увеличилась с 28,5 до 111,3 долларов за баррель²⁹⁹, а стоимость природного газа на границе с Германией за тот же период выросла с 10,7 до 25,7 Евро/МВт-час³⁰⁰. При этом как будет показано в следующей главе, цена газа на границе с Германией была ниже цен большинства других долгосрочных контрактов в ЕС.

В-третьих, разница между ценами на газовом рынке Великобритании и ценами долгосрочных контрактов, привязанных к нефти, в том числе контрактов «Газпрома». Этот показатель, на первый взгляд, никак не связан с контрактами на поставки российского газа, ведь для специалистов очевидно, что уровень цен на либерализованном рынке Великобритании и цен

²⁹⁵ Gas: Liberalised Markets and Security of Supply. 17th Report of Session 2003-04/ European Union Committee. House of Lords. London: The Stationery Office Limited. 2003, 24 June. P. 11, 25-27. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld200304/ldselect/ldeucom/105/105.pdf> (Last retrieved: 28.10.2017).

²⁹⁶ Green Paper - Towards a European strategy for the security of energy supply / European Commission. 2000, November 29. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex:52000DC0769> (Last retrieved: 30.09.2016)

²⁹⁷ Ibid. Part 1, Section II, Paragraph B3.

²⁹⁸ Ibid. Part 1, Section II, Paragraph C1.

²⁹⁹ BP Statistical Review of World Energy / BP. 2016, June. URL: <http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf> (Last retrieved: 29.03.2016).

³⁰⁰ Aufkommen und Export von Erdgas sowie die Entwicklung der Grenzübergangspreise ab 1991 / BAFA [Bundesamt für Wirtschaft und Ausfuhrkontrolle]. URL: http://www.bafa.de/SharedDocs/Downloads/DE/Energie/egas_aufkommen_export_1991.xls?blob=publicationFile&v=6 (Last retrieved: 29.03.2016).

долгосрочных контрактов, привязанных к нефти, обусловлен совершенно различными причинами. Кроме того, ряд экспертов подчеркивают, что более высокая цена газа в долгосрочных контрактах в принципе естественна, поскольку предполагает долгосрочную заинтересованность экспортеров³⁰¹. Однако, на наш взгляд, этот индикатор сыграл важную роль, продемонстрировав, что цены газа могут быть ниже тех, которые платит большинство потребителей в континентальной Европе. В условиях обеспокоенности о долгосрочной конкурентоспособности европейской экономики и разразившегося глобального экономического кризиса роль этого индикатора еще более возросла. В 3-ей главе мы покажем, что со 2-го квартала 2008 г. до 3-го квартала 2014 г., цена газа на спотовом рынке Великобритании была ниже не только долгосрочных контрактов «Газпрома» для его европейских контрагентов, но и средней цены газа на границе с Германией. Аналогичный разрыв наблюдался и в период с 2006 по 2008 гг.³⁰²

Не меньшую роль сыграли и «фокусирующие события». Основываясь на выводах, сделанных в 1-ой главе, мы придерживаемся мнения, что повышение актуальности проблем энергетической безопасности до уровня, при котором они не могли игнорироваться политическими акторами, было вызвано рядом таких событий. Прежде всего сбоями поставок газа в ЕС, возникшими в результате российско-украинских газовых конфликтов 2006 и 2009 гг., а также чередой энергетических конфликтов между Россией, с одной стороны, и отдельными странами ЕС и бывшего СССР, с другой стороны. Они подробно рассмотрены в параграфе 1.3. данной работы.

2.2.2. Поток решений: идея либерализации в условиях экономической трансформации рынка

Поток решений (policy stream) Дж. Кингдон сравнивает с «первичным бульоном» (primeval soup), заимствуя термин из области биологии, а именно теории возникновения жизни на Земле А.И. Опарина. По мнению автора, также как молекулы перемещались в первичном бульоне, так и идеи государственных решений носятся в воздухе в сообществах специалистов. Некоторые из них набирают популярность, а другие постепенно забываются; идеи могут противостоять друг другу или сливаться, образуя новые комбинации из уже существующих элементов.

³⁰¹ Gas: Liberalised Markets and Security of Supply. 17th Report of Session 2003-04/ European Union Committee. House of Lords. London: The Stationery Office Limited. 2003, 24 June. P. 17-18. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld200304/ldselect/ldeucom/105/105.pdf> (Last retrieved: 28.10.2017).

³⁰² Reducing European Dependence on Russian Gas: distinguishing natural gas security from geopolitics / The Oxford Institute for Energy Studies. 2014. P. 62. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2014/10/NG-92.pdf> (Last retrieved: 10.08.2016)

В этом «первичном бульоне» или потоке решений действуют «политические предприниматели» (policy entrepreneurs). Как указывает Дж. Кингдон, политические предприниматели могут находиться как в правительственных, так и неправительственных учреждениях, исследовательских или лоббистских организациях. Их отличительной чертой является желание инвестировать собственные ресурсы: время, энергию, репутацию, а иногда и деньги в надежде на их возврат в будущем в форме принятия благоприятных политических решений, удовлетворения от участия или даже личного продвижения по карьерной лестнице³⁰³.

Дж. Кингдон обращает внимание на такую важную характеристику потока решений как фактор убеждения. Аргументированность предлагаемых решений играет значительную роль при обсуждении в сообществах специалистов. Жизнеспособные идеи удовлетворяют не только критерию обоснованности, но и ряду других, таких как техническая осуществимость, соответствие ценностным установкам, приемлемая стоимость, предполагаемое общественное согласие и наконец возможность принятия лицами, принимающими решения. Кроме того, на успешность продвижения решений влияет также фактор времени – идеям требуется время для того, чтобы укорениться и претендовать на серьезное рассмотрение³⁰⁴. В результате прохождения такого «естественного отбора» формируется несколько альтернативных решений проблемы, которые в случае соответствия условиям в двух других потоках, могут попасть на политическую повестку дня.

Возвращаясь к проблемам нашего исследования нужно отметить, что идея интеграции энергетических рынков существует в политической повестке дня практически столько же, сколько структуры ЕС. Как мы уже отметили в начале этой главы, ключевым лоббистом идеи проведения общеевропейской энергетической политики в течение десятилетий выступала Европейская комиссия. Как указывает Т. Молтби, этот институт ЕС с 1960-х гг. рассматривал суверенитет стран-членов в энергетической сфере и энергетическую зависимость ЕС в качестве проблемы и предлагал ее решение через диверсификацию поставок и наднациональное регулирование энергетических рынков. Еврокомиссия рассматривала создание общеевропейского рынка как средство повышения энергетической безопасности вследствие роста конкуренции, снижения цен и создания механизмов для смягчения сбоев импортных поставок³⁰⁵.

³⁰³ Kingdon J. W. *Agendas, Alternatives, and Public Policies*. Second Edition. Harlow: Pearson, 2014. P. 116-123.

³⁰⁴ *Ibid.* P. 127-139.

³⁰⁵ Maltby T. European Union energy policy integration: a case of European Commission policy entrepreneurship and increasing supranationalism // *Energy Policy*. 2013, April. Volume 55. P. 437, 439. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421512010798> (Last retrieved: 07.03.2016).

На наш взгляд, восприятие идеи либерализации рынка во многом было обусловлено факторами технической реализуемости и стоимости внедрения, показатели которых изменялись вместе с ситуацией на рынке. Рассмотрим влияние рыночного контекста на стоимость реструктуризации рынка подробнее.

Экономический фактор можно считать базовой предпосылкой процесса либерализации европейского рынка газа. В качестве экономического фактора мы рассматриваем изменение соотношения спроса и предложения на рынке, подверженное влиянию действий широкого спектра игроков и по этой причине имеющему тенденцию к колебаниям в краткосрочной перспективе.

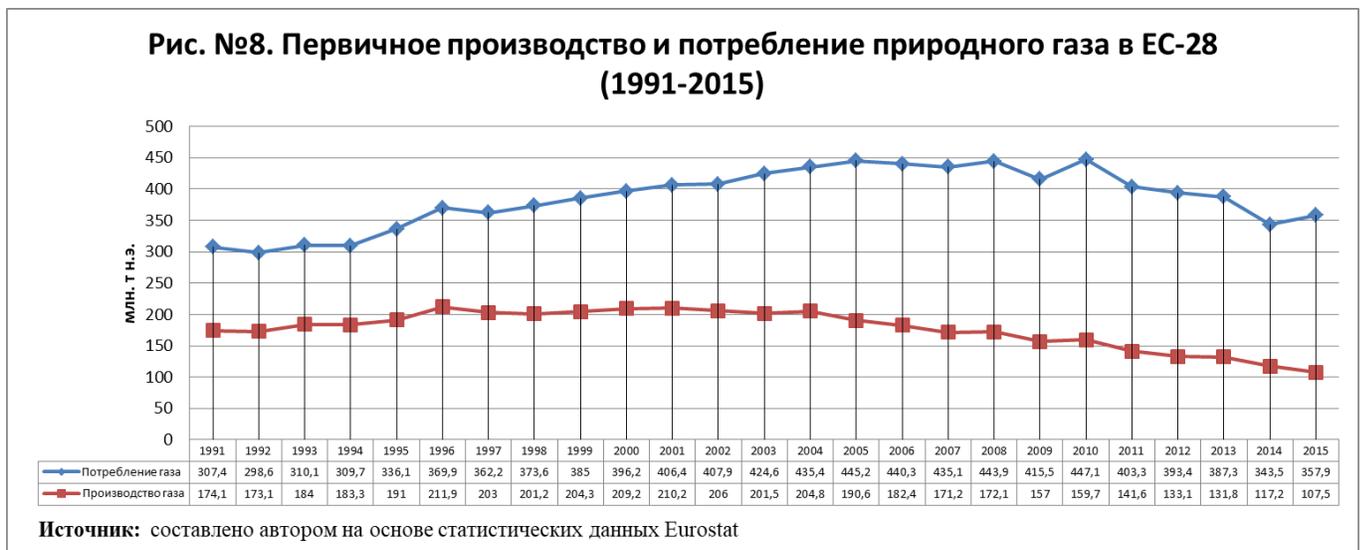
С рубежа 1990-х – 2000-х гг. цена на нефть стала расти. За период 1999 – 2008 гг. усредненная за год цена нефти по основным маркерным сортам (Brent, WTI, Dubai) выросла с 17–19 долл./баррель до 94–101 долл./баррель, т.е. более чем в пять раз³⁰⁶. Цены на нефть стали толкать вверх и привязанные к ним цены на природный газ. К примеру, цена газа на границе с Германией за указанный период выросла с 1671 евро/ТJ до 7450 евро/ТJ, т.е. в 4,5 раза (см. Рис. №7 Цена природного газа на границе с Германией).

Чем характеризовалась ситуация на стороне спроса? В середине 2000-х прогнозировался рост потребления газа, однако уже во второй половине 2000-х гг. спрос оказался в стагнирующем положении. В период 2010 – 2014 гг. объем потребления неуклонно сокращался, снизившись почти на 100 млн т н.э. или на 23% (см. Рис. №8. Первичное производство и потребление

³⁰⁶ BP Statistical Review of World Energy / BP. 2016, June. P. 14. URL: <http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf> (Last retrieved: 29.03.2016).

природного газа в ЕС-28). Это было обусловлено целым комплексом причин. Во-первых, значительную роль сыграло падение экономического роста, обусловленное экономическим кризисом, начавшимся в 2008 г. Во-вторых, большое значение имели результаты реализации так называемой «Стратегии 20-20-20», установившей в качестве целевых показателей к 2020 г. увеличение энергоэффективности на 20% (от расчетных показателей к 2020 г.), рост доли возобновляемых источников энергии до 20% в конечном энергопотреблении и снижение выбросов углекислого газа на 20%. При этом важно отметить, что рост доли возобновляемых источников энергии обеспечивался за счет вытеснения газа из электрогенерации. Низкие цены на уголь и сложности с отлаживанием функционирования системы разрешений на выбросы сделали неэкологичный уголь более конкурентоспособным по сравнению с газом.

На стороне предложения также обозначились серьезные изменения. Ключевым внутренним фактором являлось снижение собственного производства газа в странах ЕС, происходившее одновременно с падением спроса. За период 2004 – 2015 гг. газодобыча снизилась почти на 100 млн т н.э. В рассмотренный нами ранее период 2010 – 2014 гг., обозначивший наиболее значительное падение потребления, производство газа снизилось на 43 млн т н.э. Таким образом, влияние падения спроса на рынок было смягчено. По сравнению с последним снижение объемов импорта оказалось вдвое меньшим.

Одними из основных внешних факторов стали увеличение мощностей экспортных терминалов сжиженного природного газа (СПГ) в различных странах и последствия сланцевой революции. Увеличение мощностей газосжижающих терминалов были вызвано ожидаемым

долгосрочным ростом на стороне спроса, в том числе на СПГ³⁰⁷. Инвестиции были вложены до того, как прогнозы поменялись. В связи с этим запущенные проекты вынуждены были конкурировать в достаточно неблагоприятных условиях. В результате несовпадения прогнозов и реальной ситуации на европейском рынке возник избыток предложения, и возросла конкуренция поставщиков.

Поставщики СПГ стали увеличивать долю и на европейском рынке. Значительную роль в этом сыграли изменения на рынке США, произошедшие в результате сланцевой революции. Нужно отметить, что влияние изменений в США на другие региональные рынки также было усилено в результате совершенного несоответствия прогнозов реальному развитию ситуации в газодобычи. В середине 2000-х гг. предполагалось, что североамериканский рынок станет одним из крупнейших импортеров природного газа. Энергетические компании заранее разрабатывали проекты и строили заводы. В США создавались регазификационные заводы, Катар строил газосжижающие терминалы, а «Газпром» изучал возможности реализации Штокмановского проекта. Однако комбинация целого ряда причин экономического, технологического и правового характера³⁰⁸ привела к революции в области добычи газа и нефти из сланцев. Среди них обычно особо выделяют технологический компонент: удешевление технологий горизонтального бурения и гидроразрыва сланцев, а также применение трехмерной сейсморазведки. Сланцевая революция вместе с последствиями экономического кризиса кардинально изменили положение дел. В 2009 г. среднегодовые цены на рынке США (Henry Hub) снизились до 3,9 долл./ ММВТУ по сравнению с 8,9 долл./ ММВТУ в 2008 г.³⁰⁹ Поставщики СПГ на рынок США оказались вынуждены перенаправить СПГ-танкеры в другие регионы.

Наиболее значительные изменения на европейском рынке внесло прибытие дополнительных объемов катарского газа, объемы потребления которого увеличились с 7,9 млрд куб. м в 2008 г. до 40 млрд куб. м. в 2011 г. (см. Приложение №1). В указанный период наиболее значительный спад испытал российский экспорт в Европу, сократившись со 133 млрд куб. м. в 2008 г. до 113,8 млрд куб. м. в 2009 г. Импорт газа из Нигерии в 2009 г. также существенно сократился. Объемы поставок уменьшились почти вдвое, до 7,7 млрд куб. м., по сравнению с 13,2 млрд куб. м. в 2008 г.; но в 2010 г. поставки из Нигерии уже превысили результаты 2008 г.

³⁰⁷ См. к примеру: Томберг И.Р. Мировой рынок газа // Мировая энергетика в условиях глобализации: вызовы для России. Научный руководитель академик Н.А. Симония. М.: ИМЭМО РАН, 2007. С. 66-67.

³⁰⁸ См. к примеру: Жуков С.В., Резникова О.Б., Сейфулмулюков И.А. «Революция неконвенциональных углеводородов»: влияние на рынки нефти и природного газа // Глобальная перестройка / отв. ред. акад. А.А. Дынкин, акад. Н.И. Иванова / ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2014. С. 148.

³⁰⁹ BP Statistical Review of World Energy / BP. 2016, June. P. 27.

Ситуация же для российского экспорта была сложнее, хотя она тем не менее постепенно смягчалась в результате появления в Азии в период 2010 – 2014 гг. премиального рынка³¹⁰ и постепенного перенаправления газа из Катара в восточном направлении.

Комбинация факторов спроса и предложения создала переизбыток газа на рынке, который в свою очередь усилил переговорные позиции потребителей. И последние получили возможность изменять структуру рынка в свою пользу. Влияние структуры рынка на цену энергоносителей подробно рассматривается в работах А.А. Конопляника. По мнению исследователя, классическая экономическая теория, определяющая цену в точке пересечения кривых спроса и предложения, предлагает справедливую оценку лишь для продуктов обрабатывающей промышленности. Для определения цены на невозобновляемые природные ресурсы должны быть учтены естественные ограничения, которые накладывает фактор неравномерности размещения природных ресурсов по земному шару.

Влияние указанного фактора приводит к тому, что объемы предложения на рынке энергоресурсов ограничиваются уровнем развития производственных мощностей по добыче в каждой из стран-экспортеров. Вследствие этого цена на природные ресурсы оказывается в точке пересечения кривых спроса и предложения лишь в ситуации, когда спрос не превышает уровень производственных мощностей³¹¹. Когда доступные мощности превышают спрос, производители вынуждены конкурировать между собой и снижать цены. В таких условиях они могут извлечь лишь ренту Рикардо, рассчитываемую как прибыль поверх понесенных издержек. На наш взгляд, здесь также необходимо отдельно отметить возможности государственного регулирования объема производства, позволяющий выделять отдельные мощности в качестве резервных. В качестве примера подобной политики можно привести функционирование ОПЕК до 1985 г., когда Саудовская Аравия играла роль компенсирующего производителя (swing-producer)³¹².

В ситуации, когда спрос на рынке превышает уровень доступных производственных мощностей, возникает возможность для получения дополнительной выгоды государствами-экспортерами через извлечение ренты Хотеллинга. Особенность данной ситуации заключается в

³¹⁰ См. BP Statistical Review of World Energy / BP. 2016, June. P. 27.

³¹¹ Конопляник А.А. Эволюция ценообразования на газ в континентальной Европе. Часть 1: Гронингенская модель долгосрочного экспортного газового контракта как основа формирования европейской системы газоснабжения // Газовый бизнес. 2009, январь-февраль. С. 63. URL: http://www.konoplyanik.ru/ru/publications/articles/432_Cenoobrazovanie_na_gaz_v_kontinentalnoj_Evrope.pdf (Дата обращения: 06.04.2017).

³¹² См. подробнее: Putting a price on energy. Oil Pricing Update / Energy Charter Secretariat. 2011. P. 11. URL: http://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Thematic/Oil_Pricing_2011_en.pdf (Last retrieved: 20.04.2016).

том, что на рынке энергии возникает конкуренция между различными видами энергоносителей. В условиях Гронингенской системы ценообразования на европейском рынке, которую мы рассмотрим подробнее в следующей главе, уровень цен на различные виды энергоносителей является определяющим для установления верхней планки цены на газ.

Применяя эту концепцию к ситуации переизбытка газа на европейском рынке, мы видим, что прежде Гронингенская модель ценообразования позволяла государствам-экспортерам максимизировать объем извлечения природной ренты, и в дополнение к ренте Рикардо получать также ренту Хотеллинга. В условиях же переизбытка газа на рынке производители оказались вынуждены конкурировать между собой и снижать цены, что укрепило тенденцию к либерализации рынка. Этот процесс мы рассмотрим на примере изменения цен российского газа, который подробно изучается в 3-ей главе. В ней мы покажем, как Россия и «Газпром» оказались вынуждены постепенно адаптировать цену в контрактах к котировкам газовых хабов. Кроме того, ситуация переизбытка газа на рынке подтверждается постепенным снижением использования нефтяной привязки в контрактах и увеличением использования в контрактах цены, основанной на межгазовой конкуренции.

Итак, рассматривая роль потока решений для активизации либерализации европейского рынка, мы приходим к выводу, что изменение соотношения спроса и предложения на рынке значительно способствовало имплементации идеи либерализации. В условиях переизбытка газа на рынке ее техническая реализуемость росла, а стоимость внедрения падала, что соответственно, способствовало росту ее привлекательности.

2.2.3. Политический поток: изменения в позициях ключевых политических акторов

Политический поток в модели Кингдона состоит из таких элементов как общественные настроения, влияния организованных политических сил, изменения в высшем политическом руководстве. Кингдон отмечает, что в течение большей части времени баланс организованных политических сил препятствует какому-либо изменению политического курса в принципе. Среди причин, способствующих сохранению status quo можно назвать, во-первых, влияние групп давления, получающих выгоду от проводимого политического курса, во-вторых, стремление различных политических сил защитить свои интересы или сферы влияния в случае изменений, что обуславливает сложность переговорного процесса. Последняя причина очень значима, поскольку в отличие от акцента на убеждении, характерного для потока решений, изменения в политическом потоке больше основаны именно на переговорах. В свою очередь создание коалиций

политических сил основывается на взаимных уступках, а также может быть обусловлено страхом игроков быть лишенными возможности пользования плодами победы в случае успеха коалиции³¹³.

При рассмотрении вопроса о либерализации газового рынка ЕС нам необходимо учитывать особенности распределения сил в энергетической сфере в ЕС. Помимо сложной совокупности политических элит государств-членов ЕС, необходимо также учитывать политические институты наднациональных структур Европейского союза. Наиболее заметными представителями класса организованных групп давления являются энергетические компании, крупный бизнес в областях, связанных с энергопотреблением (электроэнергетика, нефтехимия, транспорт). Относительно новыми игроками, созданными уже в процессе либерализации энергетического рынка, являются национальные энергетические регуляторы и операторы систем транспортировки. Обозначенные акторы формируют очень комплексную систему «политического потока», отличающуюся большей сложностью по сравнению с той, которая была описана в работе Кингдона. Вследствие этого факта, а также особенностей поставленных в работе целей и задач, внутри обширной тематики политического потока мы отметим лишь те изменения позиций ключевых игроков, которые на наш взгляд, в наибольшей степени способствовали активизации либерализации рынка.

Во-первых, старые члены ЕС, например Великобритания, перестали блокировать предложение Еврокомиссии и сами поддержали либерализацию. Изменения в политике Великобритании произошли в результате изменения ее собственного энергетического статуса. Страна превратилась из экспортера в импортера энергоресурсов.

Во-вторых, фактор обеспокоенности новых членов ЕС, в основном стран Центральной и Восточной Европы относительно зависимости от России. По мнению Т. Молтби, проведению политики Еврокомиссии вероятно способствовало само по себе расширение ЕС в 2004 и 2007 гг. Исследователь связывает это с тем, что новые страны-члены имели большую зависимость от российских поставок и, кроме того, исторически обусловленную подозрительность по отношению к российской внешней и энергетической политике³¹⁴. О. Геден (Oliver Geden) и С. Фишер (Severin Fischer) также отмечают, что страны Восточной Европы могли поддержать либерализацию европейских энергетических рынков, рассчитывая на снижение зависимости от поставок российского газа. Эти авторы также предполагают возможность заключения сделки между западноевропейскими и восточноевропейскими странами, в соответствии с которой

³¹³ Kingdon J. W. *Agendas, Alternatives, and Public Policies*. Second Edition. Harlow: Pearson, 2014. P. 145-164.

³¹⁴ Maltby T. European Union energy policy integration: a case of European Commission policy entrepreneurship and increasing supranationalism // *Energy Policy*. 2013, April. Volume 55. P. 436. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421512010798>.

восточноевропейские страны идут на уступки в области экологического регулирования, а западноевропейские страны в энергетическом секторе³¹⁵.

Однако существует и иная точка зрения. Э. Бручин (Elina Brutschin) доказывает, что само по себе включение в состав ЕС новых членов в 2004 и 2007 гг. не может считаться фактором, способствовавшим либерализации, вследствие различия интересов новых стран-членов. Исследователь указывает, что схожее восприятие ряда событий в энергетической сфере этими государствами обусловило то, что либерализация газового рынка стала рассматриваться в качестве решения проблем энергетической безопасности³¹⁶. Кроме того, укрепление позиций Еврокомиссии можно связать с тем, что многие новые члены были слабыми в политическом плане. И в рамках взаимовыгодного взаимодействия с небольшими новыми государствами-членами, Еврокомиссия получила возможность значительно усилить продвигаемые ей решения.

В-третьих, появление новых игроков в результате организационно-правового разделения компаний, создания национальных энергетических регуляторов и общеевропейских агентств (Агентства по взаимодействию энергетических регуляторов (ACER) и Европейской сети системных и транспортных операторов (ENTSOG)). Наличием требований по разделению бизнеса компаний «европейских чемпионов» и обеспечению доступа третьей стороны характеризуются все три газовых директивы. Новое правовое регулирование создало возможность выбора конечными потребителями поставщиков, что привело к увеличению конкуренции и усилению давления на последних в вопросах цены. Рост конкуренции на рынке конечного потребителя привел к серьезным изменениям в отрасли и структуре цепочки поставок.

Газовые компании, традиционно занимающие доминирующее положение на рынке, столкнулись с новыми конкурентами в виде электроэнергетических компаний. На рынке энергетики и смежных энергетических отраслях, начался процесс слияний и поглощений, в котором нефтегазовые и электроэнергетические компании стремились к горизонтальной интеграции³¹⁷. Дж. Стерн (Jonathan Stern) и Г. Роджерс (Howard Rogers) отмечают, что в сегменте продаж конечному потребителю газовым компаниям конкурировать с ними было сложно

³¹⁵ Цит. по: Brutschin E. Shaping the EU's Energy Policy Agenda: The Role of Eastern European Countries // Energy Policy Making in the EU. Building the Agenda / edited by Tosun J., Biesenbender S., Schulze K. Springer, 2015. P. 188. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-1-4471-6645-0.pdf> (Last retrieved: 22.06.2017).

³¹⁶ Brutschin E. Shaping the EU's Energy Policy Agenda: The Role of Eastern European Countries // Energy Policy Making in the EU. Building the Agenda / edited by Tosun J., Biesenbender S., Schulze K. Springer, 2015. P. 198-202. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-1-4471-6645-0.pdf> (Last retrieved: 22.06.2017).

³¹⁷ Варнавский В.Г. Сдвиги на энергетических рынках Европы: Ожидания и реальность // Мировая энергетика в условиях глобализации: вызовы для России. Научный руководитель академик Н.А. Симония. М.: ИМЭМО РАН, 2007. С. 149-151.

вследствие различия в размерах бизнеса, а сегмент транспортировки газа оказывался в новых условиях низкоприбыльным³¹⁸. По мнению исследователей, электроэнергетические компании имели преимущество. В результате газовые компании стали подразделениями в крупном электроэнергетическом бизнесе. В ходе последующей смены менеджеров высшего звена на руководящие посты пришли люди с иным менталитетом, привыкшие к атмосфере конкурентного рынка и не стремящиеся к поддержке двусторонних отношений с поставщиками. Традиционная модель газового рынка, базирующаяся на принципах привязки к ценам на нефть и долгосрочных контрактах, потеряла поддержку в среде крупного бизнеса³¹⁹.

Рассмотрев политический поток как изменение позиций основных политических игроков – государств и энергетических компаний, мы приходим к выводу о том, что динамика этого потока изменилась в пользу либерализации европейского рынка. При этом нужно отметить, что позицию основных игроков иногда можно охарактеризовать как непоследовательную, что было обусловлено стремлением максимально защитить национальные интересы. Так, несмотря на поддержку либерализации со стороны некоторых крупнейших стран-членов ЕС, процесс изменений в отрасли характеризовался активной защитой национальных чемпионов со стороны этих государств. Н.Ю. Кавешников оценивает эту политику как «откровенно протекционистскую», приводя в качестве примера Германию и Францию (в 2003 г. Правительство ФРГ разрешило слияние E.ON и Ruhrgas, в 2008 г. объединены французская GDF и франко-бельгийская Suez³²⁰). Из-за этого процесс либерализации носил отчасти противоречивый характер.

Наконец, по мере продвижения процесса либерализации стала проявляться роль самой крупной, но до определенной поры маловлияющей группы игроков – конечных потребителей. Регулирование доступа третьей стороны к трубопроводам и ужесточение разделения собственности предоставили в дополнение к номинальному праву реальную возможность для конечных потребителей выбирать поставщиков. Потребители, требуя меньшие цены, оказали давление на компании, занимающиеся сбытом природного газа, а те, в свою очередь на производителей. В условиях переизбытка природного газа и растущей ликвидности газовых хабов, компании-производители были вынуждены согласиться на пересмотр контрактов. Более подробно

³¹⁸ Stern J., Rogers H. The transition to hub-based gas pricing in continental Europe // The pricing of internationally traded gas / edited by Jonathan Stern; contributors Christopher Allsopp ... [et al.] NY: Oxford University Press for the Oxford Institute for Energy Studies, 2012. P. 158-159.

³¹⁹ Там же.

³²⁰ Кавешников Н.Ю. Энергетические аспекты // Безопасность Европы / Под ред. В.В. Журкина – М.: Издательство «Весь Мир», 2011. С. 503.

ситуацию, в которой оказались компании-производители, мы рассмотрим на примере компании «Газпром» в 3-ей главе.

2.2.4. Политическое предпринимательство Европейской комиссии

Описывая модель множественных потоков, Кингдон указывает, что соединение всех трех компонентов: потока проблем, потока решений и политического потока имеет ключевое значение для того, чтобы проблема вошла в политическую повестку дня. В свою очередь их объединение наиболее вероятно в момент открытия окна возможностей. Появление таких периодов времени обуславливается либо возникновением значительных сложностей (в потоке проблем), либо изменениями в расстановке политических сил (в политическом потоке)³²¹.

Однако подобное замечание не дает основания полагать, что поток решений имеет меньшее значение по сравнению с двумя другими потоками. Дж. Кингдон отмечает, что не всегда взаимосвязь между проблемой и решением является линейной и представляет собой классическую ситуацию, когда осознание каких-либо сложностей ведет к поиску их решения. Возможна обратная взаимосвязь, когда уже разработанные решения обуславливают стремление найти подходящие для их применения проблемы или же события, увеличивающие вероятность их использования³²². Именно эта особенность, на наш взгляд, значительно усиливает роль фактора политического предпринимательства, и обуславливает внимание к вопросу о роли Еврокомиссии в интерпретации кризисов 2006 и 2009 гг.

Роль политических предпринимателей, по мнению Кингдона, принципиально важна по двум причинам. Первоначально в потоке решений они продвигают поддерживаемую ими идею в число наиболее серьезно рассматриваемых альтернатив. Затем при открытии окна возможностей они предпринимают действия для объединения всех трех потоков: предлагая решения для возникающих проблем и увязывая эти комбинации с особенностями текущей ситуации на политическом поле.

В работе Дж. Кингдона упоминаются несколько качеств успешного политического предпринимателя. Во-первых, это способность быть услышанным, которая обуславливается А) экспертной компетенцией, Б) возможностью выступать от лица групп людей, В) должностью, предполагающей принятие окончательных решений. Во-вторых, известность человека благодаря обладанию политическими связями или способностями переговорщика. И, в-третьих, желание

³²¹ Kingdon J. W. *Agendas, Alternatives, and Public Policies*. Second Edition. Harlow: Pearson, 2014. P. 194-195.

³²² *Ibid.* P. 172.

вкладывать собственные ресурсы³²³. Без деятельности политических предпринимателей окна возможностей могут закрываться, так и не приводя к изменениям политического курса. Роль политического предпринимателя подтверждается автором на основе статистики рассмотренных им в работе примеров изменения политического курса. В 15-и из 23-х рассмотренных случаев роль политического предпринимателя была оценена автором как высокая или достаточно высокая. И лишь в трех случаях их значение было оценено невысоко³²⁴.

Анализируя концепцию множественных потоков, Р. Акрил (Robert Ackrill), А. Кай (Adrian Kay) и Н. Захариадис (Nikolaos Zahariadis) отмечают, что остается ряд вопросов, не рассмотренных Кингдоном. Что, к примеру, оказывает большее влияние на выбор конкретного решения из всех имеющихся альтернатив? Какие-либо особенности окна возможностей, к примеру, степень сложности проблемы, или все же деятельность политических предпринимателей? Вслед за Кингдоном исследователи подчеркивают, что изменения политического курса могут происходить вследствие слияния потока решений и политического потока, объединение которых обуславливает поиск вопросов в потоке проблем, позволяющих легитимизировать проведение уже выбранного политического курса³²⁵. Эти соображения дают возможность предполагать, что роль Европейской комиссии для российско-украинских кризисов может быть недооценена.

Существование еще одного важного вопроса, не получившего достаточного освещения, обуславливается тем, что зачастую успешное политическое предпринимательство ассоциируется с фактом проведения некой реформы. Р. Акрил (Robert Ackrill), А. Кай (Adrian Kay) и Н. Захариадис (Nikolaos Zahariadis) обращают внимание на то, что политическое предпринимательство напротив может быть направлено на сохранение status quo. В связи с этим феномен «политического предпринимательства» скорее следует характеризовать с учетом предпринятых действий в определенном контексте. Таким образом, «политическое предпринимательство» является не постоянной характеристикой политических акторов, а скорее ситуационной, относящейся к их действиям в определенных ситуациях³²⁶.

В научной литературе концепт политического предпринимательства неоднократно применялся по отношению к Европейской комиссии, и также подчеркивалась ее роль для принятия законодательных документов энергетических пакетов. Многие исследователи, как

³²³ Kingdon J. W. *Agendas, Alternatives, and Public Policies*. Second Edition. Harlow: Pearson, 2014. P. 180-182.

³²⁴ Ibid. P. 180.

³²⁵ Ackrill R., Kay A., Zahariadis N. Ambiguity, multiple streams, and EU policy // *Journal of European Public Policy*. 2013, Volume 20, № 6. P. 879-881. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2013.781824> (Last retrieved: 05.02.2018).

³²⁶ Ibid. P. 882.

указывает Э. Бручин, соглашаются с тем, что политическое предпринимательство Еврокомиссии было одним из ключевых факторов роста проблем либерализации энергетических рынков в повестке дня и их дальнейшей имплементации в законодательство³²⁷. По мнению С. Принсена (Sebastiaan Princen), «в отношении развития компетенций Европейская комиссия выступает как главный институт бюрократической системы на уровне ЕС. Во многих областях политики именно Европейская комиссия выдвигает предложения, и в случае их одобрения, осуществляет контроль за имплементацией. Правительства государств-членов могут повлиять на ее работу, назначая экспертов – представителей своих стран для работы над вопросом»³²⁸.

Возникновение широкого окна возможностей для дальнейшей либерализации газового рынка, на наш взгляд, обуславливалось тем, что в середине-второй половине 2000-х гг. изменения произошли во всех трех потоках. Возможности для активизации процесса либерализации рынка одновременно создавали изменения позиций ряда государств-членов, кризисы 2006 и 2009 гг., интерпретированные в качестве подтверждения энергетической уязвимости ЕС, а также создание ситуации переизбытка газа на рынке. Европейская комиссия выступила главным лоббистом дальнейшего развития процесса либерализации рынка. Т. Молтби, к примеру, указывает, что уже с января 2006 г. Еврокомиссия проявила особенную активность в продвижении либерализации как решения проблем энергетической безопасности³²⁹. С. Хагиги (Sanam S. Haghighi) также подчеркивает, что после российско-украинского кризиса 2006 г. активизировалась деятельность ЕС по решению проблем энергетической безопасности: «на встречах различного уровня Еврокомиссия проводила обсуждения внешней политики ЕС, нацеленной на обеспечение безопасности энергетических поставок. В частности впервые Комиссар по внешним сношениям и Комиссар по энергетике в ноябре 2006 г. подчеркнули, что укрепление взаимодействия в области внешних сношений, выступление с единых позиций, а также расширение европейского энергетического рынка за пределы ЕС напрямую отвечает интересам Евросоюза»³³⁰.

³²⁷ Brutschin E. Shaping the EU's Energy Policy Agenda: The Role of Eastern European Countries // Energy Policy Making in the EU. Building the Agenda / edited by Tosun J., Biesenbender S., Schulze K. Springer, 2015. P. 188. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-1-4471-6645-0.pdf> (Last retrieved: 22.06.2017).

³²⁸ Princen S. Agenda-setting strategies in EU policy processes // Journal of European Public Policy. 2011. Vol. 18, Issue 7. P. 935. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2011.599960> (Last retrieved: 04.04.2018).

³²⁹ Maltby T. European Union energy policy integration: a case of European Commission policy entrepreneurship and increasing supranationalism // Energy Policy. 2013, April. Volume 55. P. 437. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421512010798> (Last retrieved: 07.03.2016).

³³⁰ Haghighi S. Energy Security. The External Legal Relations of the European Union with Major Oil and Gas Supplying Countries. Oxford and Portland: Hart Publishing. 2007. P. 63-64.

ВЫВОДЫ ко 2-ой главе

В этой главе мы показали, что Европейская комиссия на протяжении нескольких десятилетий предпринимала попытки обеспечить проведение единой европейской энергетической политики и либерализации рынков. Однако либерализация была запущена гораздо позже – в 1990 – 2000-е гг. В этом процессе наблюдались два этапа активизации: принятие 1-ой газовой директивы в 1998 г. ознаменовало начало либерализации рынка, а в 2009 г. 3-ья газовая директива значительно усилила прогресс, установив требование разделения монополий и внедрив ряд других инструментов либерализации.

Второй этап активизации во второй половине 2000-х гг. был обусловлен группой различных факторов. Применяв концепцию множественных потоков к их изучению, мы показали, что во второй половине 2000-х гг. открылось окно возможностей, обусловленное факторами в потоке проблем (актуализация вопросов энергетической безопасности), потоке решений (изменении баланса спроса и предложения на рынке) и политическом потоке (поддержка либерализации со стороны многих крупных игроков). Этим окном возможностей воспользовалась Европейская комиссия, способствуя восприятию либерализации как решению проблем энергетической безопасности.

Изменение роли проблем энергетической безопасности, которое проявилось как в росте значения этих проблем среди других вопросов, так и в изменении понимания их сути, являлось одним из важнейших факторов либерализации. Соответственно, так же высоко можно оценить влияние активизации внешней энергетической политики России, которую на основании выводов, сделанных в 1-ой главе, можно считать одним из существенных факторов актуализации проблематики энергетической безопасности для ЕС.

Использованная нами для анализа концепция множественных потоков Дж. Кингдона, как впрочем все научные теории в принципе, имеет свои возможности и ограничения. Сам автор концепции заявляет, что «окно возможностей открывается в результате действия некоторых факторов, находящихся за пределами влияния отдельного политического предпринимателя, однако именно конкретный политический предприниматель использует эту возможность. Кроме констатации того, что отдельные акторы имеют значение, это утверждение предлагает объяснение – почему и при каких условиях политические предприниматели, действительно, имеют значение»³³¹. Подробно проанализировавшие концепцию Дж. Кингдона Р. Акрил (Robert Ackrill),

³³¹ Kingdon J. W. *Agendas, Alternatives, and Public Policies*. Second Edition. Harlow: Pearson, 2014. P. 182.

А. Кай (Adrian Kay) и Н. Захариадис (Nikolaos Zahariadis) отмечают, что «концепция множественных потоков предполагает включение в объяснение фактора случайности, поэтому она не позволяет предсказывать, какие именно события или результаты произойдут. Однако она позволяет делать предположения о том, почему вероятность одних событий выше, чем других»³³².

Основываясь на указанных утверждениях, мы считаем, что продолжение процесса либерализации имело объективные предпосылки, и по всей видимости, было вопросом времени после принятия 1-й и 2-ой газовых директив. Однако использование Европейской комиссией открывшегося окна возможностей, обусловленного комбинацией различных факторов, активизировало этот процесс. Таким образом, на наш взгляд, более осмотрительное проведение российской внешней энергетической политики могло замедлить процесс либерализации на европейском рынке, рассматривающийся в качестве угрозы российским интересам.

³³² Ackrill R., Kay A., Zahariadis N. Ambiguity, multiple streams, and EU policy // Journal of European Public Policy. 2013, Volume 20, № 6. P. 883. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2013.781824> (Last retrieved: 05.02.2018)

ГЛАВА 3. Трансформация системы ценообразования и ее роль для внешней энергетической политики России

Вопрос о трансформации системы ценообразования на европейском газовом рынке затрагивается многими исследователями. Определяющим фактором большинство исследователей считают изменения на самом европейском рынке. К изменениям в данном случае необходимо подходить комплексно, рассматривая как область экономики, так и сферу политико-правового регулирования. В свою очередь, как мы показали ранее, одним из ключевых факторов для трансформации политико-правового регулирования европейского рынка можно считать восприятие энергетической безопасности.

Основываясь на проведенном нами анализе и выводах, сделанных другими исследователями, мы считаем, что на трансформацию системы ценообразования повлияли три ключевых фактора:

- экономический фактор: изменение баланса спроса и предложения на европейском рынке,
- политико-правовой или регулятивный фактор: изменение юридических норм, регулирующих взаимодействие различных игроков на газовом рынке ЕС,
- коммерческий фактор: конкретные характеристики контрактных обязательств коммерческих компаний и особенности проведения арбитража в случае появления разногласий между ними.

Влияние всех трех названных факторов мы рассматриваем на примере ценообразования на российский газ. Изменение спроса и предложения на европейском рынке привело к переизбытку газа и привело к изменению баланса сил в пользу покупателя. Увеличившаяся конкуренция между компаниями-производителями снизила издержки либерализации рынка и укрепила поддержку идеи либерализации рынка. Изучая влияние политико-правового фактора, мы должны отметить, что нормы 3-го энергопакета (такие как регулирование доступа 3-ей стороны или ужесточение разделения собственности) не оказали непосредственного влияния на изменение системы ценообразования в контрактах «Газпрома», поскольку система ценообразования 3-ей газовой директивой не затрагивается. Однако 3-ья директива обуславливает активизацию процесса либерализации рынка, заключающуюся в появлении новых игроков и новых правил поведения. В результате этого «Газпром» оказался перед выбором: или потерять рынок, или согласиться на уступки. Таким образом, мы делаем вывод, что правовое регулирование повлияло на контрагентов «Газпрома» (поскольку рост конкуренции делал существующие условия контрактов

невыгодными), а контрагенты «Газпрома» уже непосредственно на российскую компанию через арбитражи или путем обычных переговоров. В итоге мы видим постепенный рост числа пересмотров условий контрактов с 2009 г.

В этой главе мы сравним то, как в российской энергетической стратегии отражалось восприятие европейского рынка и какие цели и задачи ставились перед российской внешней энергетической политикой в 2000-е гг. с тем, как фактически изменились возможности реализации энергетической стратегии России к середине 2010-х гг. Мы проанализируем причины этих изменений и покажем, какую роль в них играла трансформация системы ценообразования на европейском рынке.

3.1. Цели и задачи внешней энергетической политики России

Основным документом, определяющим российскую энергетическую политику, является «Энергетическая стратегия России». Мы придерживаемся мнения, что реальный политический курс в области энергетики как совокупность различных предпринимаемых государственными институтами и государственными компаниями мер является очень сложным явлением и может выходить за рамки целей и задач, прописанных в этом документе. Однако для решения поставленных нами проблем мы операционализируем российскую энергетическую политику через те цели и задачи, которые прописаны в «Энергетической стратегии России».

В рассматриваемый нами период 2006 – 2016 гг. энергетическую политику России регулировали две редакции этого документа: Энергетическая стратегия России до 2020 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 августа 2003 г. и Энергетическая стратегия России до 2030 г., утвержденная распоряжением Правительства 13 ноября 2009 г. Стратегия до 2030 г. обладает значительной преемственностью в отношении редакции 2003 г. Мы сфокусируем наше внимание на характеристиках основных положений Стратегии до 2030 г., поскольку именно этот документ определял приоритеты российской внешней энергетической политики в течение большей части рассматриваемого в нашем исследовании периода времени. Тем не менее мы также отметим ключевые отличия двух редакций для демонстрации динамики произошедших изменений.

Рассмотрим сначала цели и приоритеты российского государства. Энергетическая стратегия до 2030 г. определяет в качестве цели энергетической политики России «максимально эффективное использование природных энергетических ресурсов и потенциала энергетического сектора для устойчивого роста экономики, повышения качества жизни населения страны и содействия укреплению ее внешнеэкономических позиций»³³³. Эта формулировка осталась практически неизменной по сравнению с определением Энергетической стратегии до 2020 г., за исключением появившегося упоминания о необходимости содействия укреплению внешнеэкономических позиций страны.

Предлагаемая в рамках данной стратегии «модель поэтапного перспективного развития энергетического сектора» предполагает выполнение достаточно амбициозной цели – сокращения разрыва между Россией и ведущими странами мира по уровню благосостояния. В качестве механизма ее достижения предлагается перевод российского ТЭК на инновационные рельсы, с тем

³³³ Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. 2009, 13 ноября. Раздел I. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (Дата обращения: 15.05.2017).

чтобы создать условия для структурной диверсификации экономики страны и ее инновационного развития. Одним из результатов реализации стратегии должно стать «снижение зависимости российской экономики от энергетического сектора» за счет повышения энергоэффективности³³⁴.

Одним из стратегических ориентиров долгосрочной государственной энергетической политики признается энергетическая безопасность. Под этим термином понимается «состояние защищенности страны, ее граждан, общества, государства, экономики от угроз надежному топливно- и энергообеспечению. Эти угрозы определяются как внешними (геополитическими, макроэкономическими, конъюнктурными) факторами, так и собственно состоянием и функционированием энергетического сектора страны»³³⁵. Трактовка этого ключевого понятия осталась без изменений в обоих документах. Она представляется достаточно узкой, однако из текста документа становится ясно, что в ней учитывается роль страны как экспортера энергетических ресурсов и важнейшее значение экспорта в формировании бюджетных поступлений.

Обе редакции Энергетической стратегии подчеркивают особое значение европейского энергетического рынка для России. Предполагается, что наряду с энергетическим рынком стран СНГ он должен остаться основным рынком сбыта российских энергоносителей. В редакции до 2009 г. отдельно подчеркивается роль России как доминирующего поставщика на европейском газовом рынке³³⁶. Несмотря на признание важности роли России для европейских стран в Энергетической стратегии до 2030 г., именно в этом документе появляется акцент на рисках высокой зависимости от Европы. В редакции 2003 г. эти проблемы упоминаются вскользь, а редакция 2009 г. указывает, что задача диверсификации товарной структуры и направлений российского экспорта имеет целью не только «увеличить доходность и эффективность международной деятельности российских топливно-энергетических компаний без существенного увеличения объемов экспорта первичных энергоносителей», но и «позволит снизить риск монозависимости российского энергетического сектора от экспорта энергоносителей в Европу»³³⁷.

Указанные в энергетической стратегии цели и приоритеты, а также вызовы и угрозы касаются как внутреннего, так и внешнего измерения энергетической политики страны. Внешнеполитическим интересам страны в данном документе уделяется значительное внимание. Стратегия указывает, что долгосрочной целью внешней энергетической политики является

³³⁴ Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. Раздел III.

³³⁵ Энергетическая стратегия России на период до 2020 года. Раздел IV, Параграф 1.

³³⁶ Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. Раздел IV, Параграф 2.

³³⁷ Там же.

«максимально эффективное использование энергетического потенциала России для полноценной интеграции в мировой энергетический рынок, укрепления позиций на нем и получения наибольшей выгоды для национальной экономики»³³⁸.

Поставленная в данной главе цель – оценить влияние трансформации системы ценообразования на внешнюю энергетическую политику России – распадается, таким образом, на несколько взаимосвязанных между собой задач соответственно перечисленным в формулировке цели внешней энергетической политики. Мы будем решать их применительно к одной из составляющих мирового энергетического рынка – европейскому газовому рынку, выбрав более узкую трактовку и оставив за рамками данной работы вопрос о влиянии трансформации системы ценообразования на возможности России на мировом энергетическом рынке в целом. В последующих параграфах этой главы мы проанализируем, как именно трансформация газового рынка ЕС повлияла на укрепление российских позиций и возможность максимизации выгоды для национальной экономики.

Поддержка государством национальных энергетических компаний постоянно подчеркивается в Энергетической стратегии. Однако сравнение двух редакций энергетической стратегии показывает, что позиция государства в этом вопросе претерпела определенную эволюцию в период 2003 – 2009 гг.

Энергетическая стратегия до 2020 г. указывает, что одной из целей внешней энергетической политики является «установление недискриминационного режима внешнеэкономической деятельности в энергетическом секторе, доступность для российских энергетических компаний зарубежных рынков энергоресурсов, финансовых рынков, передовых энергетических технологий»³³⁹. Какую же поддержку готово предоставить государство национальным энергетическим компаниям? В документе 2003 г. декларируется готовность, во-первых, «*поощрять* (выделено автором) участие российских акционерных обществ и компаний в разработке и реализации крупномасштабных международных проектов транспорта газа, нефти и электроэнергии как в западном, так и в восточном направлениях», во-вторых, оказать дипломатическую поддержку интересов компаний за рубежом. Для обеспечения внешнеполитической поддержки компаний в стратегии указывается необходимость создания

³³⁸ Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. Раздел V, Параграф 9.

³³⁹ Энергетическая стратегия России на период до 2020 года. Раздел IV, Параграф 7.

«межведомственной комиссии и повышение эффективности работы созданных органов управления ТЭК в рамках Содружества Независимых Государств и Союзного государства»³⁴⁰.

В Энергетической стратегии до 2030 г. поддержка национальных компаний со стороны государства выражается значительно более определенно. В качестве одного из принципов долгосрочной государственной политики декларируется «заинтересованность в создании сильных и устойчиво развивающихся энергетических компаний, достойно представляющих Россию на внешних рынках и способствующих успешному функционированию конкурентных внутренних рынков»³⁴¹. Для достижения целей внешней энергетической политики подчеркивается необходимость решения задач по «укреплению позиций ведущих российских энергетических компаний за рубежом», «содействию обеспечению благоприятного и недискриминационного режима деятельности отечественных энергетических и сервисных компаний (а также иностранных компаний с долевым участием российских лиц) на мировых рынках, включая их доступ к зарубежным рынкам энергоресурсов и рынкам конечного энергопотребления», «обеспечению доступа российских энергетических компаний к использованию ресурсов мировых финансовых рынков, передовых энергетических технологий»³⁴². Так же как и в предыдущей редакции Энергетической стратегии в документе 2009 г. указывается, что реализация упомянутых задач «осуществляется с использованием дипломатической поддержки интересов российских топливно-энергетических компаний за рубежом»³⁴³.

В стратегии прогнозируется изменение роли государства в поддержке энергетических компаний на разных этапах реализации энергетической стратегии. В рамках первого этапа, характеризующемся в качестве этапа выхода из кризиса и предположительно продолжающего до 2013-2015 гг., ожидается укрепление роли государства в энергетике. В условиях нестабильности развития мировых энергетических рынков и с целью скорейшего преодоления кризисных явлений государство видит свою роль в «предоставлении бизнесу государственных гарантий под реализацию приоритетных долгосрочных инвестиционных проектов, поддержке финансово-экономической устойчивости системообразующих компаний энергетического сектора»³⁴⁴. На последующих этапах перехода к инновационной экономике и ее развития предполагается постепенное снижение прямого участия государственных институтов в развитии

³⁴⁰ Энергетическая стратегия России на период до 2020 года. Раздел IV, Параграф 7.

³⁴¹ Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. Раздел V, Параграф 1.

³⁴² Там же. Раздел V, Параграф 9.

³⁴³ Там же.

³⁴⁴ Там же.

ТЭК. При этом ожидается усиление роли государства в совершенствовании институциональной среды энергетического сектора страны. Данная тенденция обуславливается предполагаемым снижением значения ТЭК в российской экономике и формировании бюджетных поступлений³⁴⁵.

В качестве главных внешних вызовов стратегия называет неустойчивость энергетических рынков и волатильность цен на энергоресурсы. Происходящие процессы изменений и правовой трансформации европейского рынка газа вполне укладываются в обозначенные рамки главных внешних вызовов.

Сравнение двух редакций российской энергетической стратегии показывает, что восприятие основных целей энергетической политики, задач ее внешнего компонента, угроз и роли государства в их устранении за период 2003 – 2009 гг. сохранило высокую степень преемственности. В тоже время обозначились и определенные изменения в восприятии энергетической политики и роли России в мире. Это изменение в целом можно охарактеризовать как активизацию, обусловленную изменением ситуации на мировых энергетических рынках, в особенности ростом цен на энергоресурсы.

Изменение внешних условий можно проиллюстрировать на примере прогноза цен на нефть и газ. При разработке Энергетической стратегии до 2020 г. в ее основу были положены два основных варианта социально-экономического развития: умеренный и оптимистический. При обоих вариантах коридор цен на нефть сорта Urals до 2020 г. прогнозировался в диапазоне от 18,6 до 30 долл./барр. Средние контрактные цены на газ до 2020 г. в обоих вариантах предполагались в диапазоне от 87 до 138 долл./тыс. м³.³⁴⁶ Однако уже к 2008 г., как отмечается в Энергетической стратегии до 2030 г., мировая цена на нефть достигла 94 долл./барр. Цена газа реализации газа Группой «Газпром» в 2008 г. составила 314,22 долл./тыс. м³ для стран Дальнего зарубежья и 150 долл./тыс. м³ для стран СНГ и Балтии.³⁴⁷

В целом можно констатировать высокий уровень готовности государства оказывать поддержку национальным энергетическим компаниям, который дает основания характеризовать российскую энергетическую политику как исходящую из принципов реалистической парадигмы. Причем за период 2003 – 2009 гг. по меньшей мере декларируемая готовность государственных институтов оказывать содействие национальным чемпионам выросла.

³⁴⁵ Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. Раздел V, Параграф 9.

³⁴⁶ Энергетическая стратегия России на период до 2020 года. Раздел III, Параграф 1.

³⁴⁷ Годовой отчет ПАО «Газпром» за 2008 год. С. 50. URL: <http://www.gazprom.ru/f/posts/59/948424/ar-2008.pdf>
Курс долл. США к рублю за 2008 г. составил 24,7 руб/ долл. США. Рассчитано автором по данным Банка России: http://www.cbr.ru/currency_base/dynamics.aspx

3.2. Значение европейского газового рынка для России и российского экспорта газа для стран ЕС

Рассмотренная в предыдущей главе реструктуризация европейского рынка оказывает значительное влияние на Россию в связи с важной ролью доходов, полученных от реализации газа на европейском рынке, для российского бюджета. Указать точные цифры сложно, поскольку они сильно зависят от методологии расчета. Поэтому приведем лишь некоторые оценки. В целом, по данным Министерства финансов, доля нефтегазовых доходов в российском бюджете за период 2006 – 2015 гг. составляла 46,2%, варьируясь от 37% до 51% в разные годы³⁴⁸. Однако, как отмечается в газете «Коммерсант», эта цифра может быть выше, если учитывать все налоги нефтегазовых компаний, включая налог на прибыль, НДС и т.д.³⁴⁹ Нефть, безусловно, играет значительно бóльшую роль в наполнении бюджета по сравнению с газом. Сравнительные оценки роли каждого энергоносителя значительно расходятся, что обусловлено опять же методологией расчета и датировкой анализируемых данных. В рассмотренных нами работах европейских исследователей уровень доходов от продажи нефти оценивается от 6³⁵⁰ до 13³⁵¹ раз выше по сравнению с доходами от продажи газа.

Рынок стран ЕС является основным для российского экспорта газа. Используя статистические данные в таблицах ниже, мы продемонстрируем, как изменилось значение этого рынка за рассматриваемый в диссертации период 2006 – 2016 гг. В данном параграфе в значительной степени используются статистические данные «Газпрома», поэтому разделение стран по рынкам проведено согласно классификации российской компании. В соответствии с ней, страны Прибалтики – члены ЕС отнесены к региону «страны СНГ и Балтии», а к европейскому рынку отнесены Турция, Швейцария и не входящие в Европейский союз страны Балкан. Данные особенности несколько усложняют понимание роли рынка стран ЕС для российского экспорта, однако применение другого разделения на регионы оказывается невозможным в связи с отсутствием детальных данных по выручке от продаж для каждой отдельной страны. Поэтому в данном параграфе мы будем использовать термин «европейский рынок» в соответствии с

³⁴⁸ Доля нефтегазовых доходов в бюджете России упала до семилетнего уровня // РБК. 2016, 24 марта. URL: <https://www.rbc.ru/economics/24/03/2016/56f32a639a794756a61f301e> (Дата обращения: 20.02.2018)

³⁴⁹ Минфин сэкономил на дефиците // Коммерсант. 2018, 22 января. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3526846> (Дата обращения: 20.02.2018)

³⁵⁰ Wojciech Konończuk. Russia's best ally. The situation of the Russian Oil Sector and Forecasts for Its Future / Center for Eastern Studies. 2012, April. P. 10. URL: http://aei.pitt.edu/58390/1/prace_39_en_0.pdf (Last retrieved: 12.03.2018).

³⁵¹ Dreyer I., Stang G. Energy moves and power shifts: EU foreign policy and global energy security / The European Union Institute for Security Studies (EUISS). Report № 18. 2014, February 14. P. 39. URL: http://www.iss.europa.eu/uploads/media/Report_18.pdf (Last retrieved: 31.08.2016).

терминологией «Газпрома», имея в виду, что статистика для «европейского рынка» в терминологии «Газпрома» по физическому объему продаж будет превышать значения для рынка стран ЕС приблизительно на 10%.

Следует также отметить, что в данном параграфе мы рассматриваем как российский экспорт газа, так и деятельность компании «Газпром» на зарубежных рынках. Фактически, в течение всего рассматриваемого нами периода 2006 – 2016 гг. «Газпром» обладал монополией на экспорт газа в Европу. Однако по ряду причин мы должны рассмотреть российский экспорт газа и деятельность компании «Газпром» на зарубежных рынках отдельно друг от друга. Во-первых, монополия «Газпрома» была закреплена лишь в середине 2006 г., при вступлении в силу Федерального закона от 18 июля 2006 г. N 117-ФЗ "Об экспорте газа". Во-вторых, данный закон не распространялся на экспорт газа, произведенного в соответствии с соглашениями о разделе продукции (СРП), заключенными до вступления в силу данного закона. В-третьих, с 01 декабря 2013 г., когда вступил в силу Федеральный закон от 30 ноября 2013 г. N 318-ФЗ, правом экспорта сжиженного природного газа был наделят ряд других российских компаний. И наконец, в-четвертых, деятельность группы компаний «Газпром» на зарубежных рынках включает в себя трейдинговые операции, что делает необходимым различать фактический объем поставок или экспорта от общего объема продаж.

Рассмотрим сначала значение европейского газового рынка для «Газпрома». Статистика в Табл. №1 демонстрирует, что в 2006 г. европейский рынок по физическому объему продаж занимал второе место среди рынков «Газпрома» и являлся наиболее крупным среди зарубежных.

Табл. №1. Объемы продаж газа "Газпром" по регионам				
	2006		2016	
	млрд м ³	%	млрд м ³	%
Продажа газа в целом	578,8	100%	470,6	100%
Российский рынок	316,3	55%	214,9	46%
<i>Продажи за рубеж в целом</i>	262,5	45%	255,7	54%
Европейский рынок	161,5	28%	222,5	47%
Рынки стран СНГ и Балтии (без РФ)	101	17%	33,2	7%

Источник: таблица составлена автором на основе данных "Газпрома": Годовой отчет ОАО "Газпром" за 2006 год. С. 45. URL: http://www.gazprom.ru/f/posts/96/642868/report_rus.pdf; Годовой отчет ПАО "Газпром" за 2016 год. С. 80-84. URL: <http://www.gazprom.ru/f/posts/36/607118/gazprom-annual-report-2016-ru.pdf>

К 2016 г. его роль для российской компании возросла. Он занял первое место среди трех основных рынков сбыта. Причинами выступили не только рост объема продаж непосредственно

на европейском рынке, но и снижение продаж на рынках России и стран СНГ и Балтии. За рассматриваемый период времени физический объем проданного газа на европейском рынке увеличился на 66,8 млрд м³ или на 41%, а доля этого рынка среди двух других выросла на 20% и составила 48%. Значение европейского рынка среди зарубежных является еще более значительным. В 2006 г. доля этого рынка равнялась 62%, а к 2016 г. она увеличилась до 87%.

Более полное представление о значении европейского рынка для «Газпрома» дает финансовая статистика. Ключевое значение европейского рынка подтверждается данными в Табл. №2. На начало рассматриваемого периода европейский рынок приносил 60% прибыли российской компании от продажи газа, а к 2016 г. доля этого рынка выросла до 70%. Важно отметить, что рост доли европейского рынка произошел за счет падения долей как внутреннего российского рынка, так и второго экспортного рынка «стран СНГ и Балтии». В абсолютном выражении за 11-летний период выручка «Газпрома» очевидно значительно выросла, однако более детальные выводы делать сложно в связи с некоторыми различиями доступной финансовой статистики за 2006 и 2016 гг. (см. примечание к таблице). При сравнении роли зарубежных рынков для «Газпрома» значение рынка Европы в финансовом смысле проявляется еще больше, чем в отношении объемов продаж. В 2006 г. доля этого рынка в общем объеме выручки от продаж за рубежом составляла 80%, а к 2016 г. она увеличилась до 89%.

Табл. №2. Выручка от продаж газа "Газпром" по регионам

	2006		2016	
	млрд руб.	%	млрд руб.	%
Продажа газа в целом	1411,6	100%	3845,9	100%
Российский рынок	356	25%	819,9	21%
<i>Продажи за рубежом в целом</i>	<i>1055,6</i>	<i>75%</i>	<i>3026,0</i>	<i>79%</i>
Европейский рынок	845,9	60%	2685,6	70%
Рынки стран СНГ и Балтии (без РФ)	209,7	15%	340,4	9%

Источник: таблица составлена автором на основе данных "Газпрома": Финансовый отчет ОАО "Газпром" за 2006 год. С. 82. URL: http://www.gazprom.ru/f/posts/96/642868/finans_rus.pdf; Финансовый отчет ПАО "Газпром" за 2016 год. С. 149. URL: <http://www.gazprom.ru/f/posts/36/607118/gazprom-financial-report-2016-ru.pdf>.

Примечание: выручка за 2006 г. указана без НДС, акциза и таможенных пошлин. Данные о выручке за 2016 г. включают акциз и таможенные пошлины. В 2016 г. в статистику по европейскому рынку газа включены продажи в "другие страны": в виде СПГ в Японию, Тайвань, Мексику и ОАЭ, а также реализацию газа во Вьетнаме в рамках СРП. Общий объем поставок в другие страны составил 5,8 млрд м³.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что роль европейского газового рынка для российского экспорта и «Газпрома» за период 2006 – 2016 гг. существенно выросла. Доля рынка Европы увеличилась как в отношении физического объема проданного газа, так и выручки от продаж. Табл. №3, детально иллюстрирующая этот рост, представлена ниже. Наибольший рост был продемонстрирован в отношении физического объема проданного природного газа. В финансовом плане увеличение доли европейского рынка было более скромным. Не углубляясь в детали развития ситуации на газовых рынках в 2006 – 2016 гг. и изменений объемов российского экспорта, отметим некоторые причины для изменения пропорций. Первая из них – рост объема продаж газа через другие дочерние компании «Газпрома», например, «Газпром Маркетинг и Трейдинг» при сохранении объемов компании ООО «Газпром Экспорт». Как указывает М.И. Крутихин, партнёр информационно-консалтингового агентства RusEnergy: «российский газ вообще не поставляется на Британские острова напрямую», а компания «Газпром Маркетинг и Трейдинг» перепродает чужой газ на рынке Великобритании³⁵². Вторая причина заключается в уменьшении разрыва между экспортными ценами для стран ЕС и ценами для двух других рынков. Более подробно это будет рассмотрено в следующих параграфах.

Табл. №3. Доля европейского рынка среди рынков "Газпрома"			
		2006	2016
		%	%
Доля среди всех рынков	Физический объем поставок	28	48
	Выручка от продаж	60	70
Доля среди зарубежных рынков	Физический объем поставок	62	87
	Выручка от продаж	80	89

Источник: таблица составлена автором на основе данных "Газпрома" и двух предыдущих таблиц.

Примечание: понятие "Европейский рынок" используется в терминологии «Газпрома». К нему отнесены 25 стран ЕС (без Литвы, Латвии, Эстонии), а также Турция, Швейцария и не входящие в ЕС страны Балкан. Под рынками Газпрома понимаются внутренний российский рынок и два зарубежных: "Европа" и "страны СНГ и Балтии".

Рассмотрим теперь российский экспорт газа в страны ЕС. Табл. №4, представленная ниже, составлена на основе данных Евростат и демонстрирует динамику объемов импорта в 28 стран, составляющих на настоящий момент Европейский союз. В течение 2006 – 2016 гг. Характеризуя ситуацию в целом, отметим, что Россия занимала 1-ое место среди поставщиков газа в ЕС, ее доля

³⁵² Крутихин М.И. Сомнительные успехи: что стоит за рекордами «Газпрома» в Европе // РБК. 2016, 03 февраля. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/03/02/2016/56b1d79f9a7947dcdcd552d1> (Дата обращения: 02.09.2016)

среди других поставщиков увеличилась на 3%, составив в 2016 г. 46%. За 11-летний период, объем российского экспорта в 28 стран ЕС увеличился на 13,5% (на 18,2 млрд м³ - с 135 млрд м³ до 153,2 млрд м³). Однако детальная статистика по экспорту в страны ЕС показывает, что рост объемов поставок и доли России на рынке за 2006 – 2016 гг. произошел лишь за счет резкого увеличения экспорта в 2016 г.

Табл. №4. Объем импорта природного газа странами ЕС																
	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
	млрд м ³															
Россия	116.9	120.5	125.5	129.5	136.3	135	128.7	133	113.8	119.7	121.7	117.5	135.3	115.3	124.3	153.2
Норвегия (всего)	52.7	66.9	71.6	70.7	79.3	87.4	92.8	100	100.9	102.7	96.4	106.3	99.6	98.1	105.4	94.9
<i>Норвегия (СПГ)</i>	0	0	0	0	0	0	0	1.1	2.1	3.4	2.3	2.9	2.3	2.5	3.4	3.9
Алжир (всего)	49.3	53.5	54.3	51.7	57	54	49.2	50.6	46.9	50.4	45.1	43.8	39.9	35.5	34.2	46.1
<i>Алжир (СПГ)</i>	18.8	23.1	23.7	17.2	18.9	18.1	16.1	14.5	16	14.8	12	9.9	9.6	10.6	8.8	9.5
Катар (СПГ)	0.7	2.2	2	4	4.9	5.8	6.9	7.9	19.6	35	40	27.5	21	20.5	24.8	20.9
Нигерия (СПГ)	5.5	5.6	8	10.4	10.6	13.7	14.4	13.2	7.7	14	14.6	10	5.4	4.3	6.2	7.2
Ливия (всего)	0.8	0.6	0.8	1.2	5.4	8.4	10	10.4	9.9	10	2.4	6.5	5.7	6.5	7.1	4.8
Египет (СПГ)	0	0	0	0	4.9	8	5.4	5.7	6.4	4.6	3.9	1.7	0.3	0	0	0
Тринидад и Тобаго (СПГ)	0.6	0.5	0	0	0.8	4.1	2.6	5.6	6.7	5.1	4.1	2.8	2.4	2.7	1.9	0.9
Импорт из 8 стран	226.5	249.8	262.2	267.5	299.2	316.4	310	326.4	311.9	341.5	328.2	316.1	309.6	282.9	303.9	328
Доля России	52%	48%	48%	48%	46%	43%	42%	41%	36%	35%	37%	37%	44%	41%	41%	47%

Источник: таблица составлена автором на основе данных Eurostat (по состоянию на 01.06.2018)

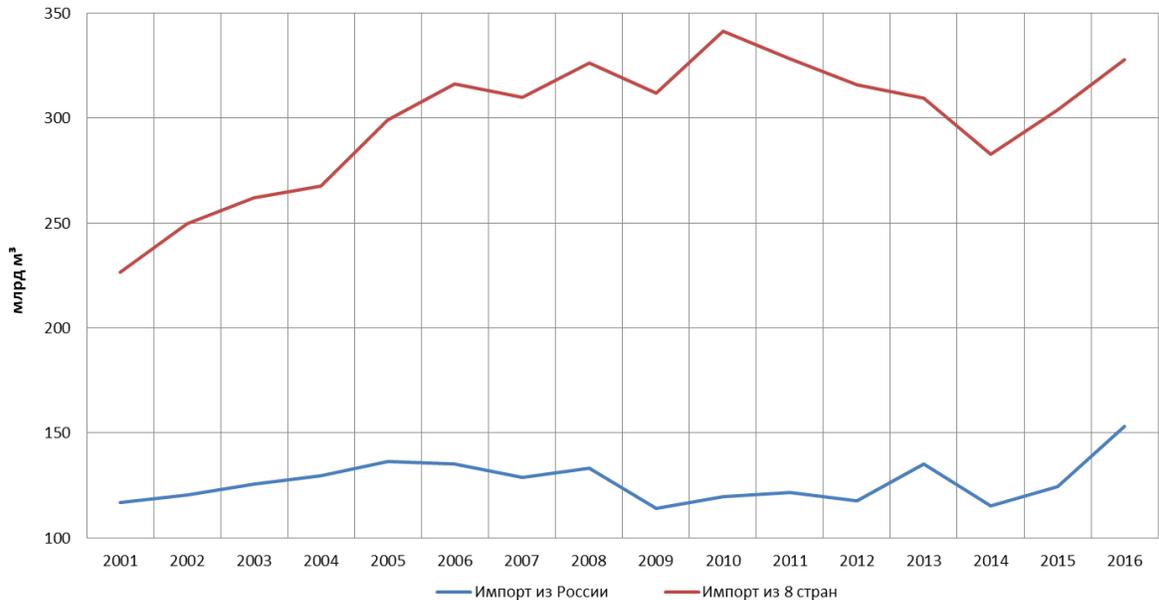
Примечание: статистика приведена для 28 стран ЕС. В расчет включены 8 крупнейших экспортеров природного газа в ЕС: Россия, Норвегия, Алжир, Катар, Нигерия, Ливия, Египет, Тринидад и Тобаго. Страны выбраны на основе суммарного объема поставок в ЕС за 2001-2016 гг.

Графики на Рис. №9 и №10 демонстрируют, что в 2001-2005 гг. объем российских поставок вырос с 116,9 млрд м³ до 136,3 млрд м³. Доля на рынке при этом снизилась с 52% до 46% в связи со значительным ростом общего объема импорта природного газа странами ЕС. С 2005 – 2006 гг. тенденция поменялась: несмотря на рост общего объема импорта Европейским союзом доля России и объем российского экспорта снизились. Снижение объемов потребления странами ЕС с 2009 г., обусловленное произошедшим финансово-экономическим кризисом, отразилось наиболее заметно на российском экспорте. Затем в течение нескольких лет российский газ замещался импортом из Норвегии и дешевым газом из Катара.

Угроза дальнейшего снижения потребления российского газа в ЕС, на наш взгляд, выступила одним из главных факторов, вынудивших Россию пойти на уступки в вопросе ценообразования: постепенно отказаться от принципов Гронингенской модели и увеличить роль спотовой привязки для ценообразования в долгосрочных контрактах (подробно эта трансформация будет рассмотрена в последующих параграфах). Графики на Рис. №16 в параграфе «Основные изменения в ценообразовании на поставки российского газа на рынок ЕС» демонстрируют активизацию процесса пересмотра контрактов между «Газпромом» и его европейскими контрагентами с 2010 г. По-видимому, именно пересмотр условий контрактов и общее снижение

цены российского газа сделали возможным значительный рост объема его поставок и увеличение доли на рынке в 2016 г.

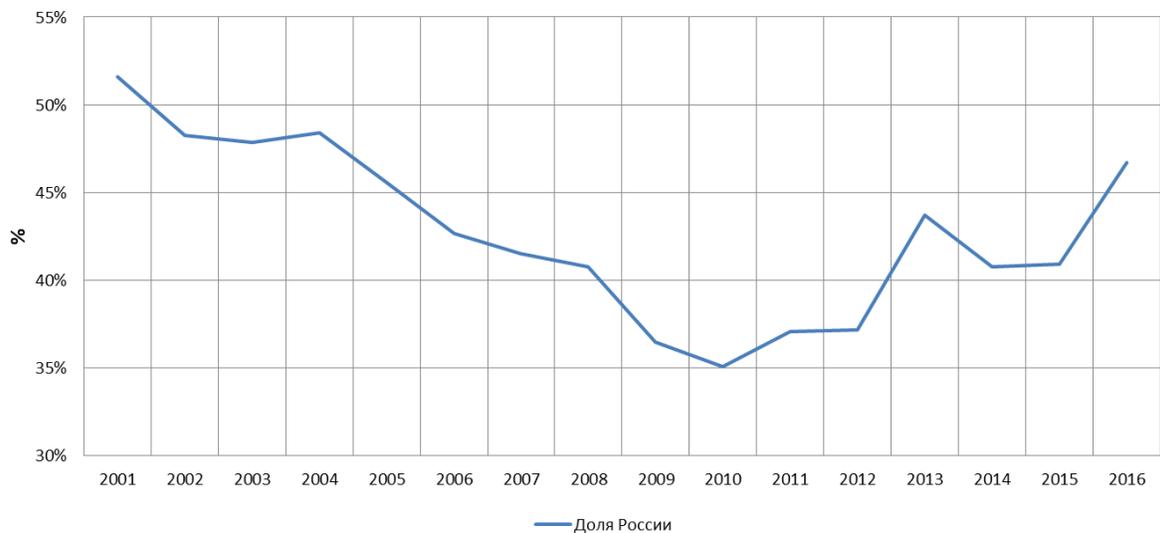
Рис. №9. Объем импорта природного газа странами ЕС (2001-2016 гг.)

Источник: составлено автором на основе данных Eurostat (по состоянию на 01.06.2018)

Примечание: статистика приведена для 28 стран ЕС. В расчет включены 8 крупнейших экспортеров природного газа в ЕС: Россия, Норвегия, Алжир, Катар, Нигерия, Ливия, Египет, Тринидад и Тобаго. Страны выбраны на основе суммарного объема поставок в ЕС за 2001-2016 гг.

Рис. №10. Доля России среди экспортеров газа в ЕС (2001-2016 гг.)

Источник: составлено автором на основе данных Eurostat (по состоянию на 01.06.2018)

Примечание: статистика приведена для 28 стран ЕС. В расчет включены 8 крупнейших экспортеров природного газа в ЕС: Россия, Норвегия, Алжир, Катар, Нигерия, Ливия, Египет, Тринидад и Тобаго. Страны выбраны на основе суммарного объема поставок в ЕС за 2001-2016 гг.

Итак, в данном параграфе мы дали общую характеристику роли европейского газового рынка для России и «Газпрома», а также – российского экспорта газа для стран ЕС. Как было показано, европейский газовый рынок играет ключевую роль для «Газпрома», причем в период 2006 – 2016 гг. значение этого рынка еще более выросло. Наибольший рост был продемонстрирован в отношении физического объема проданного природного газа: доля европейского рынка увеличилась с 28% до 48% среди всех рынков, и с 62% до 87% среди зарубежных. В финансовом плане увеличение доли европейского рынка было более скромным, но тем не менее все равно значительным: его доля увеличилась с 60% до 70% среди всех рынков «Газпрома» и с 80% до 89% среди зарубежных.

В отношении абсолютного объема российского экспорта в страны ЕС и роли России как поставщика наблюдалась разнонаправленная динамика. В целом за период 2006 – 2016 гг. объем российского экспорта в 28 стран ЕС вырос на 13,5%, а роль России среди других поставщиков выросла на 3%. Однако статистика показывает, что уже к 2006 г. объем поставок перестал расти, а в 2009 г. экспорт в ЕС резко упал. Значительный рост после этого был отмечен лишь в 2016 г. Таким образом значение российского экспорта для 28 стран ЕС выросло и по объему поставок, и по доле на рынке, однако это стало возможным во многом благодаря изменению некоторых ключевых особенностей Гронингенской модели ценообразования, что будет детальнее рассмотрено в следующих параграфах.

3.3. Изменение системы ценообразования: от нефтяной привязки к межгазовой конкуренции

На рынках природного газа существуют различные механизмы ценообразования. Международный газовый союз предлагает их классификацию, разделяя на 8 типов³⁵³. На европейском рынке наибольшее распространение получили два из них. Первый механизм основан на нефтяной привязке (в терминологии Международного газового союза – «OPE (Oil Price Escalation)»). При его использовании цена на газ связывается с ценой на альтернативные виды топлива, которыми обычно выступает нефть или нефтепродукты, в некоторых случаях – уголь и электричество³⁵⁴. Механизм нефтяной привязки обычно воплощен в контрактах в виде Гронингенской модели ценообразования. Второй механизм основан на конкуренции газа с газом («GOG (Gas-on-Gas competition)»). В данном параграфе мы кратко рассмотрим трансформацию европейского газового рынка и переход от одной модели ценообразования к другой, который принципиально меняет позицию «Газпрома».

По данным Международного газового союза, с 2005 г. по 2016 г. объем газа, продаваемого в европейском регионе³⁵⁵ на основе нефтяной привязки, снизился с 78% до 30% (см. Рис. №11)³⁵⁶. Наиболее существенное падение произошло в субрегионах Северо-Западной Европы и Центральной Европы – на 63% и 57% соответственно. В других субрегионах изменения были значительно ниже – доля газа с нефтяной индексацией снизилась на 32% в Южной Европе, на 9,5% в Юго-Восточной Европе и на 7% в странах Скандинавии и Прибалтики.

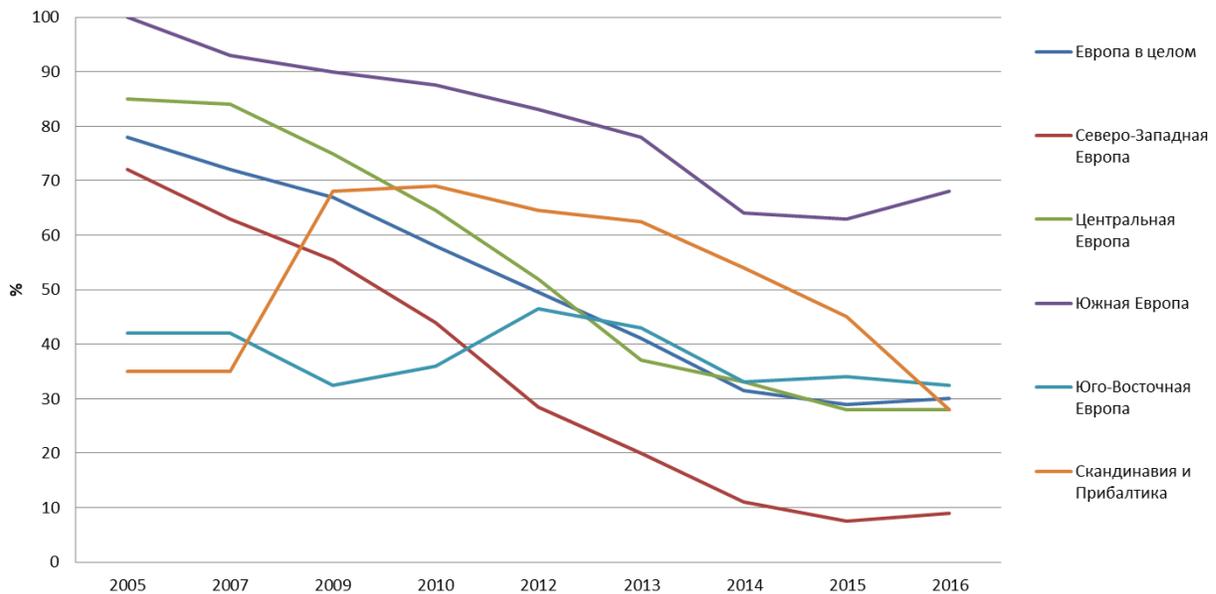
³⁵³ Wholesale Gas Price Survey 2017 Edition / International Gas Union. 2017, May. P.13. URL: http://www.igu.org/sites/default/files/node-document-field_file/IGU_Wholesale%20Gas%20Price%20Survey%202017%20Digital_0.pdf (Last retrieved: 16.08.2017).

³⁵⁴ Ibid.

³⁵⁵ В терминологии Международного газового союза, к региону «Европа» отнесены страны Евразии к западу от границ России, Белоруссии, Украины, Молдавии. Турция также включена.

³⁵⁶ Необходимо отметить сложность представления процесса смены систем ценообразования в виде статистических данных. По мнению С.Л. Комлева, начальника Управления структурирования контрактов и ценообразования ООО «Газпром экспорт», высказанному на семинаре «Европейский вызов международным рынкам газа» в ИМЭМО РАН 24.10.2017 г., зачастую такие данные являются нерепрезентативными. Причиной является то, что смешанные контракты, содержащие в себе элементы различных моделей ценообразования, как основанной на нефтяной привязке, так и базирующейся на межгазовой конкуренции, рассматриваются только в качестве основанных на принципах межгазовой конкуренции. Также, как отмечается в исследовании Института энергетики НИУ ВШЭ и Института энергетических исследований РАН, оценки распространения различных моделей ценообразования «являются достаточно условными из-за больших объемов контрактного газа впоследствии перепродаваемого на спотовых площадках» (Газовый рынок Европы. Утраченные иллюзии и робкие надежды / Под ред. В.А. Кулагина и Т.А. Митровой. М.: НИУ ВШЭ, ИНЭИ РАН, 2015. С. 34. URL: https://www.eriras.ru/files/gazovyy_rynok_evropy.pdf).

В нашем распоряжении отсутствует информация о том, по какой именно методологии собирались данные в исследовании Международного газового союза.

Рис. №11. Использование в контрактах нефтяной привязки

Источник: диаграмма составлена автором на основе данных Международного газового союза. Wholesale Gas Price Survey 2017 Edition / International Gas Union. 2017, May. P. 39-44. URL: http://www.igu.org/sites/default/files/node-document-field_file/IGU_Wholesale%20Gas%20Price%20Survey%202017%20Digital_0.pdf

Примечания: Субрегионы сгруппированы следующим образом.

Северо-Западная Европа: Ирландия, Великобритания, Франция, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Германия, Дания;

Центральная Европа: Швейцария, Австрия, Чехия, Словакия, Венгрия, Польша;

Южная Европа: Португалия, Испания, Италия, Греция, Турция;

Юго-Восточная Европа: Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Сербия, Македония, Болгария, Румыния;

Скандинавия и Прибалтика: Норвегия, Швеция, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва.

Какие механизмы пришли на смену нефтяной привязке? Во всех субрегионах использование нефтяной индексации заменял механизм, основанный на конкуренции газа с газом³⁵⁷. Рис. №12 демонстрирует рост доли этого механизма по европейским субрегионам и Европе в целом. С 2005 г. по 2016 г. объем газа, поставляемый в европейский регион на основе конкуренции газа с газом, вырос с 15% до 66%. В наибольшей мере использование в контрактах цены, основанной на принципе межгазовой конкуренции, выросло в субрегионах Северо-Западной и Центральной Европы – на 64% и 57% соответственно. В странах Скандинавии и Прибалтики и в Южной Европе изменения были несколько ниже – на 46% и на 32% соответственно. В наименьшей мере внедрение этого механизма затронуло субрегион Юго-Восточной Европы – его доля выросла лишь на 9%. Подобная статистика дает нам возможность охарактеризовать этот процесс как смену доминирующей системы ценообразования в Европе.

³⁵⁷ единственным исключением выступил регион Юго-Восточной Европы, в котором увеличилась доля газа, поставляемого по регулируемым ценам.

За 2005 – 2016 гг. совокупная доля двух названных механизмов составила:

- в Северо-Западной Европе: 99-100%;
- в Центральной Европе: 84-86%;
- в Южной Европе: 94-100%;
- в Юго-Восточной Европе: 42,5-46,5%;
- в Скандинавии и Прибалтике: 35-74%³⁵⁸.

Рассмотрим теперь важность каждого субрегиона для «Газпрома». Указанная выше статистика доступна только с разбивкой по европейским субрегионам, сформированным по географическому признаку. В связи с этим при рассмотрении важности каждого из них для российской компании, необходимо принимать во внимание некоторую относительность этих

³⁵⁸ В субрегионах Юго-Восточной Европы и Скандинавии и Прибалтике большая часть газа продается по регулируемым ценам.

данных применительно, во-первых, к каждой отдельной взятой стране – потребителю газа «Газпрома» и, во-вторых, к экспорту «Газпрома».

Как было продемонстрировано выше, Европа играет ключевую роль для «Газпрома» и российского экспорта. В Табл. №5 показана важность каждого из европейских субрегионов по физическому объему поставок. Наибольшее значение имеют Северо-Западная Европа, Южная Европа, и Центральная Европа, занимающие 1-ое, 2-ое и 3-ье места соответственно. Это те же самые регионы, в которых произошло наиболее значительное падение доли использования нефтяной привязки, причем в наибольшей мере изменения затронули регионы, занимающие 1-ое (Северо-Западная Европа) и 3-ье (Центральная Европа) места по степени важности для «Газпрома» с точки зрения объемов. В связи с этим можно сделать вывод о том, что данный процесс оказал очень существенное влияние на контрактную политику «Газпрома». Российская компания предоставляет подтверждение важности произошедших изменений, констатируя, что «значительная часть газа реализуется с привязкой к различным индексам цен на ликвидных торговых площадках Европы. Доля прямой привязки к ценам на нефтепродукты снижается»³⁵⁹. Но детальные данные остаются недоступными.

Сделать более конкретные выводы о том, в каких странах, в какой именно период времени, и в насколько значительной мере происходила смена системы ценообразования в контрактах, на основе данных Международного газового оказывается невозможно. Мы рассмотрим эти вопросы в следующем параграфе, используя статистику по ценам.

Табл. №5. Объем продаж "Газпрома" по европейским субрегионам				
	2006		2016	
	млрд м ³	%	млрд м ³	%
<i>Европа в целом:</i>	178,3	100%	180,89	100%
Северо-Западная Европа:	61	34%	85,18	47%
Центральная Европа:	37,9	21%	31,23	17%
Южная Европа:	57	32%	52,13	29%
Юго-Восточная Европа:	12,6	7%	7,22	4%
Скандинавия и Прибалтика:	9,8	5%	5,13	3%

Источник: таблица составлена автором на основе данных "Газпрома": Годовой отчет ОАО "Газпром" за 2006 год. С. 49-50. URL: http://www.gazprom.ru/f/posts/96/642868/report_rus.pdf; Годовой отчет ПАО "Газпром" за 2016 год. С. 81, 85. URL: <http://www.gazprom.ru/f/posts/36/607118/gazprom-annual-report-2016-ru.pdf>.

Примечание: доля каждого субрегиона показана по отношению ко всей Европе. Деление на субрегионы - в соответствии с классификацией Международного газового союза.

³⁵⁹ Годовой отчет ПАО «Газпром» за 2016 год. С. 80. URL: <http://www.gazprom.ru/f/posts/36/607118/gazprom-annual-report-2016-ru.pdf>

Гронингенская модель ценообразования на природный газ появилась в результате открытия крупного Гронингенского газового месторождения в Нидерландах. В 1963 г. начались первые поставки продукции с месторождения, и возникла потребность максимизировать прибыль от реализации открытого ресурса. На тот момент рынок газа в Нидерландах, как и во всей Европе, был в зачаточном состоянии. Природному газу предстояло отвоевывать позиции у других видов топлива. В коммунально-бытовом секторе его конкурентами выступали керосин, топочный мазут, антрацит, кокс и дерево³⁶⁰. В промышленности – мазут³⁶¹. Реализация «голубого топлива» была связана с рядом объективных сложностей. Отсутствовала транспортная инфраструктура доставки, необходимое оборудование для использования природного газа у конечного потребителя. Для решения названных задач требовались колоссальные капиталовложения и возможность долгосрочного планирования. Для решения всего этого комплекса проблем необходимо было обеспечить долгосрочную конкурентоспособность нового вида топлива по отношению к конкурирующим видам энергоносителей.

Решение было сформулировано на основе принципа замещения рыночной стоимости, в соответствии с которым цена газа определялась стоимостью конкурирующих энергоносителей. В связи с тем, что доля и общий объем используемых энергоносителей в разных сферах различались, природный газ также продавался по разным ценам. Важно отметить, что цена газа была значительно выше себестоимости и лишь немного ниже стоимости альтернативных видов топлива. Ставка была сделана на удобство в использовании нового вида топлива, которая полностью оправдалась. В результате в коммунально-бытовом секторе Нидерландов период со второй половины 1960-х гг. до конца 1970-х гг. стал свидетелем расцвета газозенергетики. При общем росте энергопотребления в этом секторе с 7,5 млн т н.э. до 14 млн т н.э., объем газопотребления вырос с 0,3 млн т н.э. до 11,2 млн т н.э. Газ полностью вытеснил уголь, в 2-3 раза снизил потребление нефтепродуктов, обусловил слабое развитие электроэнергетики (см. Рис. №13).

³⁶⁰ Correlje A., Linde C. van der, Westerwoudt T. Natural Gas in the Netherlands: from Cooperation to Competition? Oranje-Nassau Groep, 2003. P. 60. URL:

http://www.clingendaelenergy.com/inc/upload/files/Book_Natural_Gas_in_the_Netherlands.pdf (Last retrieved: 11.04.2017).

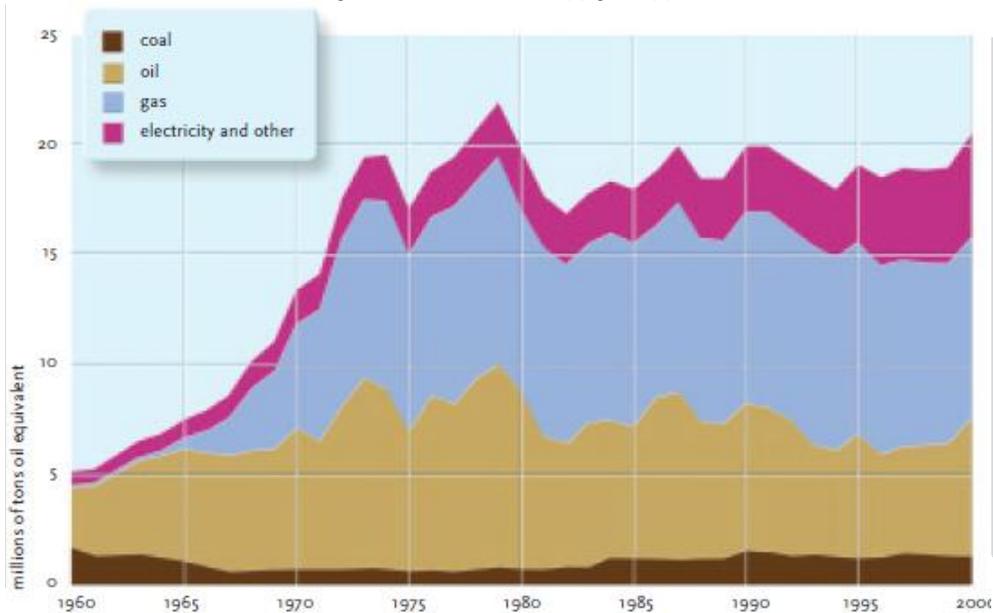
³⁶¹ Op. cit. P. 64.

Рис. №13. Энергопотребление в коммунально-бытовом секторе по видам энергоносителей в Нидерландах.

Источник: Correlje A., Linde C. van der, Westerwoudt T. Natural Gas in the Netherlands: from Cooperation to Competition? Oranje-Nassau Groep, 2003. P. 62. URL: http://www.clingendaelenergy.com/inc/upload/files/Book_Natural_Gas_in_the_Netherlands.pdf (Last retrieved: 11.04.2017).

Рис. №14. Энергопотребление в секторе промышленности по видам энергоносителей в Нидерландах.

Источник: Correlje A., Linde C. van der, Westerwoudt T. Natural Gas in the Netherlands: from Cooperation to Competition? Oranje-Nassau Groep, 2003. P. 62. URL: http://www.clingendaelenergy.com/inc/upload/files/Book_Natural_Gas_in_the_Netherlands.pdf (Last retrieved: 11.04.2017).

Энергопотребление в секторе промышленности за тот же период времени выросло с 7,5 млн т н.э. до 20 млн т н.э. Значительного вытеснения альтернативных видов топлива, как в коммунально-бытовом секторе, не произошло, однако увеличение потребления газа с 0,5 млн т н.э. до 8 млн т н.э. очевидно ограничило перспективы потребления угля, нефтепродуктов и электричества (см. Рис. №14). Частично рост объясняется увеличением использования газа как сырья в химической промышленности, однако с учетом общей тенденции роста энергопотребления в других секторах, первостепенной причиной роста представляется использование газа для производства энергии.

В дальнейшем, начиная с 1980-х гг. доля газа в энергобалансе основных секторов энергопотребления Нидерландов, достигнутая за первые 15 лет активного роста, в целом сохранялась. Уменьшение объемов энергопотребления газа в абсолютном исчислении находилось в рамках тенденции роста энергоэффективности. Таким образом, модель ценообразования, основанная на принципе рыночного замещения, в данных исторических и экономических условиях полностью оправдала себя. В условиях постоянной ценовой конкурентоспособности и удобства использования природного газа удалось развить сектор газопотребления. Была создана инфраструктура транспортировки и потребления, созданы предпосылки для формирования полноценного рынка. В то же самое время данная система удовлетворяла интересы производителя, голландской государственной компании «Газюни», заключавшиеся в максимизации прибыли.

Условия формирования Гронингенской модели ценообразования на внутреннем энергетическом рынке в Нидерландах во многом совпали с теми, что сложились на Европейском континенте в целом. В результате основные характеристики данной модели легли в основу системы долгосрочных контрактов и оказали ключевое влияние на особенности формированию регионального международного рынка газа в Европе. Гронингенская модель стала основой ценообразования на газ в Европе и оставалась таковой до конца 2000-х гг.³⁶²

В научной литературе выделяют следующие ключевые характеристики этой модели:

- во-первых, это заключение долгосрочных договоров на срок 15-25 лет;

³⁶² Stern J., Allsopp C. The future of gas. What are the analytical issues relating to pricing? // The pricing of internationally traded gas / edited by Jonathan Stern; contributors Christopher Allsopp ... [et al.] NY: Oxford University Press for the Oxford Institute for Energy Studies, 2012. P. 23.

Stern J. Pricing of Gas in International Trade – an Historical Survey // The pricing of internationally traded gas / edited by Jonathan Stern; contributors Christopher Allsopp ... [et al.] NY: Oxford University Press for the Oxford Institute for Energy Studies, 2012.

- во-вторых, привязка цены на газ к определенным индексам, которыми в Европе обычно выступали цены на нефть или нефтепродукты³⁶³;
- в-третьих, определение объемов поставок во время заключения контракта, что было зафиксировано условием «бери или плати». Обычно это условие покрывало около 80% законтрактованных объемов³⁶⁴. Этот объем должен был быть оплачен вне зависимости от того, был ли он фактически отобран или нет;
- в-четвертых, использование временного лага длиной в 6-9 месяцев³⁶⁵ для того, чтобы определить среднее значение индекса, используемого в формуле контракта. Полученные значения за месяц или квартал используются для определения стоимости купленных объемов³⁶⁶;
- в-пятых, условия о пунктах конечного назначения или иные территориальные ограничения.

Традиционные газовые контракты содержат также условия, которые предусматривают проведение переговоров по поводу определенных компонентов контракта, таких как базовая цена, индексы, иногда объемы «бери или плати»³⁶⁷.

Ряд исследователей обращают внимание на то, что особенности Гронингенской модели делают возможным злоупотребления поставщика при определении цены. К примеру, как указывает Ф. Чернох, использование «Газпромом» Гронингенской модели ценообразования позволило назначать различные цены для различных рынков и, вследствие этого, увязывать цены и условия контрактов с политическими и экономическими уступками³⁶⁸. Роль фактора политической лояльности обычно демонстрируется на примере различия цен для стран Европейского союза (между странами Западной Европы, с одной стороны, и Центральной и Восточной Европы, с

³⁶³ Конопляник А.А. Эволюция ценообразования на газ в континентальной Европе. Часть 1: Гронингенская модель долгосрочного экспортного газового контракта как основа формирования европейской системы газоснабжения // Газовый бизнес. 2009, январь-февраль. С. 62. URL: http://www.konoplyanik.ru/ru/publications/articles/432_Cenoobrazovanie_na_gaz_v_kontinentalnoj_Evrope.pdf (Дата обращения: 06.04.2017).

³⁶⁴ Herweg N. European Union Policy-Making. The Regulatory Shift in Natural Gas Market Policy. Palgrave Macmillan, Springer Nature, 2017. P. 75.

³⁶⁵ <http://www.gazprom.ru/about/marketing/europe/>

³⁶⁶ Annual Report on the Results of Monitoring the Internal Electricity and Natural Gas Markets in 2014 / Agency for the Cooperation of Energy Regulators. 2015, November 30. P. 236. URL: http://www.acer.europa.eu/official_documents/acts_of_the_agency/publication/acer_market_monitoring_report_2015.pdf (Last retrieved: 27.07.2016)

³⁶⁷ Stern J., Rogers H. The transition to hub-based gas pricing in continental Europe // The pricing of internationally traded gas / edited by Jonathan Stern; contributors Christopher Allsopp ... [et al.] NY: Oxford University Press for the Oxford Institute for Energy Studies, 2012. P. 166.

³⁶⁸ Energy Security in Central and Eastern Europe and the Operations of Russian State-Owned Energy Enterprises. Brno: Masarykova univerzita, 2015. P. 382.

другой), а также для стран СНГ. Ниже в данном параграфе мы подробнее рассмотрим различия в ценах «Газпрома» для стран ЕС.

Согласно позиции «Газпрома», разница в ценах отражает не политическую лояльность, а баланс различных факторов. В отношении стран СНГ подход к ценообразованию был охарактеризован в 2008 г. А.И. Медведевым, занимавшим на тот момент посты заместителя Председателя Правления ОАО «Газпром» и генерального директора ООО «Газпром экспорт». Он отметил, что низкие цены для некоторых из стран СНГ обусловлены выполнением следующих условий:

1. Степень контроля над газопроводной сетью;
2. Существование согласованного плана по переходу от субсидируемых к рыночным ценам;
3. Выполнение обязательств по транзиту³⁶⁹.

А.И. Медведев также отметил, что рынок газа в Европе, имел «полную и гарантированную защиту от проявления монопольной силы экспортеров»³⁷⁰. На его взгляд подобная защита была обусловлена тем, что привязка цен газа к ценам на нефть и нефтепродукты не позволяла поставщикам манипулировать ценами.

Детали контрактов являются конфиденциальной информацией, поэтому у нас нет возможности определить обоснованность опасений в отношении Гронингенской модели ценообразования и нефтяной привязки. Однако мы сопоставим две вышеуказанные точки зрения на примере стандартной формулы контракта, базирующейся на основе этих принципов. Обычно формулы газовых контрактов имеют сложную структуру, позволяющую учесть ряд различных факторов. В исследовании Секретариата Энергетической хартии предлагается следующая стилизованная формула расчета долгосрочного контракта:

$$P_m = P_o + 0,60 \times 0,80 \times 0,0078 \times (LFO_m - LFO_o) + 0,40 \times 0,90 \times 0,0076 \times (HFO_m - HFO_o).$$

Данная формула определяет цену газа в рассматриваемом месяце (P_m) на основе начальной цены на газ (P_o) и ценами на конкурирующие энергоносители (в данном случае «LFO» - лёгкое котельное топливо, «HFO» - тяжёлый мазут). Показатели «0,60» и «0,40» в этом примере отражают доли сегментов газового рынка, которые конкурируют с указанными альтернативными энергоносителями, «0,0078» и «0,0076» являются коэффициентами для перевода в соответствующие единицы измерения. Более подробную информацию о каждом из показателей можно получить в исследовании Секретариата Энергетической хартии, здесь же отметим лишь,

³⁶⁹ Медведев А.И. «Газпром» и энергобезопасность Европы // Международная жизнь. 2008. С.2. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1310> (Дата обращения: 02.09.2016).

³⁷⁰ Там же. С.3.

что индексы «0,80» и «0,90» предусмотрены для распределения рисков и выгод между продавцом и покупателем³⁷¹. Именно эти индексы, по-видимому, и позволяют достигать необходимого баланса в переговорном процессе между сторонами взаимодействия, отражающего соотношение сил переговорных позиций участников.

К. Алсоп (Christopher Allsopp) и Дж. Стерн (Jonathan Stern) обращают внимание на то, что при определении условий контракта между монополистом-поставщиком и монополистом-покупателем возникает «игра с торгом», если использовать термин теории игр. Истинная ценность контракта для одного игрока остается неизвестной для другого, поэтому каждый из них стремится демонстративно преуменьшить свою выгоду и преувеличить силу своей переговорной позиции³⁷². В результате различные экономические, политические и технологические факторы, влияющие на газовые рынки, оказывают влияние на переговорные позиции отдельных игроков - газовых компаний.

Сильные переговорные позиции «Газпрома» при заключении контрактов с национальными компаниями стран Восточной и Центральной Европы, обусловленные поддержкой со стороны российского государства, не раз становились поводом для выражения опасений о возможных злоупотреблениях со стороны российской компании³⁷³. В то же время национальные компании Европы также искали поддержку со стороны государственных институтов. Р. Янгс указывает, что «правительства стран-членов ЕС поддерживали крупнейшие национальные энергетические компании при заключении долгосрочных двусторонних контрактов с «Газпромом» и готовы были утверждать, что подобные сделки вносят вклад в энергетическую безопасность»³⁷⁴. Эта поддержка позволяет нам в аналитических целях рассматривать крупнейшие национальные энергетические компании ЕС и отдельные государства ЕС в качестве единой стороны переговорного процесса с «Газпромом» и Россией, хотя это и является заметным упрощением. В этом параграфе мы будем использовать термин «импортер», подразумевая одновременно как национальные энергетические компании европейских стран, так и государства-потребители.

³⁷¹ Цена энергии. Международные механизмы формирования цены на нефть и газ / Секретариат Энергетической хартии. 2007. С. 176-177.

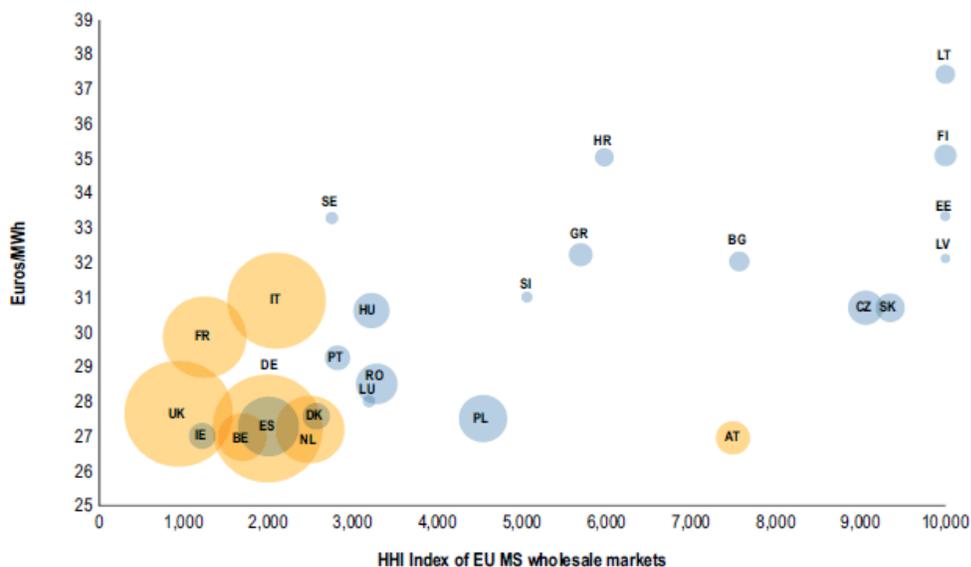
³⁷² Stern J., Allsopp C. The future of gas. What are the analytical issues relating to pricing? // The pricing of internationally traded gas / edited by Jonathan Stern; contributors Christopher Allsopp ... [et al.] NY: Oxford University Press for the Oxford Institute for Energy Studies, 2012. P. 32.

³⁷³ См. подробнее: Danilin N. Gazprom as an Energy Weapon: Perception of Threats to Energy Security of the EU // Vestnik RGGU. 2017. №2 (8). P. 87-100. URL: http://rggu.ru/upload/main/vestnik/pmorv/Vestnik_pmorv2%288%292017.pdf (Last retrieved: 06.09.2017).

³⁷⁴ Youngs R. Foreign Policy and Energy Security: Markets, Pipelines, and Politics // edited by Birchfield V. L., Duffield J. S. Toward a Common European Union Energy Policy: Problems, Progress, and Prospects. NY: Palgrave Macmillan US, 2011. P. 57.

Итак, какие же факторы определяют силу переговорных позиций сторон во время процесса определения условий контрактов? По мнению Агентства по кооперации энергетических регуляторов (ACER), влияние на цены оказывают объем рынка и степень его монополизации. Рассмотрим приведенную в докладе Агентства пузырьковую диаграмму (Рис. №15), которая демонстрирует зависимость оптовых цен на природный газ (шкала Y) от рыночной концентрации и объема рынка. Размер каждого из кругов обозначает объем потребления страны, НИИ индекс (Индекс Херфиндаля-Хиршмана), отложенный по шкале X, показывает степень монополизации рынка. Страны, выделенные оранжевым цветом, отличаются большими показателями ликвидности газовых рынков.

Рис. №15. Зависимость оптовых цен на природный газ от рыночной концентрации и объема потребления

Источник: Annual Report on the Results of Monitoring the Internal Electricity and Natural Gas Markets in 2013 [Electronic resource] / Agency for the Cooperation of Energy Regulators. 2014, October 22. P. 176. URL: http://www.acer.europa.eu/official_documents/acts_of_the_agency/publication/acer_market_monitoring_report_2015.pdf (Дата обращения: 27.07.2016)

На графике отчетливо видно, что рынки с наибольшими объемами потребления (большой размер круга) являются наиболее ликвидными (оранжевый цвет) и отличаются низкой степенью монополизации (расположение в левой части графика). Расположение этих кругов в нижней части графика, свидетельствующее о том, что цена импортируемого природного газа оказывается ниже среднестатистической, можно рассматривать в качестве результата влияния указанных факторов. График также демонстрирует отсутствие прямого влияния факторов концентрации рынка и его

объема на цену. На некоторых рынках, не отличающихся высокими показателями ликвидности или объема потребления, например в Польше, Румынии и Португалии, цена импортируемого газа ниже, чем для Италии или Франции. Но тем не менее необходимо признать, что цена для подавляющего большинства небольших рынков с высокой степенью монополизации является выше среднестатистической, располагаясь в верхней части графика.

Чем обуславливается влияние этих факторов? Можно полагать, что объем потребления имеет прямую взаимосвязь с силой переговорной позиции импортера. Во-первых, объем рынка обуславливает размер компании, ее финансовые показатели, набор возможностей для диверсификации пула поставщиков. Во-вторых, объем потребления определяет заинтересованность поставщика. По мере увеличения потребления растет и потенциальная выручка поставщика, а значит и его готовность пойти на уступки при обсуждении условий поставок.

Второй фактор – степень монополизации рынка. Сила переговорной позиции импортера находится в обратной зависимости от этого фактора. При высокой степени диверсификации поставок в страну-потребитель экспортеры оказывают конкурентное давление друг на друга и вынуждают друг друга снижать цены. Возможность обеспечить такую диверсификацию также необходимо рассматривать в качестве фактора, усиливающего позицию импортера. Стоит отметить, что в условиях практики заключения долгосрочных контрактов, по-видимому, следует скорее говорить об открывающихся окнах возможностей при завершении старых контрактов и подготовке новых или пролонгировании уже имеющихся.

Точно оценить вклад каждого отдельного фактора в снижение цены представляется сложным, поскольку в реальности эти показатели тесно связаны друг с другом. Рынки с большими объемами потребления вызывают больший интерес импортеров, это создает возможность для активного развития транспортной инфраструктуры, в результате увеличивается показатель диверсифицированности, а конкуренция поставщиков повышает ликвидность рынка. Все это создает предпосылки для институционального развития, формируя газовые хабы. Если же рынок небольшой, то даже появление транспортной инфраструктуры может быть связано с принятием импортера на себя обязательств по отношению к инвестору, финансировавшего строительство под определенный проект и конкретного поставщика. Это создает высококонцентрированный рынок с отсутствием стимулов для поставщика снижать цены.

Необходимо подчеркнуть, что степень концентрации рынка и объем потребления являются лишь некоторыми из основных факторов, влияющих на силу переговорной позиции импортера при

использовании Гронингенской модели ценообразования. Степень их влияния зависит от многих иных причин. График Агентства по кооперации энергетических регуляторов, указанный выше, представляет собой хороший пример, который мы рассмотрим подробнее. Обратим внимание на верхнюю часть графика. Большая часть стран, находящихся в ценовом диапазоне выше 30 евро/МВт-час, в основном импортируют российский газ. Из 13 стран исключениями являются лишь три: Италия (IT), Швеция (SE) и Хорватия (HR). Остальные 10 государств удовлетворяют от 63% до 100% своих потребностей в природном газе за счет поставок из России. Эти же страны в основном представляют собой рынки с наименьшими объема потребления. Означает ли это, что высокая степень концентрации рынка и низкий уровень потребления обусловили высокий уровень цен по сравнению с большими и низкоконцентрированными рынками стран Западной Европы? Эти факторы, действительно, обусловили расширение размаха значений цен, однако их влияние было выражено опосредованно. Как мы продемонстрируем в следующем параграфе, непосредственной причиной увеличения разрыва в ценах являлись особенности смены системы ценообразования в Европе, на которую в свою очередь повлияли степень концентрации рынка, уровень потребления, а также ряд других экономических и политических факторов.

3.4. Основные изменения в ценообразовании на поставки российского газа на рынок ЕС

В данном параграфе мы перейдем от теоретического рассмотрения моделей ценообразования к особенностям их практического применения в российско-европейских контрактах. Взгляды производителей и потребителей на преимущества и недостатки каждой из них не совпадали. На протяжении длительного периода котировки газовых хабов были ниже цен, основанных на нефтяной привязке. Так, по информации аналитического агентства «Platts», в период 2009 – 2014 г. значения индикатора NWE GCI (North West Europe Gas Contract Indicator – Индикатор газовых контрактов в Северо-Восточной Европе), моделирующего контракты с нефтяной индексацией в Северо-Западной Европе, превышал котировки NBP (National Balancing Point) в среднем на 10 Евро/МВт-час³⁷⁵. Контракты с нефтяной привязкой могут сильно отличаться друг от друга, поэтому указанный индикатор сложно считать репрезентативным по отношению ко всем европейским контрактам «Газпрома». Однако значительный разрыв между ним и котировками NBP дает объяснение стремлению европейских потребителей перейти на спотовую систему ценообразования. В свою очередь российская сторона подчеркивала преимущества Гронингенской модели, указывая на то, что заключение долгосрочных контрактов обуславливают большую предсказуемость рынка, а привязка к нефти – меньшую волатильность цен. В связи с различием точек зрения сторон на преимущества и недостатки каждой из систем ценообразования в период, когда переход на спотовую систему ценообразования стал теоретически возможен и желателен для европейских компаний-импортеров, фактическое внедрение новых принципов стало зависеть от зафиксированных ранее условий контрактов. Борьба вокруг их трансформации осуществлялась на нескольких различных уровнях. Мы рассмотрим некоторые аспекты этого противоборства на политическом уровне и уровне отдельных компаний, проходившего в правовом поле.

К политическому уровню мы относим деятельность национальных и транснациональных политических институтов. Ниже мы рассмотрим подробнее антимонопольное расследование Европейской комиссии в качестве наиболее яркого примера оказания влияния на «Газпром». Об этом расследовании Еврокомиссия объявила 27 сентября 2011 г., в тот же самый день, когда в странах ЕС в офисах компаний, занимающихся поставками, транспортировкой и хранением

³⁷⁵ Quarterly Report on European Gas Markets / DG Energy. Volume 4, Issue 4. October 2011-December 2011; Volume 5, Issue 1. January 2012-March 2012. 29 p. URL: <http://ec.europa.eu/energy/en/data-analysis/market-analysis> (Last retrieved: 14.08.2017)

природного газа были проведены обыски представителями Еврокомиссии³⁷⁶. Формальное судебное разбирательство по вопросу возможного нарушения антимонопольного законодательства компанией «Газпром», началось почти год спустя, 4 сентября 2012 г.³⁷⁷ Через несколько лет, 22 апреля 2015 г., Европейская комиссия выдвинула возражения (Statement of Objections) в адрес «Газпрома» относительно политики российской компании на газовых рынках Восточной и Центральной Европы³⁷⁸.

По предварительному мнению Еврокомиссии, «Газпром», используя свое доминирующее положение, препятствует конкуренции на рынках восьми стран Европейского союза: Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Чехии, Словакии, Венгрии и Болгарии. В документе указывалось, что «Газпром» нарушает антимонопольное законодательство ЕС, сегментируя единое пространство его внутреннего рынка. В основном обеспокоенность Еврокомиссии была вызвана тремя следующими элементами политики «Газпрома»: запретом реэкспорта российского газа, назначением несправедливых цен и взаимосвязанностью условий поставок газа с обязательствами контрагентов «Газпрома» в отношении транспортной инфраструктуры. По мнению Еврокомиссии, применение этих положений во взаимодействии с поставщиками способствовало сохранению несправедливой ценовой политики в некоторых из указанных стран-членов.

Расследование фактически завершилось 16 марта 2017 г., когда Еврокомиссия опубликовала документ, в котором указано обязательство «Газпрома» внести изменения в контракты на поставки природного газа. Ключевыми пунктами были следующие:

- Отказ от положений, запрещающий реэкспорт, или делающих реэкспорт менее привлекательным с экономической точки зрения;
- Обязательство увеличить частоту переговоров по пересмотру цены и ускорить процесс пересмотра;
- Возможность отказаться от нефтяной привязки и сделать цену зависимой от цены на газовых хабах³⁷⁹.

Второй уровень представляет собой уровень отдельных компаний. Переговоры между компаниями об изменении контрактных условий являются естественным и распространенным

³⁷⁶ Antitrust: Commission confirms unannounced inspections in the natural gas sector / European Commission. September 27, 2011. URL: [http://europa.eu/rapid/press-release MEMO-11-641_en.htm?locale=EN](http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-11-641_en.htm?locale=EN) (Last retrieved: 14.08.2017).

³⁷⁷ Antitrust: Commission opens proceedings against Gazprom / European Commission. September 4, 2012. URL: [http://europa.eu/rapid/press-release IP-12-937_en.htm?locale=en](http://europa.eu/rapid/press-release_IP-12-937_en.htm?locale=en) (Last retrieved: 14.08.2017).

³⁷⁸ Antitrust: Commission sends Statement of Objections to Gazprom – Factsheet / European Commission. 2015, April 22. URL: [http://europa.eu/rapid/press-release MEMO-15-4829_en.htm](http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-15-4829_en.htm) (Last retrieved: 23.08.2016).

³⁷⁹ Commitment proposal / Gazprom. 2017, February 14. URL: http://ec.europa.eu/competition/antitrust/cases/g2/gazprom_commitments.pdf (Last retrieved: 14.08.2017)

явлением. «Газпром», к примеру, поясняет, что «долгосрочные контракты на поставку газа между ООО «Газпром экспорт» и контрагентами предусматривают право каждой из сторон требовать пересмотра контрактной цены в случае существенного изменения обстоятельств на соответствующих рынках. При наличии таких существенных изменений стороны указанное право используют»³⁸⁰. Но переговоры с европейскими партнерами об изменении условий контрактов, в ряде случаев даже перешедшие в арбитражные разбирательства, буквально захлестнули «Газпром» с 2009 г. При этом, согласно информации, представленной в исследовании Института энергетики НИУ ВШЭ и Института энергетических исследований РАН, большинство решений «арбитражных судов о пересмотрах контрактных цен между европейскими покупателями и Катаром, Алжиром, Норвегией, Россией в 2012 – 2013 гг. были приняты преимущественно в пользу покупателей и вынудили компании-поставщики идти на новые уступки, а также стимулировали их разрешать споры в досудебном порядке»³⁸¹.

Тогда в условиях разразившегося в 2008 г. мирового финансово-экономического кризиса, связанного с ним снижения объемов потребления газа, конкурентного давления со стороны других поставщиков «Газпрому» пришлось согласиться на снижение уровня «бери или плати», введение спотовой привязки к части контрактных объемов и временное предоставление скидок. В последующие годы, с увеличением ликвидности европейских газовых хабов, спотовая индексация становилась все более распространенной. В условиях роста давления на «Газпром», с 2009 г. и только по июль 2015 г. российская компания была вынуждена 65 раз пересмотреть условия контрактов с 30 европейскими контрагентами. При этом четко обозначилась дифференциация европейских стран. Как указано в исследовании Института энергетики НИУ ВШЭ и Института энергетических исследований РАН, она проявлялась в отношении качества осуществленных изменений. Для Франции и Германии была предоставлена скидка, снижен объем «бери или плати», а также введена спотовая индексация. Для Италии, Греции, Австрии, Чехии, Словакии, Венгрии предложена скидка и снижен объем «бери или плати». Польше, Эстонии, Латвии, Литве и Болгарии лишь предоставлена скидка³⁸².

Рассмотрим теперь динамику пересмотров условий контрактов во времени, чтобы проверить возможное наличие общих хронологических закономерностей. На основе

³⁸⁰ Годовой отчет ПАО «Газпром» за 2016 год. С. 80. URL: <http://www.gazprom.ru/f/posts/36/607118/gazprom-annual-report-2016-ru.pdf> (Дата обращения: 26.04.2017).

³⁸¹ Газовый рынок Европы. Утраченные иллюзии и робкие надежды / Под ред. В.А. Кулагина и Т.А. Митровой. М.: НИУ ВШЭ, ИНЭИ РАН, 2015. С. 40-41. URL: https://www.eriras.ru/files/gazovyy_rynok_evropy.pdf (Last retrieved: 06.07.2016).

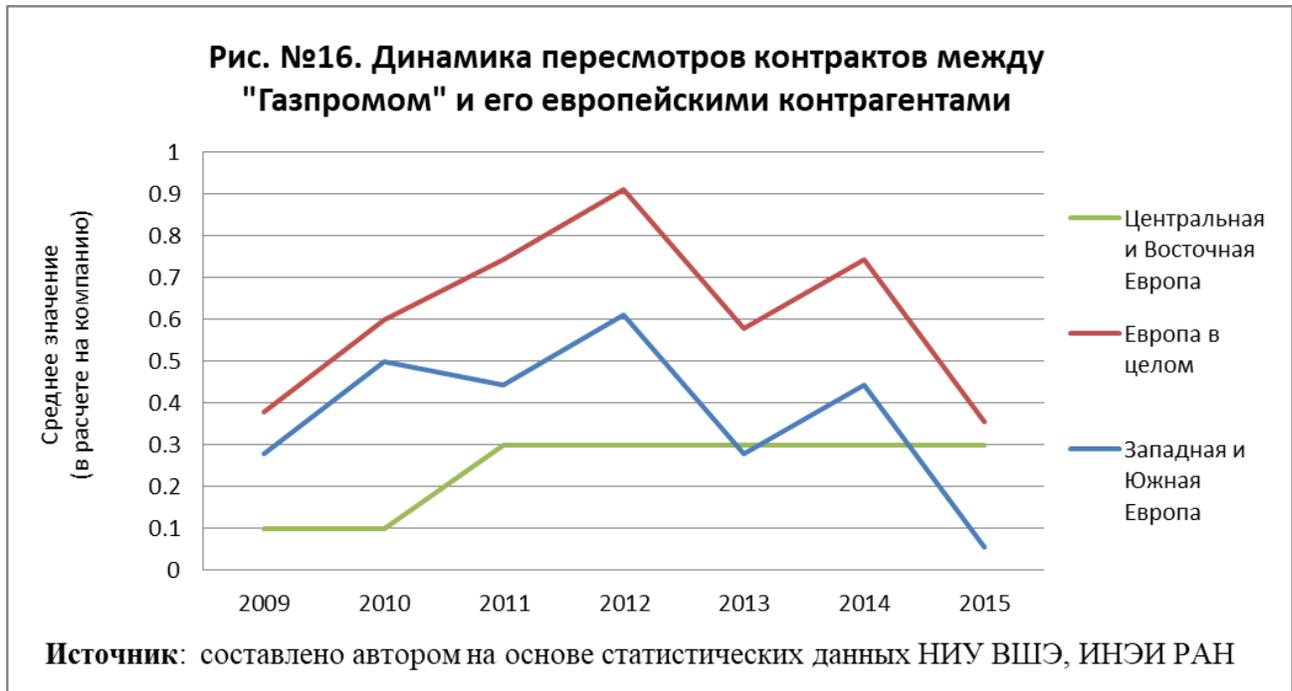
³⁸² Газовый рынок Европы. Утраченные иллюзии и робкие надежды / Под ред. В.А. Кулагина и Т.А. Митровой. М.: НИУ ВШЭ, ИНЭИ РАН, 2015. С. 42. URL: https://www.eriras.ru/files/gazovyy_rynok_evropy.pdf (Last retrieved: 06.07.2016).

статистических данных, представленных в исследовании Института энергетических исследований РАН и Института энергетики НИУ ВШЭ³⁸³, мы сравним динамику изменений по субрегиону Центральной и Восточной Европы (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Эстония, Латвия, Литва, Болгария), отдельно выделенного в расследовании Европейской комиссии, по отношению ко всем странам ЕС, с которыми были пересмотрены контракты. Общий список стран составляют помимо государств Центральной и Восточной Европы также Франция, Нидерланды, Дания, Германия, Австрия, Италия, Словения и Греция. Вслед за авторами в качестве «пересмотра» мы будем считать как изменение контракта, подтвержденное данными квартальной отчетности «Газпрома», так и предоставление скидки, ставшее известным благодаря заявлениям официальных лиц российской компании, средствам массовой информации или аналитическим агентствам.

Для того чтобы обеспечить более объективное представление о влиянии рыночных факторов на переговорные позиции импортеров, сначала мы суммируем по годам число пересмотров контрактов «Газпрома» со всеми национальными компаниями стран, входящих в указанные субрегионы, а затем сформируем усредненные данные, разделив общее число пересмотров контрактов на число компаний. Необходимо признать, что имеющаяся в нашем распоряжении информация обладает определенной долей условности, поскольку детально представляет лишь количественные данные о числе пересмотров и не дает возможности оценить качество каждого пересмотра: величину предоставленной скидки или изменения условия «бери или плати».

Рис. №16 демонстрирует, что число изменения контрактов росло в период 2009 – 2012 гг. В указанные годы индикатор, показывающий среднее число пересмотров контрактов на одну компанию в год, выросло от 0,38 до 0,91. В последующие годы его значение снижалось приблизительно в том же темпе. В то же время для государств Центральной и Восточной Европы число изменений контрактов выросло лишь к 2011 г., достигнув показателя 0,3 и сохранялось на этом уровне вплоть до 2015 г. Таким образом, мы видим, что импортеры Центральной и Восточной Европы находились в менее благоприятном положении с точки зрения времени произошедших изменений.

³⁸³ Газовый рынок Европы. Утраченные иллюзии и робкие надежды / Под ред. В.А. Кулагина и Т.А. Митровой. М.: НИУ ВШЭ, ИНЭИ РАН, 2015. С. 42. URL: https://www.eriras.ru/files/gazovyy_rynok_evropy.pdf (Дата обращения: 06.07.2016).

Для того чтобы понять причины рассмотренных нами качественной и хронологической дифференциации, обратимся к ценовой статистике. Эти данные предоставят нам также возможность изучить взаимосвязанный вопрос о том, как именно изменения в ценообразовании на российский газ повлияли на снижение цен. Этот вопрос имеет даже более важное значение, поскольку снижение цен на российский газ выступило одним из наиболее значимых факторов, негативно повлиявших на цель российской внешней политики по «обеспечению стабильных поступлений в доходную часть консолидированного бюджета»³⁸⁴.

Сначала мы рассмотрим статистические данные по динамике цен российского газа для европейских стран. Применяемая система ценообразования и детали ценовых формул, по которым рассчитывается цена поставляемого газа, определяются во время переговоров европейских компаний и «Газпрома». Они фиксируются в контрактах и представляют собой конфиденциальную информацию. Поэтому для выполнения целей данной диссертационной работы была использована информация о ценах российского газа, опубликованная в ежеквартальных отчетах Генерального директората по энергетике Европейской комиссии. Эти статистические данные собраны различными национальными таможенными службами и, как считается, дают представление о средних ценах долгосрочных контрактов. Важно особо отметить усредненность значений цен, поскольку фактически цены контрактов могут отличаться не только

³⁸⁴ Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. 2009, 13 ноября. Раздел VI, Параграф 5. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (Дата обращения: 15.05.2017).

от страны к стране, но и от компании к компании, которые ведут бизнес на конкретном национальном рынке, а также от контракта к контракту каждой из упомянутых компаний.

Статистика доступна с 1-го кв. 2008 г. При этом информация в детализированном виде с указанием точных цен представлена лишь с 2012 г. Данные в период 2008 – 2011 гг. являются оценочными, основанными на опубликованных в отчетах Еврокомиссии графиках. Необходимо отметить, что указанные ежеквартальные отчеты в действительности не выпускаются каждый квартал. В связи с этим данные за некоторые периоды в таблице отсутствуют. Кроме того, в отчетах не предоставлена информация об учете ретроактивных платежей³⁸⁵.

На Рис. №17 представлены графики, демонстрирующие динамику изменения российских цен на газ для стран Восточной и Центральной Европы, на рынках которых, по предварительному мнению Еврокомиссии на 22.04.2015 г., «Газпром» препятствует конкуренции, используя свое доминирующее положение³⁸⁶. Среди них Эстония, Латвия, Литва, Чехия, Словакия, Венгрия и Болгария. Статистические данные по Польше в период 2008 – 2011 гг. отсутствуют, с 2012 г. по апрель 2014 г. показывают только уровень регулируемых цен, а с января 2014 г. доступна лишь статистика по котировкам польской энергетической биржи POLPX (или TGE). Данная информация не может считаться репрезентативной по отношению к цене импортируемого российского газа и потому не будет использоваться нами в расчетах. На основании информации Еврокомиссии и СМИ цены российского газа для Польши, вероятно, следует считать близкими к ценам для стран Прибалтики.

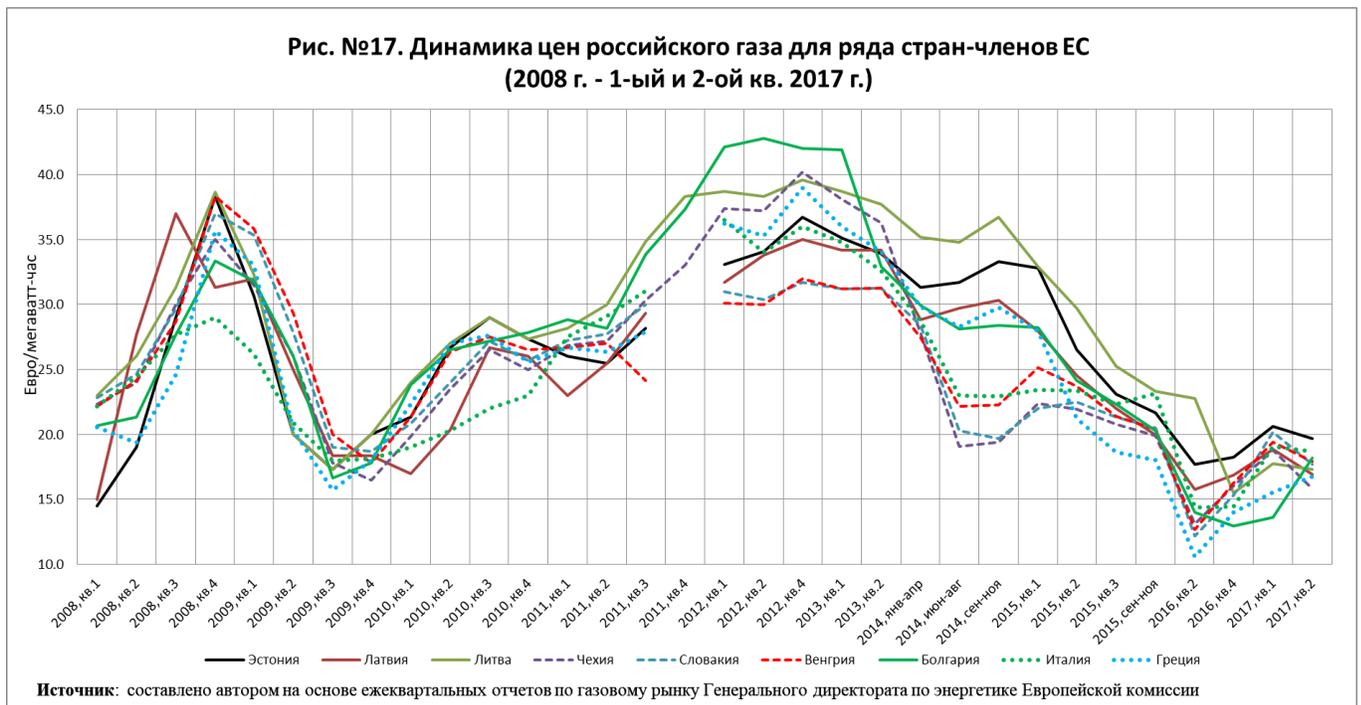
На диаграмме мы также указали графики цен российского газа, экспортируемого в Италию и Грецию. Использование ценовой статистики по итальянскому импорту позволяет сопоставить политику «Газпрома» в европейских странах, импортирующих большие объемы и имеющими альтернативных поставщиков (Франция, к примеру), с государствами Центральной и Восточной Европы, газовый сектор которых отличается меньшими объемами потребления и доминирующим положением российской компании. Италия соответствует обоим критериям. В 2006 г. страна импортировала 34,4 млрд куб. м, занимая вместе с Германией 1-ое и 2-ое место среди государств–

³⁸⁵ По мнению Н.Ю. Кавешникова, известного российского специалиста по энергетической политике, которое было выражено в личной беседе с автором, ретроактивные платежи за уже прошедший период (что подразумевается самим термином) могут осуществляться путем предоставления скидок за поставки в текущий период времени. Подобное предположение позволяет объяснить точки резкого падения цены, заметные на графиках с ежемесячным представлением данных.

³⁸⁶ Antitrust: Commission sends Statement of Objections to Gazprom – Factsheet / European Commission. 2015, April 22. URL: [http://europa.eu/rapid/press-release MEMO-15-4829_en.htm](http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-15-4829_en.htm) (Last retrieved: 23.08.2016).

членов ЕС по объемам импорта российского газа³⁸⁷. В 2016 г. объем импорта составил 24,7 млрд куб. м, что делало Италию 2-ой после Германии по значимости среди импортеров газа в ЕС для России³⁸⁸. В 2013 г. Италия обеспечивала около 34% потребления «голубого топлива» за счет российских поставок³⁸⁹.

Статистика по экспорту в Грецию представлена в качестве референтной по отношению к государствам–членам ЕС, импортирующим небольшие объемы и имеющим высокую степень зависимости от России (к примеру, Финляндия и Словения). Как в 2006 г., так и в 2016 г. Греция импортировала 2,7 млрд куб. м российского газа, обеспечивая им в 2013 г. 66% своих потребностей³⁹⁰.

Представленная на Рис. №17 статистика демонстрирует следующее:

Во-первых, соотношение цен импортируемого российского газа для различных стран ЕС не является постоянным. Цены для разных государств изменяются относительно друг друга. Поэтому утверждать о высоком или низком уровне цен для конкретной страны относительно других можно

³⁸⁷ Годовой отчет ОАО «Газпром» за 2006 год. С. 49-50. URL: http://www.gazprom.ru/f/posts/96/642868/report_rus.pdf (Дата обращения: 26.04.2017).

³⁸⁸ <http://www.gazpromexport.ru/statistics/>, <http://www.gazprom.ru/about/marketing/europe/>

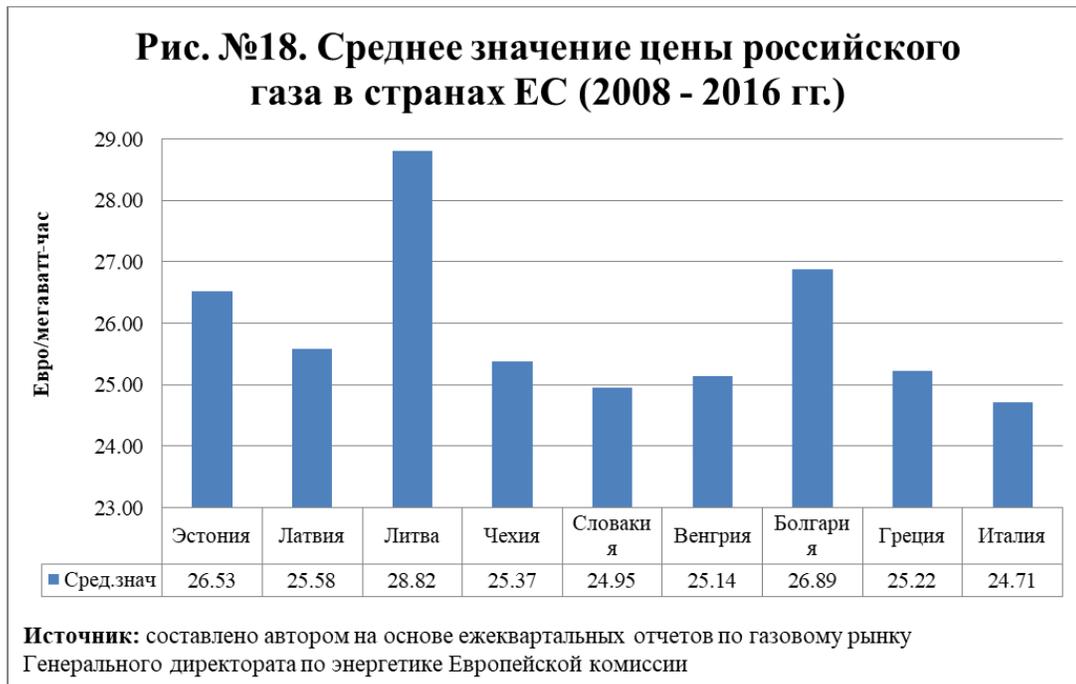
³⁸⁹ Statistical Report 2014 / Eurogas. 2014, December. P.6 URL:

http://www.eurogas.org/uploads/media/Eurogas_Statistical_Report_2014.pdf

³⁹⁰ Годовой отчет ОАО «Газпром» за 2006 год. С. 49-50. URL: http://www.gazprom.ru/f/posts/96/642868/report_rus.pdf; Годовой отчет ПАО «Газпром» за 2016 год. С. 81, 85. URL: <http://www.gazprom.ru/f/posts/36/607118/gazprom-annual-report-2016-ru.pdf>; Statistical Report 2014 / Eurogas. 2014, December. P.6 URL: http://www.eurogas.org/uploads/media/Eurogas_Statistical_Report_2014.pdf

лишь применительно к конкретному промежутку времени. Так, с 1-го квартала 2009 г. по 3-ой квартал 2009 г. цена газа для Венгрии была самой высокой среди рассматриваемых нами стран. В дальнейшем, со 2-го квартала 2011 г. по 4-ый квартал 2011 г., а затем со 2-го квартала 2013 г. по 2-ой квартал 2016 г. самой высокой оставалась цена импорта Литвы. С начала 2014 г. по июнь-сентябрь 2015 г. цена газа для Эстонии устойчиво занимала 2-ое место.

Во-вторых, средние цены импорта российского газа для всех государств, указанных в документе Европейской комиссии, за выбранный период превышают средние значения других рассматриваемых стран. Данные на Рис. №18 имеют определенную степень условности из-за отсутствия статистики по некоторым кварталам. Однако они показывают, что средние цены для Эстонии, Латвии, Литвы и Болгарии в период 2008 – 2016 гг. по которым доступна статистика, находятся вверху списка: 1-ое место принадлежит Литве, 2-ое – Болгарии, 3-ье – Эстонии, 4-ое – Латвии.

Более показательной является динамика изменения цен внутри выбранной группы. Факт, который первым обращает на себя внимание – изменение положение цен в группе для Эстонии и Латвии. Оказавшиеся наиболее высокими в 4-ом кв. 2016 г. они были самыми низкими во всей группе в начале периода – 1-ом кв. 2008 г. Для того чтобы рассмотреть динамику изменений средних значений по всем странам, мы разделим период 2008 – 2016 гг. на две части по 4-му кв. 2011 г., по которому бóльшая часть данных отсутствует. Сравнение средних значений цен по двум выделенным таким образом периодам демонстрирует (См. Рис. №19), что высокий уровень цен

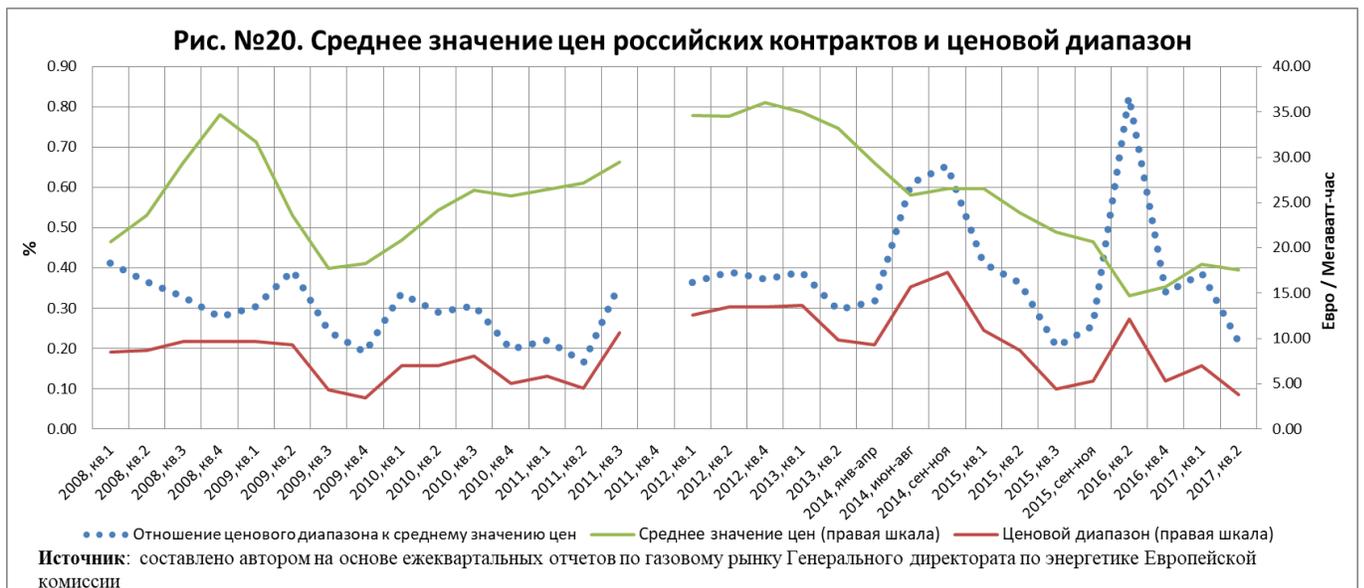
для Литвы, превышающий остальные показатели в группе, сохранялся на протяжении всего периода 2008 – 2016 гг. Положение же других стран менялось. В 2008 – 2011 гг. 2-ое и 3-ье места после Литвы занимали Словакия и Венгрия. Наименьшие значения были у Италии, Греции, а также других государств Прибалтики: Эстонии и Латвии. В период 2012 – 2016 гг. 2-ое и 3-ье места после Литвы заняли Болгария и Эстония, а наименьшие значения цен оказались у Словакии и Венгрии. Одной из причин для подобных перестановок послужила политика «Газпрома» по корректировке цен для стран Прибалтики до уровня других европейских покупателей, в рамках которой с 2005 г. осуществлялись постепенные изменения условий контрактов³⁹¹. Другая причина заключается в различии результатов переговоров с «Газпромом» в 2009 – 2015 гг., что мы кратко уже затронули, и что будет рассмотрено более подробно ниже.

В-третьих, в период 2008 – 2016 гг. размах значений цен долгосрочных контрактов значительно варьировался. Разница между максимальной и минимальной ценами в указанный период колебалась от 3,5 €/МВт·ч (4-ый кв. 2009 г.) до 17,4 €/МВт·ч (сентябрь-ноябрь 2014 г.). При этом средняя цена контрактов существенно менялась, поэтому более информативной по сравнению с абсолютными значениями является динамика показателя, демонстрирующего отношение размаха значений цен к средней цене (см. Рис. №20). На рисунке видно, что даже если

³⁹¹ Годовой отчет ОАО «Газпром» за 2005 год. С. 55. URL: http://www.gazprom.ru/f/posts/96/642868/report_rus.pdf (Дата обращения: 26.04.2017).

классифицировать пиковые значения этого показателя в качестве статистических выбросов в июне-ноябре 2014 г. и 2-ом кв. 2016 г., его среднее значение в период 2012-2016 гг. все равно превышает значение в 2008 – 2011 гг. Этот факт подтверждает обоснованность разделения всего рассматриваемого периода по 4-му кварталу 2011 г. на две части для их сравнения между собой. В период 2008 – 2011 гг. в условиях изменения средней цены до 196%, отношение ценового диапазона к средней цене находилось в пределах 19-41%, а в период 2012 – 2016 гг. при изменении цены до 245% отношение размаха значений цен к средней цене испытало более значительные колебания – от 21% до 83%.

Рассмотрим теперь динамику цен газа для европейских стран по сравнению с уровнем спотовых котировок газового хаба NBP в Великобритании и ценой нефти Brent. На Рис. №21 и №22 мы проанализируем динамику цен российского газа для Италии и Греции, для уже рассмотренных ранее стран Центральной и Восточной Европы, а также цены газа на границе с Германией. Методика сбора данных по ценам российского газа для Италии и Греции аналогична той, что была описана нами выше для стран Центральной и Восточной Европы. Данные по ценам природного газа на границе с Германией представляют собой среднюю цену импортируемого ФРГ газа, которая собрана Федеральной службой по экономике и экспортному контролю (BAFA). На основе месячных данных мы сформировали статистику по кварталам и затем перевели полученные значения из Евро/ТДж в Евро/МВт-час. Цена газа на границе с Германией, безусловно, отличается от цены российских поставок, полная статистика по которым отсутствует. Однако доступные для сравнения данные за 2008 – 2011 г. показывают, что в целом разница между ними невелика. Максимальная разница в 2,3 Евро/Мегаватт-час была достигнута в 4-ом кв. 2008 г, после чего она

не превышала 1 Евро/Мегаватт-час. Учитывая значительную силу переговорной позиции Германии, можно предполагать, что эта разница в последующие годы не увеличивалась, и таким образом, данные BAFA дают достаточно точное представление о ценах импортируемого российского газа.

График котировок NBP демонстрирует динамику цен на европейских газовых хабах. NBP выбран как наиболее ликвидный из них (если принимать во внимание весь рассматриваемый в диссертации период времени). В течение 2008-2010 гг. размах значений его показателя «чёрн» варьировался от 8 до 16³⁹², в 2014 г. он достиг отметки 26,2. Лишь к 2014 г. его обогнал газовый хаб TTF (Title Transfer Facility) в Нидерландах, показатель чёрн которого достиг к тому времени значения – 36³⁹³.

График цены нефти Brent (условия поставки FOB - free-on-board) демонстрирует общую динамику наиболее распространенного эталонного сорта сырой нефти в Европе. Спотовая цена Brent переведена из долларов США в евро для того, чтобы исключить влияние фактора колебаний обменного курса валют при сравнении. Точно соотнести доступную статистику по газовым ценам с ценой на нефть невозможно в связи с различием механизмов нефтяной привязки: используемого временного лага и варианта нефтяной привязки. Поэтому мы сделаем приблизительные оценки.

В докладе Генерального директората Европейской комиссии по конкуренции 2007 г. указывается, что в усредненном контракте на поставки российского газа привязка к нефтепродуктам составляет около 87-92%³⁹⁴. У нас нет достоверной информации о том, как именно рассчитывалась стоимость нефтепродуктов (набор нефтепродуктов, доля каждого из них, индикатор цены) в формулах на поставки газа «Газпрома». Поэтому принимая во внимание оценку Генерального директората Еврокомиссии по конкуренции, мы тем не менее возьмем для рассмотрения уровень нефти.

В отношении применяемого временного лага информация различается. На сайте «Газпрома» указано, что формула цены на газ «учитывает изменение цен на нефтепродукты за предшествующие 6–9 месяцев»³⁹⁵. Агентство по взаимодействию энергетических регуляторов (ACER) напротив заявляет, что «временной лаг в 6-9 месяцев обычно применяется для того, чтобы

³⁹² Quarterly Report on European Gas Markets / DG Energy. Volume 3, Issue 4. October 2010-December 2010. P. 6. URL: <http://ec.europa.eu/energy/en/data-analysis/market-analysis>

³⁹³ Heather P. The evolution of European traded gas hubs / The Oxford Institute for Energy Studies. 2015, December. P. 84. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2016/02/NG-104.pdf>

³⁹⁴ Цена энергии. Международные механизмы формирования цены на нефть и газ / Секретариат Энергетической хартии. 2007. С. 189.

³⁹⁵ <http://www.gazprom.ru/about/marketing/europe/>

рассчитать среднее значение показателей, к которым осуществляется привязка. Полученные значения используются для определения стоимости купленных объем за месячные или квартальные периоды»³⁹⁶. Две указанные формулировки противоречат друг другу, определяя различные временные промежутки, релевантные для газовых цен. Кроме того, значительные вариации дает и различие в длительности периодов учета. В связи с отсутствием достоверной информации о контрактах «Газпрома» с европейскими компаниями, мы должны рассмотреть период, который объединит все возможные трактовки. Дальнюю границу определяет временной лаг в 9 месяцев и квартальный период учета³⁹⁷. Ближнюю границу устанавливает период в предшествующие 6 месяцев. Таким образом, для изучения периода в два квартала нам необходимо показать динамику нефтяных цен за период, начинающийся за год до первого из кварталов и включающий в себя первый из них. Значительная протяженность рассматриваемого периода, а возможность использования привязки как к нефти, так и к нефтепродуктам обуславливает высокую степень условности полученных таким образом данных. Однако они удовлетворяют поставленным нами целям.

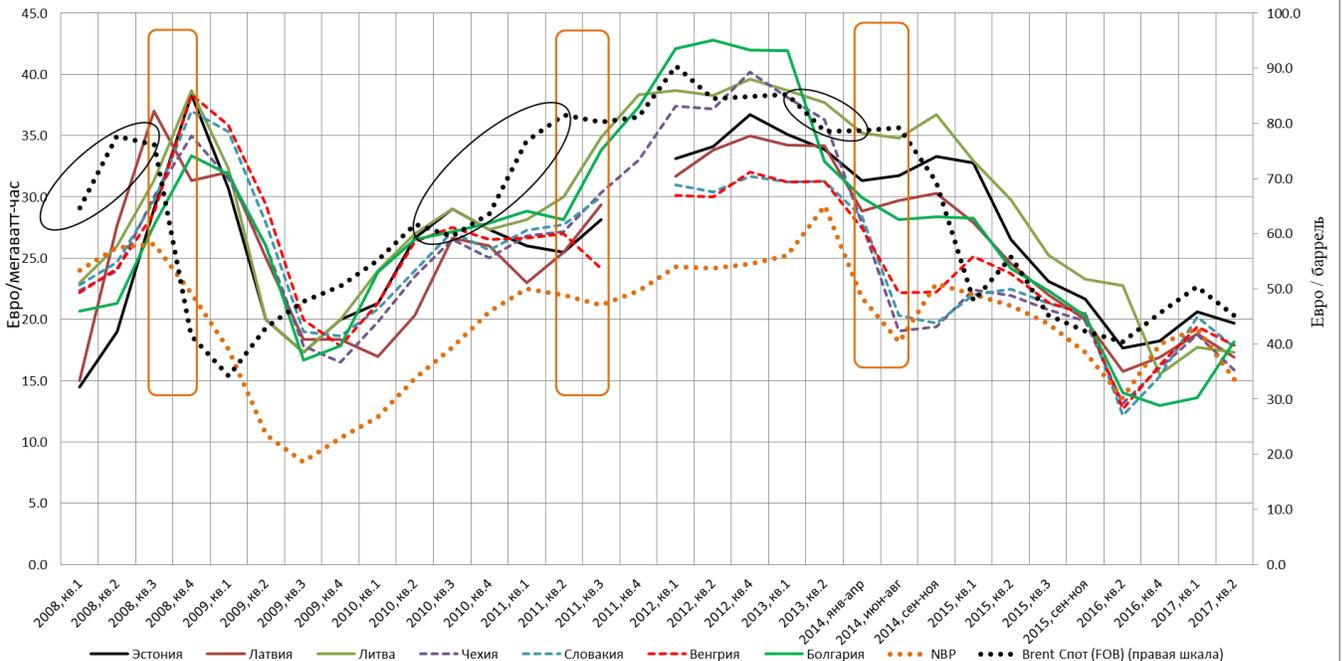
Наибольший интерес для нас представляют те периоды, когда цена на нефть и спотовые котировки газовых хабов, которые представляют собой наиболее распространенные привязки для газовых контрактов, имеют разнонаправленные векторы. Динамика изменений цен долгосрочных контрактов в эти временные периоды позволяет нам предположить, какими именно показателями они обусловлены. Интересующие нас периоды на диаграмме отмечены оранжевыми прямоугольниками. Перед каждым из них располагается черный овал, охватывающий временной период в развитии нефтяных цен, потенциально влияющий на движение графиков в рассматриваемый нами период в случае использования нефтяной привязки.

³⁹⁶ Annual Report on the Results of Monitoring the Internal Electricity and Natural Gas Markets in 2014 / Agency for the Cooperation of Energy Regulators. 2015, November 30. P. 236. URL: http://www.acer.europa.eu/official_documents/acts_of_the_agency/publication/acer_market_monitoring_report_2015.pdf

(Дата обращения: 27.07.2016)

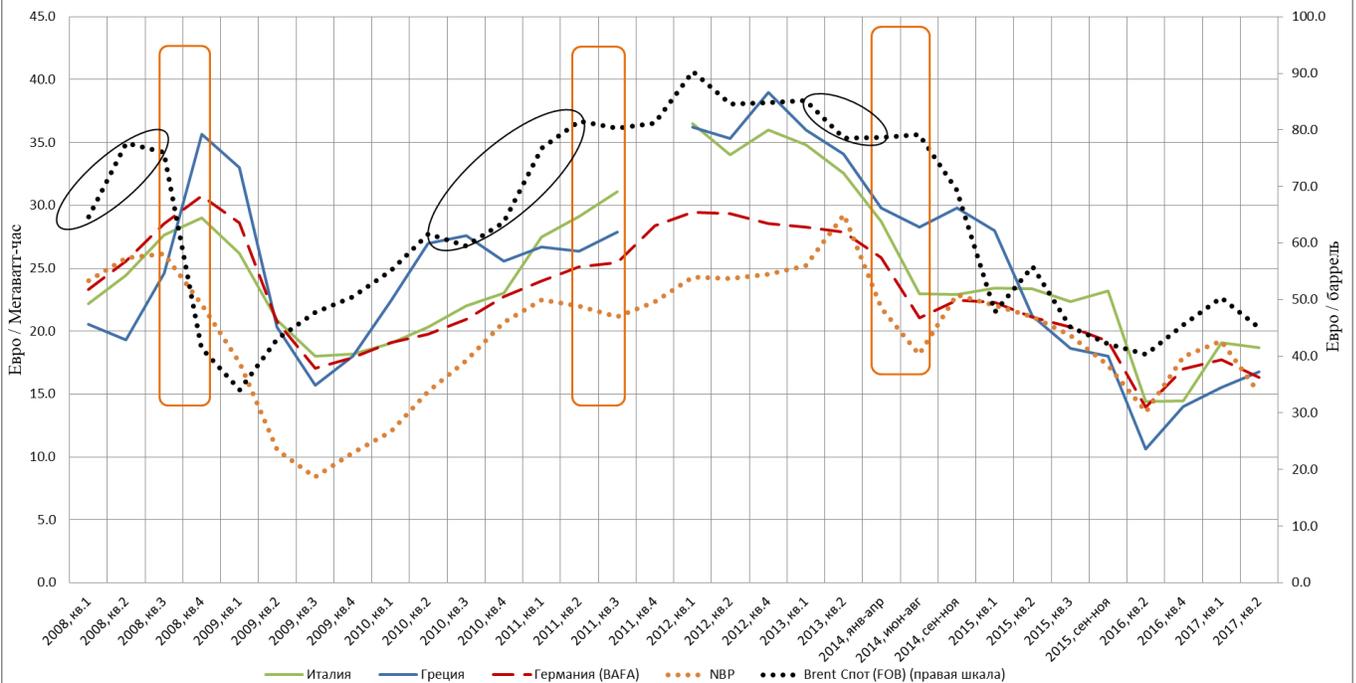
³⁹⁷ Мы понимаем, что учет нефтяных цен в настолько далеком периоде времени в газовых контрактах маловероятен. Однако не имея достоверных фактических данных обо всех контрактах, мы вынуждены учитывать имеющиеся определения как Газпрома, так и Агентства по взаимодействию энергетических регуляторов.

Рис. №21. Динамика цен российского газа для стран Центральной и Восточной Европы по сравнению с котировками NBP и Brent (2008 г. - 1-ый и 2-ой кв. 2017 г.)

Источник: составлено автором на основе ежеквартальных отчетов по газовому рынку Генерального директората по энергетике Европейской комиссии, статистических данных Управления энергетической информации США (EIA), Европейского центрального банка

Рис. №22. Динамика цен на природный газ для ряда европейских стран по сравнению со спотовой ценой NBP и ценой нефти Brent (2008 г. - 1-ый и 2-ой кв. 2017 г.)

Источник: составлено автором на основе ежеквартальных отчетов по газовому рынку Генерального директората по энергетике Европейской комиссии, статистических данных Федеральной службы по экономике и экспортному контролю Германии (BAFA), Управления энергетической информации США (EIA), Европейского центрального банка

Первый интересующий нас временной отрезок на представленных диаграммах – 3-ий и 4-ый кв. 2008 г. - начало мирового финансово-экономического кризиса. Котировки газовых хабов упали за этот период на 21%. Динамика нефтяных цен в предшествующий период с 3-го кв. 2007 по 3-ий кв. 2008 г.³⁹⁸, то есть как раз за год, предшествующий кризису, была совершенно противоположной - котировка Brent взлетела на 40% (с 54,5 до 76,1 Евро/баррель). За 3-ий и 4-ый кв. 2008 г. стоимость российского газа выросла на 17-34% для всех стран Центральной и Восточной Европы за исключением Латвии. Еще более значительным оказался рост для Греции: на 45%. Изменение цены российского газа для Италии и цены на границе Германии было очень умеренным: лишь на 8% и 5%, соответственно.

Второй период - 2-ой и 3-ий кв. 2011 г. Векторы спотовых цен на британском хабе NBP в этот период и цен на нефть со 2-го кв. 2010 по 2-ой кв. 2011 г. также разнонаправленны, хотя разрыв увеличивается медленнее, чем в первом периоде. Спотовые цены на природный газ во 2-ом и 3-ем кв. 2011 г. снизились на 4%, а цена нефти Brent со 2-го кв. 2010 по 2-ой кв. 2011 г. выросла на 32%. Векторы цен графиков всех рассматриваемых нами стран, кроме Венгрии, направлены вверх. Цена на границе Германии осталась почти без изменений (рост лишь на 1%). Для стран Южной Европы: Италии и Греции, цена выросла на 6-7%. Цена для Чехии, Словакии и Эстонии стоимость российского газа увеличилась на 8-12%. Для Литвы, Латвии и Болгарии на 15-20%.

Третий период – с января-апреля до июня-августа 2014 г. Уровень спотовых котировок газа на NBP за этот период упал на 17%. Цена на нефть за период с января 2013 г. по апрель 2014 г. снизилась на 13%. При этом падение на 7% пришлось на период с 1-го по 2-ой кв. 2013 г. – наименее релевантный для нас период времени, поэтому фактически падение нефти за период, предшествующий интересующему нас, можно оценить как более умеренное – 6%. Стоимость российского газа для Италии, Чехии, Словакии, Венгрии и цены на границе с Германией падает на 19-31%. Цена для Болгарии и Греции упала на 5-6%. В наименьшей мере падение котировок газовых цен затронуло страны Прибалтики, изменившись от -1% до +3%.

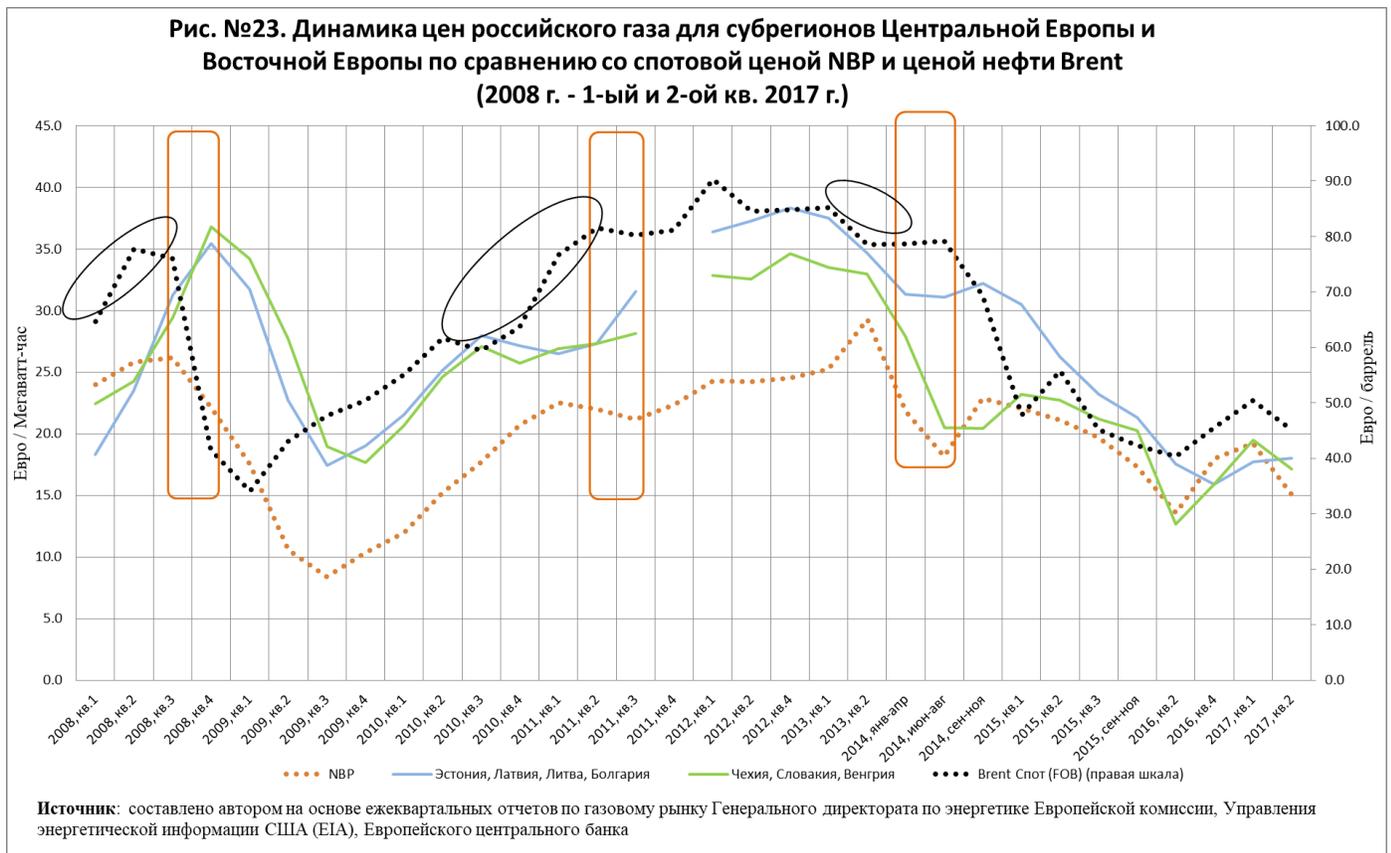
Рассмотренная нами на протяжении 3-х полугодий ценовая статистика позволяет сделать несколько выводов:

Во-первых, динамика изменений графика средней цены на границе с Германией в наибольшей степени близка к котировкам NBP в течение трех рассмотренных нами периодов. Следующий по близости график – цена российского газа для Италии. На протяжении 1-го и 2-го

³⁹⁸ Период 3-го и 4-го кв. 2007 г. не указан на графике, однако в это время цена нефти выросла с 54,5 до 61,1 Евро/баррель.

периода цена нефти, по-видимому, оказывает на них влияние, но значительно меньшее, чем на другие страны.

Во-вторых, зависимость графиков стран Центральной и Восточной Европы от графика нефти на протяжении трех временных периодов снижается. Тенденция роста газовых цен в первый период (3-ий и 4-ый кв. 2008 г.) очевидно повторяет движение нефтяных цен в предшествующий период с 3-го кв. 2007 по 3-ий кв. 2008 г. Во второй период (2-ой и 3-ий кв. 2011 г.) цены, по всей видимости, остаются незначительно связанными со спотовыми котировками. Но здесь уже становится заметным различие между странами Центральной Европы и Восточной Европы. Цены для стран Центральной Европы оказываются к этому времени в среднем ниже и, кроме того, в меньшей степени связанными с котировками нефти. К третьему периоду (с января-апреля до июня-августа 2014 г.) произошли очевидные изменения для центрально-европейских стран. Цены газа для них оказались в большей мере обусловлены спотовыми котировками. Цены для стран Восточной Европы в этот период отрываются от стран Центральной Европы, никак не реагируя на падение цен на газовых хабах. К концу же рассматриваемого нами периода, к 4-му кв. 2016 г. цены для стран двух упомянутых субрегионов опять сближаются (см. Рис. №23), причем спред между ними и спотовыми котировками становится незначительным.

Для объяснения причин выявленных нами различий, вернемся к вопросу о соотношении сил переговорных позиций, затронутому нами в предыдущем параграфе. Как было показано, двумя важными факторами, влияющими на силу переговорной позиции компании страны-импортера, являются рыночная концентрация и объем рынка. В Табл. №6 представлены показатели потребления газа, зависимости от России и развития газовых хабов для всех стран-членов ЕС. Поскольку в этом параграфе мы сосредоточили внимание на характеристиках лишь российских контрактов, то мы можем операционализировать фактор монополизации рынка для выбранных нами ранее стран через показатель зависимости от России. Рассмотренные нами ранее группы государств-членов ЕС выделены в верхней части таблицы.

Табл. №6. Факторы, влияющие на силу переговорных позиций стран ЕС						
	Потребление газа	Поставки из России	Зависимость от России	Крупнейший поставщик	Развитие газовых хабов	
	Тераватт-час	Тераватт-час	%		Индекс	Название
Германия	956	436	46%	Россия	10; 9	NGC (Net Connect Germany); GPL (Gaspool)
Италия	741,6	254	34%	Россия	6	PSV (Punto di scambio virtuale)
Чехия	88	55,7	63%	Россия	4	VOB (Virtuální Obchodní Bod)
Словакия	54,3	58,3	107%	Россия	0	SK
Венгрия	104,2	86	83%	Россия	0	MGP (Magyar Gáz Ponton)
Греция	41,6	27,6	66%	Россия	-	-
Эстония	7	7	100%	Россия	-	-
Латвия	15	15	100%	Россия	-	-
Литва	28	28	100%	Россия	-	-
Болгария	27,9	27	97%	Россия	-	-
Австрия	90,2	55,8	62%	Россия	6	VTP (Virtual Trading Point)
Бельгия	183	2	1%	Норвегия	7	ZEE (Zeebrugge)
Великобритания	851	0	0%	Внутреннее пр-во	15	NBP (National Balancing Point)
Дания	25,8	0	0%	Внутреннее пр-во	0	GTF (Gas Transfer Facility)
Ирландия	49,7	0	0%	Великобритания	-	-
Испания	333,5	0	0%	Алжир	2 / 3.	AOC
Польша	178,5	102,3	57%	Россия	0	VPGS (Virtual Point Gaz-System)
Кипр	0	0	0	-	-	-
Люксембург	11,6	2,9	25%	Норвегия	-	-
Мальта	0	0	0	-	-	-
Нидерланды	431	22,1	5%	Внутреннее пр-во	15	TTF (Title Transfer Facility)
Португалия	47,8	0	0%	Алжир	-	-
Румыния	132,6	20,3	15%	Внутреннее пр-во	-	-
Словения	7,6	5,5	72%	Россия	-	-
Финляндия	35,8	35,8	100%	Россия	-	-
Франция	501,6	90	18%	Норвегия	7; 4; 3	PEG Nord; PEG Sud; PEG TIGF
Хорватия	29,50	0%	0%	Внутреннее пр-во	-	-
Швеция	12,40	0%	0%	Дания	-	-

Источник: Eurogas, The Oxford Institute for Energy Studies.

Примечание: 1) Информация приведена по состоянию на 2013 г. Исключение составляет индекс развития газовых хабов, составленный на основе данных за 2014 г.
2) Объем импорта Словакии из России превышает объем потребления, по-видимому, вследствие использования газохранилищ.

В зависимости от значений факторов монополизации рынка и объема потребления, мы провели классификацию стран-импортеров российского газа (из тех, что мы рассмотрели ранее) по 3 группам:

- 1-ую группу составляют Германия и Италия. Эти страны представляют собой два самых крупных рынка газа среди стран ЕС, потребляющих 956 тераватт-час/год и 742 тераватт-час/год соответственно. Они также характеризуются низкой степенью зависимости от России, удовлетворяя лишь 35-45% своих потребностей в природном газе за счет российских поставок. Цены для этих стран раньше других стали напоминать движение котировок газовых хабов.
- 2-ая группа – страны Центральной Европы: Чехия, Словакия, Венгрия. В эту группу можно отнести также Грецию. Объем потребления газа упомянутых стран находится приблизительно в диапазоне 40-100 тераватт-час/год. Степень зависимости от России достигает 60-80% от общего объема потребления. Единственным исключением здесь выступает Словакия, которая полностью зависит от поставок из России.
- 3-ья группа – страны Прибалтики: Литва, Латвия, Эстония и Болгария. Размах значений объема потребления этих стран варьировался от 10 до 30 тераватт-час/год. Степень зависимости от России достигает около 100% от общего объема потребления.

Данные в таблице и страновой состав трех указанных групп демонстрируют, что страновые характеристики степени монополизации рынка и объема потребления совпадают с выявленными нами межгосударственными различиями по времени изменения цен и контрактных условий. Однако несмотря на ярко выраженную взаимосвязь между этими факторами, это не является однозначным свидетельством злоупотребления «Газпрома» доминирующим положением или оказании давления, подтверждающим мнение ряда западных авторов, мыслящих в рамках реалистической парадигмы.

Причины различия цен имеют несколько составляющих. Первый компонент – сравнительно незначительные различия цен, характерные для стран внутри указанных выше групп, имеющих схожие характеристики рыночной концентрации и объема рынка. К примеру, различия цен для Литвы, с одной стороны, и Эстонии и Латвии, с другой стороны, в период 2008-2011 гг. (см. Рис. №19). Как было показано в предыдущем параграфе, эти различия могут быть следствием как использования Гронингенской модели ценообразования (предполагающей различные цены для различных рынков), так и влияния политического фактора (на что указывают

многие европейские авторы). Имеющихся у нас данных недостаточно для более детального изучения этого вопроса.

Второй компонент - значительный размах значений цен в 3-4 кв. 2011 – 1-2 кв. 2015 гг., особенно заметный при сравнении между группами стран. Расширение ценового диапазона в этот период было обусловлено динамикой изменений условий контрактов. Последнюю следует объяснить соотношением переговорных позиций, которые в свою очередь зависели от объема рынка, степени его монополизации и тесно связанного с ней – уровня развития газовых хабов.

Страны с сильной переговорной позицией быстрее добились изменения условий контрактов. Слабая переговорная позиция других государств позволяла российскому монополисту сохранять более выгодную ему систему ценообразования и таким образом удерживать более высокий уровень цен на рынках. В условиях высоких цен на нефть и низких цен на газовых хабах спред между странами на несколько лет значительно расширился.

Непосредственными причинами увеличения размаха значений цен являлись:

1. Географически неравномерный рост использования индексов спотовых котировок газовых хабов в качестве привязки для цен долгосрочных газовых контрактов в странах Западной Европы, что обусловило расширение ценового диапазона между странами Западной Европы, с одной стороны, и государствами Центральной и Восточной Европы, с другой стороны, вследствие снижения его нижней границы.
2. Сопrotивление «Газпрома» изменению зафиксированных в контрактах условий, основанных на использовании Гронингенской модели ценообразования и нефтяной привязки.
3. Различие в соотношении сил переговорных позиций между контрагентами «Газпрома», которое и обусловило время изменения контрактных условий: более короткое для стран с низкой степенью монополизации рынка и высоким объемом потребления и, соответственно, более продолжительное для государств с высокой степенью монополизации рынка и низким объемом потребления.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что следует говорить не о злоупотреблении «Газпрома» монопольным положением, а о давлении на российскую компанию со стороны европейских стран, которое для стран с диверсифицированным пулом поставщиков увенчалось скорым успехом, а для стран с доминирующим положением «Газпрома» оставалось долгое время безуспешным.

Также мы можем существенно дополнить отмеченное в исследовании Института энергетики НИУ ВШЭ и Института энергетических исследований РАН³⁹⁹ различие между европейскими субрегионами в отношении процесса пересмотра условий контрактов с «Газпромом». Отчетность «Газпрома» и информация из СМИ и других источников, на которые ссылаются авторы, показывает, что для Германии и Франции была введена спотовая индексация, для остальных стран ЕС были предоставлены скидки, и лишь для части из них вместе с предоставлением скидок был снижен объем «бери или плати». Насколько именно был снижен объем «бери или плати» оставалось неизвестным, что обуславливало сложность оценки реальных различий результатов переговоров между «Газпромом» и большинством стран-импортеров российского газа.

Проанализировав ценовую статистику, мы можем сделать вывод, что различия являются существенными. Они обусловили различный уровень средних цен, взятых за период 3-4 кв. 2011 – 1-2 кв. 2015 гг., и, кроме того, различное время изменения контрактных условий: более короткое для стран с низкой степенью монополизации рынка и высоким объемом потребления и, соответственно, более продолжительное для государств с высокой степенью монополизации рынка и низким объемом потребления.

Особо отметим, что информация из открытых источников не позволяет достоверно утверждать, к каким показателям и в какой мере действительно были привязаны цены в течение рассматриваемого периода или в какое время одна модель ценообразования сменила другую в контрактах на импорт российского газа для конкретной страны. Это объясняется значительным числом контрактных условий, от которых в действительности зависит импортная цена в определенный момент времени. Так, к примеру, снижение цен в контрактах могло быть обусловлено не расширением использования индекса спотовых котировок газовых хабов, а предоставлением скидок. Эксперты Института энергетики НИУ ВШЭ и Института энергетических исследований РАН, анализируя подходы поставщиков газа в Европу по изменению контрактных обязательств, выделили ряд уступок, на которые пошел «Газпром»: «преимущественно скидки и частичная индексация по споту (в рамках объемов сверх “бери или плати”, всех объемов поставок, или в рамках ретроактивных платежей)», а также «отдельные изменения по условиям “бери или плати”, преимущественно перенос обязательств на другой срок»⁴⁰⁰. Выяснение деталей конкретных контрактов, безусловно, способствовало бы выполнению поставленных в

³⁹⁹ Газовый рынок Европы. Утраченные иллюзии и робкие надежды / Под ред. В.А. Кулагина и Т.А. Митровой. М.: НИУ ВШЭ, ИНЭИ РАН, 2015. С. 42. URL: https://www.eriras.ru/files/gazovyy_rynok_evropy.pdf (Дата обращения: 06.07.2016)

⁴⁰⁰ Там же. С. 40.

исследовании целей и задач, однако с учетом имеющихся в нашем распоряжении данных не представляется возможным. Но самое главное, это не является обязательным условием нахождения ответов на поставленные вопросы. Принципиальную важность для нас имеет изменение контрактных условий, которое, как мы выяснили, обусловило цену, отражающую к концу периода фактическое падение спотовых котировок газовых хабов.

ВЫВОДЫ к 3-ей главе

В этой главе мы проанализировали трансформацию системы ценообразования на газовом рынке ЕС и ее влияние на внешнюю энергетическую политику России. Было показано, что в условиях изменения спроса и предложения на европейском рынке, увеличившейся конкуренции между компаниями-производителями, проведения антимонопольного расследования Европейской комиссией и неблагоприятных решений арбитражных судов «Газпром» оказался перед выбором: или потерять рынок, или согласиться на уступки; и был вынужден пойти на постепенный отход от принципов Гронингенской модели ценообразования на природный газ.

В результате в течение 2006 – 2016 гг. реализация многих из поставленных в Энергетической стратегии задач осложнилась. Одной из них является задача получения наибольшей выгоды для национальной экономики и обеспечения стабильных поступлений в бюджет. Выгоды для национальной экономики от торговли энергоресурсами крайне разнообразны, и среди них нужно учитывать такие факторы, как например, увеличение числа предприятий ТЭК, заказы для промышленного производства, и связанное с этим создание новых рабочих мест. Однако рассмотрев эту задачу в более узком формате и объединив ее с целью по «обеспечению стабильных поступлений в доходную часть консолидированного бюджета России»⁴⁰¹, мы пришли к выводу, что в течение рассматриваемого периода Россия столкнулась с угрозой уменьшения выручки от экспорта газа, обусловленного падением цен и снижением объемов поставок. Оба фактора имели множество предпосылок, из которых мы сфокусировали внимание на реструктуризации самого рынка.

Выполнение задач по укреплению российских позиций и оказанию дипломатической поддержки интересов национальных компаний за рубежом было осложнено в результате снижения доли России в импорте ЕС в 2006 – 2015 гг. и сопутствующего ослабления переговорных позиций. Имеющихся в нашем распоряжении данных оказалось недостаточно для того, чтобы детально охарактеризовать значение фактора силы переговорных позиций для определения условий контрактов при использовании Гронингенской модели ценообразования. Однако мы продемонстрировали, что доля на рынке и сила переговорных позиций имели большое значение при проведении переговоров о том, какая именно система ценообразования будет в дальнейшем использоваться в контрактах.

⁴⁰¹ Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. 2009, 13 ноября. Раздел VI, Параграф 5. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (Дата обращения: 15.05.2017).

На реализацию целей и задач российской внешней энергетической политики повлияла не только реструктуризация европейского рынка, но и многие другие причины, среди которых можно назвать как экономические (динамика цен на нефть и цен на спотовом рынке газа), так и политические факторы (ситуация в отношениях России с Европой и США). К примеру, задача по диверсификации рынков сбыта и маршрутов экспорта российских энергоресурсов столкнулась со значительными сложностями не только в результате ограничительных положений 3-го энергопакета, что было отмечено нами выше, но и в результате наложения санкций на российские компании со стороны США и стран ЕС. Наложение санкций создало трудности для реализации проектов создания СПГ-терминалов, поскольку, как указывают Дж. Хендерсон (James Henderson) и Т.А. Митрова, это привело к осложнению финансирования проектов международными банками, а также снижению заинтересованности потенциальных покупателей⁴⁰². Также в связи с антироссийскими санкциями ЕС и США значительно усложнилась задача обеспечения доступа к передовым энергетическим технологиям. По мнению Е.А. Сидоровой, в краткосрочной перспективе это практически не повредило российскому энергетическому сектору, однако в долгосрочной перспективе может нанести серьезный ущерб российской экономике⁴⁰³.

⁴⁰² Henderson J., Mitrova T. The political and commercial Dynamics of Russia's Gas Export Strategy / The Oxford Institute for Energy Studies. 2015, September. P. 8-9. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2015/09/NG-102.pdf> (Last retrieved: 04.07.2016).

⁴⁰³ Сидорова Е.А. Энергетика России под санкциями Запада // Международные процессы. 2016. Том 14, № 1. С. 143-155. URL: <http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/1099/clkeO7hUfS.pdf> (Дата обращения: 03.09.2016)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей диссертационной работе основное внимание было уделено проблемам осложнения реализации целей и задач российской внешней энергетической политики на европейском рынке и сопутствующего роста угроз для энергетической безопасности России. На возможность реализации этих целей и задач повлиял целый комплекс факторов, среди которых можно назвать как экономические (динамика цен на нефть и цен на спотовом рынке газа), так и политические факторы (ситуация в отношениях России с Европой и США). Гипотезой нашего исследования в отношении указанной проблемы выступило предположение о том, что одной из важных предпосылок осложнения реализации российской внешней энергетической политики являлась актуализация проблематики энергетической безопасности в Европейском союзе. Детально проанализировав эту гипотезу, мы пришли к выводу, что фактор восприятия энергетической безопасности, действительно, сыграл значительную роль, способствовал активизации либерализации европейского рынка природного газа, а также падению спроса на природный газ вследствие развития ряда иных направлений европейской энергетической политики (к примеру, в области ВИЭ). Мы также сформулировали механизм этого влияния.

Недостаточность внимания в научной литературе к вопросам восприятия безопасности обусловлена, на наш взгляд, тем, что очень значительная доля экспертных оценок базируется на положениях парадигмы неореализма. В результате в большом числе как отечественных, так и зарубежных работ международные отношения рассматриваются как взаимодействие, прежде всего, между государственными акторами, анализ проводится в терминах игры с нулевой суммой, авторы исходят из предпосылок о принципиально несовместимом восприятии интересов различных игроков, трактуют безопасность в терминах геополитики и зачастую приходят к выводу о неизбежном противоборстве государств. В работах многих европейских авторов особо подчеркиваются связи «Газпрома» с государственным аппаратом и переплетение коммерческих интересов компании с целями государственной политики, а также утверждается, что Россия использует энергетику для оказания политического и экономического влияния на страны-импортеры и достижения внешнеполитических целей. Во многих отечественных исследованиях проблемы российско-европейских отношений объясняются вмешательством Европейской комиссии, деструктивной ролью транзитных стран или влиянием США, которые пытаются не допустить тесного российско-европейского партнерства.

Безусловно, в научной литературе и экспертных комментариях представлен не только подход неореализма, но и другие основные парадигмы международных отношений: как неолиберализм, так и постпозитивистские направления. Для упомянутых направлений в большей мере характерен отказ от возложения ответственности лишь на одну из сторон взаимодействия и защита точки зрения о том, что к конфронтации приводят действия или особенности политической жизни как России, так и Европы. Тем не менее вопросам взаимовосприятия уделяется недостаточное внимание. В результате этого была обнаружена вторая основная проблема данного исследования, которую можно отнести к классу познавательных проблем - влияние восприятия безопасности одними политическими акторами на политический курс других акторов, масштабы и механизм этого воздействия.

Пытаясь найти ответы на поставленные вопросы, мы подвергли подробному изучению восприятие энергетической безопасности в ЕС. Анализ статистических данных по официальным документам Европейской комиссии, Европейского парламента и Совета ЕС, а также по научным работам исследователей, работающих в различных европейских научных центрах, позволил сделать вывод о том, что проблематика энергетической безопасности фактически не привлекала значительного внимания ни европейских исследователей, ни ключевых политических институтов до 2006 г., когда произошла резкая актуализация указанных вопросов в научной среде и рост их важности в политической повестке дня. Анализ Зеленых книг Еврокомиссии и взаимосвязанных с ними документов Европарламента и Совета ЕС продемонстрировал, что к 2006 г. обозначились следующие изменения: в качестве основной угрозы энергетической безопасности ЕС вместо вопроса о гарантированности поставок нефти стали рассматриваться проблемы газообеспечения, возросла актуальность вопроса о проведении единой энергетической политики и общеевропейского регулирования энергетических рынков, с Россией в большей мере стали связываться угрозы безопасному энергоснабжению.

Изменение роли проблем энергетической безопасности, которое проявилось как в росте значения этих проблем среди других вопросов, так и в изменении понимания их сути, являлось одним из важнейших факторов второго этапа активизации либерализации, начавшегося во второй половине 2000-х гг. Применяв концепцию множественных потоков, мы продемонстрировали, что во второй половине 2000-х гг. открылось «окно возможностей», обусловленное факторами в потоке проблем (актуализация вопросов энергетической безопасности), потоке решений (изменение баланса спроса и предложения на рынке) и политическом потоке (поддержка либерализации со стороны многих крупных игроков). Этим «окном возможностей»

воспользовалась Европейская комиссия, способствовав восприятию либерализации как решения проблем энергетической безопасности.

Рассматривая актуализацию проблематики энергетической безопасности в ЕС, необходимо также отметить роль российско-украинских кризисов 2006 и 2009 гг., которые имели символическое значение для европейского дискурса энергетической безопасности. Опираясь на статистические данные и анализ различных факторов активизации либерализации рынка, мы считаем, что значение упомянутых кризисов заключается в том, что они, во-первых, стали символом целого ряда российско-европейских столкновений в середине-второй половине 2000-х гг. и способствовали фокусированию внимания на активизации российской энергетической политики, во-вторых, выступили своего рода тревожным звонком, способствовавшим повышению значимости вопросов энергобезопасности в политической повестке дня и, наконец, в итоге открыли «окно возможностей» для дальнейшей либерализации рынка.

Продолжение процесса либерализации рынка, заключающееся в первую очередь в изменении юридических норм, регулирующих взаимодействие различных игроков на газовом рынке ЕС, а также иные факторы, такие как изменение баланса спроса и предложения на европейском рынке и особенности проведения арбитража между коммерческими компаниями при появлении разногласий между ними, обусловили трансформацию системы ценообразования в контрактах на поставки российского газа.

Изучив влияние политико-правового фактора, мы должны отметить, что нормы 3-го энергопакета (такие как регулирование доступа 3-ей стороны или ужесточение разделения собственности) не оказали непосредственного влияния на изменение системы ценообразования в контрактах «Газпрома», поскольку система ценообразования 3-ей газовой директивой не затрагивается. Однако 3-ья директива обуславлила активизацию процесса либерализации рынка, заключающуюся в появлении новых игроков и новых правил поведения. Поэтому скорее следует говорить о том, что правовое регулирование повлияло на контрагентов «Газпрома» (поскольку рост конкуренции делал существующие условия контрактов невыгодными), а контрагенты «Газпрома» - уже непосредственно на российскую компанию через арбитражи или путем обычных переговоров.

Таким образом, в условиях изменения спроса и предложения на европейском рынке, увеличившейся конкуренции между компаниями-производителями, проведения антимонопольного расследования Европейской комиссией и неблагоприятных решений арбитражных судов «Газпром» оказался перед выбором: или потерять рынок, или согласиться на уступки; и был

вынужден пойти на постепенный отход от условий Гронингенской модели ценообразования на природный газ.

Применение этой модели в контрактах на поставки российского газа многие европейские эксперты связывают с оказанием политического и экономического влияния Россией и «Газпромом» на наиболее зависимых импортеров. Рассмотренные нами статистические данные, действительно, подтверждают существование зависимости уровня цен от степени монополизации рынка и объема потребления. Однако, на наш взгляд, ограниченность по времени существования значительного ценового спреда для различных рынков и причины его возникновения не позволяют говорить об использовании Кремлем «Газпрома» в качестве энергетического оружия.

Существование значительного размаха значений цен на российский газ для различных стран ЕС в первой половине 2010-х гг. не было связано с оказанием политического и экономического влияния Россией и «Газпромом» на наиболее зависимых импортеров, что предполагается в рамках концепции энергетического оружия. Непосредственными причинами расширения ценового диапазона являлись:

1. Географически неравномерное увеличение использования индексов спотовых котировок газовых хабов в качестве привязки для цен долгосрочных газовых контрактов, что обусловило расширение ценового диапазона между странами Западной Европы, с одной стороны, и государствами Центральной и Восточной Европы, с другой стороны, вследствие снижения его нижней границы.
2. Сопrotивление «Газпрома» изменению контрактных условий, изначально основанных на использовании Гронингенской модели ценообразования и нефтяной привязке.
3. Различие в соотношении сил переговорных позиций между контрагентами «Газпрома», которое и обусловило время изменения контрактных условий: более короткое для стран с низкой степенью монополизации рынка и высоким объемом потребления и, соответственно, более продолжительное для государств с высокой степенью монополизации рынка и низким объемом потребления.

Следовательно, представление об использовании «Газпромом» ценового фактора для реализации поставленных перед ним политических и экономических задач – не имеет под собой значительных оснований.

В качестве конкретных проявлений негативного влияния восприятия энергетической безопасности на российскую внешнюю энергетическую политику мы выявили следующие:

1. Осложнение задачи по диверсификации рынков сбыта и маршрутов экспорта российских энергоресурсов в результате активизации либерализации и применения ограничительных положений 3-го энергетического пакета. В результате лишь один из двух экспортных газопроводов в ЕС, приоритетность которых указана в Энергетической стратегии до 2030 г., был реализован. Газопровод «Северный поток», строительство которого началось на момент утверждения энергетической стратегии в 2009 г., был введен в эксплуатацию в 2011-2012 гг., а реализация проекта газопровода «Южный поток», соглашение о строительстве которого было подписано, прекратилось в 2014 г.
2. Появление трудностей для получения наибольшей выгоды для национальной экономики и обеспечению стабильных поступлений в бюджет. Это произошло в результате ряда причин. Во-первых, вследствие снижения потребления природного газа в ЕС в результате разработки политики по активному развитию возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и соответствующего снижения потребности в импорте российского природного газа. Во-вторых, из-за активизации либерализации природного газа и последовавшей трансформации системы ценообразования в контрактах на поставки российского газа. Постепенное замещение Гронингенской модели ценообразования на спотовую, по мнению ряда экспертов, приводит к увеличению рисков для стран-поставщиков в связи со снижением стабильности спроса и осложнением заемного финансирования, необходимого для разработки новых сложных и капиталоемких проектов. Кроме того, отказ от Гронингенской модели исключает возможность получения дополнительной выгоды государствами-экспортерами через извлечение ренты Хотеллинга, что снижает общую прибыльность экспорта природного газа.
3. Осложнение задачи по укреплению российских позиций и оказанию дипломатической поддержки интересов национальных компаний за рубежом, что обусловлено снижением значения российского экспорта для 28 стран ЕС относительно как объема поставок, так и доли на рынке в период 2006 – 2015 гг., происходившее одновременно с ростом роли европейского рынка для «Газпрома» в финансовом плане и в отношении физического объема проданного природного газа. Благодаря отсутствию полноценной правосубъектности наднациональных структур ЕС в сфере энергетики на настоящий момент опасные последствия усиления асимметричной взаимозависимости в пользу ЕС пока отсутствуют. Тем не менее в случае укрепления роли наднациональных структур ЕС

текущий тренд в сфере энергетики может иметь негативные последствия для российской политики.

Необходимо отметить, что современная трансформация европейского рынка природного газа создает не только риски, но и новые возможности для реализации целей и задач российской внешней энергетической политики. Происходящие изменения, действительно, вынуждают Россию и «Газпром» менять свои стратегии, приспосабливаться к условиям либерализованного рынка и биржевой торговли, учитывать бóльшую волатильность цен, однако новые условия могут быть выгодными для всех участников взаимодействия. В частности потому, что система долгосрочных контрактов обуславливает высокую вовлеченность государственных органов в торговлю газом и, следовательно, высокую роль геополитики в газозергетике. Следовательно, в условиях расширения практики заключения спотовых контрактов можно предполагать снижение политизированности российско-европейских отношений в энергетике. Это может привести к сокращению числа ограничительных барьеров, связанных с обеспечением энергетической безопасности, и позволит укрепить позиции на рынке ЕС.

Ряд вопросов, рассмотренных в диссертационной работе, продолжают сохранять потенциал для более подробного изучения. Среди дальнейших направлений исследований наиболее перспективными, на наш взгляд, являются следующие:

1. более детальное исследование динамики колебаний цен российского газа для стран Центральной и Восточной Европы для проверки предполагаемой многими европейскими авторами взаимосвязи с проблемами взаимоотношений указанных стран с Россией;
2. более подробное изучение процесса актуализации вопросов энергетической безопасности в Европейском союзе в середине 2000-х гг., нацеленное на выявление ключевых акторов внутри Европейской комиссии и остальных политических институтов ЕС, способствовавших повышению значимости этих вопросов в политической повестке дня;
3. оценка возможностей реализации российской энергетической политики в условиях спотового рынка природного газа в ЕС и выработка рекомендаций для государственных органов по соответствующей адаптации целей и задач внешней энергетической политики России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. ИСТОЧНИКИ

1.1. Источники официального происхождения

1.1.1. Правовые акты Российской Федерации и Европейского союза, материалы государственных институтов России, государственных и транснациональных институтов ЕС

1. Энергетическая стратегия России на период до 2020 года [Электронный ресурс]. 2003, 28 августа. URL: http://www.energystrategy.ru/projects/ES-28_08_2003.pdf (Дата обращения: 22.05.2017).
2. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года [Электронный ресурс]. 2009, 13 ноября. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (Дата обращения: 15.05.2017).
3. 2347th Council meeting (Energy / Industry) [Electronic resource] / Council of the European Union. Brussels. 2001, 14-15 May. URL: http://europa.eu/rapid/press-release PRES-01-181_en.htm?locale=en (Last retrieved: 06.04.2018).
4. 2394th Council meeting (Energy / Industry) [Electronic resource] / Council of the European Union. Brussels. 2001, 4-5 December. URL: http://europa.eu/rapid/press-release PRES-01-452_en.htm?locale=en (Last retrieved: 06.04.2018).
5. 2717th Council Meeting (Transport, Telecommunications and Energy) [Electronic resource] / Council of the European Union. Brussels. 2006, 14 March. URL: http://europa.eu/rapid/press-release PRES-06-67_en.htm?locale=en (Last retrieved: 06.04.2018).
6. 2735th Council Meeting (Transport, Telecommunications and Energy) [Electronic resource] / Council of the European Union. Luxembourg. 2006, 8-9 June. URL: http://europa.eu/rapid/press-release PRES-06-167_en.htm?locale=en (Last retrieved: 06.04.2018).
7. A Framework Strategy for a Resilient Energy Union with a Forward-Looking Climate Change Policy [Electronic resource] / European Commission. 2015, February 25. 21 p. URL: http://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:1bd46c90-bdd4-11e4-bbe1-01aa75ed71a1.0001.03/DOC_1&format=PDF (Last retrieved: 26.09.2016)
8. Annual Report on the Results of Monitoring the Internal Electricity and Natural Gas Markets in 2013 [Electronic resource] / Agency for the Cooperation of Energy Regulators. 2014, October 22. P. 176. URL: http://www.acer.europa.eu/official_documents/acts_of_the_agency/publication/acer_market_monitoring_report_2015.pdf (Last retrieved: 27.07.2016)

9. Annual Report on the Results of Monitoring the Internal Electricity and Natural Gas Markets in 2014 [Electronic resource] / Agency for the Cooperation of Energy Regulators. 2015, November 30. 326 p. URL: http://www.acer.europa.eu/official_documents/acts_of_the_agency/publication/acer_market_monitoring_report_2015.pdf (Last retrieved: 27.07.2016)
10. Antitrust: Commission fines E.ON and GDF Suez €553 million each for market-sharing in French and German gas markets [Electronic resource] / European Commission. Brussels. 2009, 8 July. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-09-1099_en.htm (Last retrieved: 11.02.2018)
11. Antitrust: Commission sends Statement of Objections to Gazprom – Factsheet [Electronic resource] / European Commission. 2015, April 22. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-15-4829_en.htm (Last retrieved: 23.08.2016).
12. Aufkommen und Export von Erdgas (1991-2016) [Electronic resource] / BAFA. URL: http://www.bafa.de/bafa/de/energie/erdgas/ausgewaehlte_statistiken/egasmon.pdf (Last retrieved: 16.08.2016).
13. Aufkommen und Export von Erdgas sowie die Entwicklung der Grenzübergangspreise ab 1991 [Electronic resource] / BAFA [Bundesamt für Wirtschaft und Ausfuhrkontrolle]. URL: http://www.bafa.de/SharedDocs/Downloads/DE/Energie/egas_aufkommen_export_1991.xls?__blob=publicationFile&v=6 (Last retrieved: 29.03.2016).
14. Communication from the Commission published pursuant to Article 27(4) of Council Regulation (EC) №1/2003 in Case AT.39816 [Upstream gas supplies in central and eastern Europe (2017/C 81/09)] [Electronic resource] // Official Journal of the European Union. Vol.60. March 16th, 2017. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:2017:081:FULL&from=EN> (Last retrieved: 27.03.2017).
15. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. European Energy Security Strategy / European Commission. COM (2014) 330, 2014, May 28. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52014DC0330> (Last retrieved: 16.09.2016)
16. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions: Energy 2020 - A Strategy for competitive, sustainable and secure energy [Electronic resource] / European Commission. COM (2010) 639, 2010, November 10. URL: https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/documents/2011_energy2020_en_0.pdf (Last retrieved: 30.09.2016)

17. Dreyer I., Stang G. Energy moves and power shifts: EU foreign policy and global energy security [Electronic resource] / The European Union Institute for Security Studies (EUISS). Report № 18. 2014, February 14. 96 p. URL: http://www.iss.europa.eu/uploads/media/Report_18.pdf (Last retrieved: 31.08.2016).
18. Energy balance sheets 2013 data [Electronic resource] / Eurostat. 2015. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/6898731/KS-EN-15-001-EN-N.pdf/e5851c73-9259-462e-befc-6d037dc8216a> (Last retrieved: 07.07.2016).
19. European Parliament resolution on a European Strategy for Sustainable, Competitive and Secure Energy / European Parliament. 2006, 23 December. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1523886185779&uri=CELEX:52006IP0603> (Last retrieved: 06.04.2018)
20. European Parliament resolution on security of energy supply in the European Union [Electronic resource] / European Parliament. 2006, 01 December. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1523886185779&uri=CELEX:52006IP0110> (Last retrieved: 06.04.2018)
21. Gas: Liberalised Markets and Security of Supply. 17th Report of Session 2003-04 [Electronic resource] / European Union Committee. House of Lords. London: The Stationery Office Limited. 2003, 24 June. 61 p. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/ld200304/ldselect/ldeucom/105/105.pdf> (Last retrieved: 28.10.2017).
22. Green Paper - Towards a European strategy for the security of energy supply [Electronic resource] / European Commission. 2000, November 29. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex:52000DC0769> (Last retrieved: 30.09.2016)
23. Green Paper: A European strategy for sustainable, competitive and secure energy / European Commission. 2006, March 8. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52006DC0105> (Last retrieved: 30.09.2016)
24. In-depth study of European Energy Security [Electronic resource] / European Commission. 2014, July 2. URL: http://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/documents/20140528_energy_security_study.pdf (Last retrieved: 31.08.2016).
25. Quarterly Report on European Gas Markets [Electronic resource] / DG Energy. Volume 3, Issue 4. October 2010-December 2010. 25 p. URL: <http://ec.europa.eu/energy/en/data-analysis/market-analysis>

26. Quarterly Report on European Gas Markets [Electronic resource] / DG Energy. Volume 4, Issue 4. October 2011-December 2011; Volume 5, Issue 1. January 2012-March 2012. 29 p. URL: <http://ec.europa.eu/energy/en/data-analysis/market-analysis>
27. Quarterly Report on European Gas Markets [Electronic resource] / DG Energy. Volume 9. Issue 4. Fourth quarter of 2016. 32 p. URL: https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/documents/quarterly_report_on_european_gas_markets_q4_2016.pdf
28. Renewable energy in Europe 2016. Recent growth and knock-on effects [Electronic resource] / European Environment Agency. URL: http://www.eea.europa.eu/publications/renewable-energy-in-europe-2016/at_download/file (Last retrieved: 16.03.2017).
29. Report on the Commission Green Paper Towards a European strategy for the security of energy supply / European Parliament. Committee on Industry, External Trade, Research and Energy. 2001, 17 October. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+REPORT+A5-2001-0363+0+DOC+PDF+V0//EN> (Last retrieved: 12.04.2018).
30. Roadmap towards an Energy Union for Europe: Non-paper addressing the EU's energy dependency challenges [Electronic resource] / Ministry of Foreign Affairs, Poland. 2014. Apr. 22. URL: <https://www.msz.gov.pl/resource/34efc44a-3b67-4f5e-b360-ad7c71082604:JCR> (Last retrieved: 21.09.2016).
31. Trans-European Networks for Energy [Electronic resource] / European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/energy/en/topics/infrastructure/trans-european-networks-energy> (Last retrieved: 20.04.2018)
32. Upstream gas supplies in Central and Eastern Europe [Electronic resource] / European Commission. URL: http://ec.europa.eu/competition/elojade/isef/case_details.cfm?proc_code=1_39816 (Last retrieved: 27.03.2016).

1.1.2. Материалы энергетических компаний и неправительственных энергетических организаций

33. Годовой отчет ОАО «Газпром» за 2006 год [Электронный ресурс]. 133 с. URL: http://www.gazprom.ru/f/posts/96/642868/report_rus.pdf (Дата обращения: 23.06.2017).
34. Годовой отчет ПАО «Газпром» за 2016 год [Электронный ресурс]. 205 с. URL: <http://www.gazprom.ru/f/posts/36/607118/gazprom-annual-report-2016-ru.pdf> (Дата обращения: 23.06.2017).

35. Финансовый отчет ОАО «Газпром» за 2006 год [Электронный ресурс]. 94 с. URL: http://www.gazprom.ru/f/posts/96/642868/finans_rus.pdf (Дата обращения: 17.06.2017).
36. Финансовый отчет ПАО «Газпром» за 2016 год. [Электронный ресурс]. 185 с. URL: <http://www.gazprom.ru/f/posts/36/607118/gazprom-financial-report-2016-ru.pdf> (Дата обращения: 17.06.2017).
37. BP Statistical Review of World Energy [Electronic resource] / BP. 2016, June. URL: <http://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2016/bp-statistical-review-of-world-energy-2016-full-report.pdf> (Last retrieved: 29.03.2016).
38. Statistical Report 2014 [Electronic resource] / Eurogas. 2014, December. 12 p. URL: http://www.eurogas.org/uploads/media/Eurogas_Statistical_Report_2014.pdf (Last retrieved: 16.05.2017).
39. Wholesale Gas Price Survey 2017 Edition [Electronic resource] / International Gas Union. 2017, May. 60 p. URL: http://www.igu.org/sites/default/files/node-document-field_file/IGU_Wholesale%20Gas%20Price%20Survey%202017%20Digital_0.pdf (Last retrieved: 16.08.2017).

1.1.3. Интервью и выступления официальных лиц

40. Cheney D. Vice President's Remarks at the 2006 Vilnius Conference. 2006, 4 May. [Electronic resource]. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2006/05/20060504-1.html> (Last retrieved: 03.09.2016).
41. Senator Lugar's speech [Electronic resource] // NY Times. 2006, November 26. URL: <http://www.nytimes.com/2006/11/28/world/europe/28iht-web.1128lugarsspeech.3700672.html> (Last retrieved: 22.10.2016).

1.2. Материалы СМИ

42. Крутихин М.И. Сомнительные успехи: что стоит за рекордами «Газпрома» в Европе [Электронный ресурс] // РБК. 2016, 03 февраля. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/03/02/2016/56b1d79f9a7947dcdcd552d1> (Дата обращения: 02.09.2016)
43. Газовые конфликты России за последние 15 лет. Справка [Электронный ресурс] // Россия Сегодня. 2008, 12 февраля. URL: <https://ria.ru/spravka/20080212/99021453.html> (Дата обращения: 20.04.2017)

44. "Газовые" конфликты между Россией и Украиной. Справка [Электронный ресурс] // Россия Сегодня. 2012, 19 марта. URL: <https://ria.ru/spravka/20120319/600294341.html> (Дата обращения: 20.04.2017)
45. Доля нефтегазовых доходов в бюджете России упала до семилетнего уровня [Электронный ресурс] // РБК. 2016, 24 марта. URL: <https://www.rbc.ru/economics/24/03/2016/56f32a639a794756a61f301e> (Дата обращения: 20.02.2018)
46. Минфин сэкономил на дефиците [Электронный ресурс] // Коммерсант. 2018, 22 января. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3526846> (Дата обращения: 20.02.2018)
47. Russia vows to end gas shortage [Electronic resource] // BBC. 2006, January 2. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/4575726.stm> (Last retrieved: 27.10.2016).
48. Clemente J. U.S. Liquefied Natural Gas Exports Reach A New Market And Continue To Climb In 2016 [Electronic resource] // Forbes. 2016, September 11. URL: <https://www.forbes.com/sites/judeclemente/2016/09/11/good-news-for-u-s-liquefied-natural-gas-exports/#5429dc3b6e2d> (Last retrieved: 27.12.2016).
49. Dempsey J. The (German) Politics of Nord Stream 2 [Electronic resource] // Carnegie Europe. 2016, November 03. URL: <http://carnegieeurope.eu/strategieurope/65028> (Last retrieved: 15.01.2017).
50. Dempsey J. U.S. senator urges use of NATO defense clause for energy [Electronic resource] // NY Times. 2006, November 28. URL: <http://www.nytimes.com/2006/11/28/world/europe/28iht-nato.3702073.html> (Last retrieved on Oct 5, 2016)
51. Klare M.T. Twenty-first century energy wars: how oil and gas are fueling global conflicts [Electronic resource] // Energy Post. 2014, July 15. URL: <http://www.energypost.eu/twenty-first-century-energy-wars-oil-gas-fuelling-global-conflicts/> (Last retrieved: 23.09.2016).
52. "Crisis of Confidence" Afflicts Russian-European Gas Relationship. "Crisis of Supply" Can be Averted, according to Cambridge Energy Research Associates Report [Electronic resource] // Business Wire. 2007, September 10. URL: <https://www.businesswire.com/news/home/20070910006124/en/Crisis-Confidence-Afflicts-Russian-European-Gas-Relationship> (Last retrieved: 03.04.2018)
53. Riley A. Sapping Europe's Energy Security [Electronic resource] // The New York Times. 2014, May 25. URL: <http://nyti.ms/1mp31F5> (Last retrieved: 27.09.2016).

54. Wehner M., Veser R. Widerstand gegen Putins Pipeline wächst [Electronic resource] // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2016, 01 November. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/inland/nord-stream-2-widerstand-gegen-putins-pipeline-waechst-14507991.html> (Last retrieved: 15.12.2016).

2. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

2.1. Сборники и монографии

55. Астахов А.С., Миловидов К.Н. Менеджмент нефтегазовой компании: Учебное пособие для вузов. М.: ООО Недра-Бизнесцентр, 2008. 268 с.
56. Ахременко А.С. Политический анализ и прогнозирование: учеб. пособие. М.: Гардарики, 2006. 333 с.
57. Бордачѐв Т.В. Новый стратегический союз. Россия и Европа перед вызовами XXI века: возможности «большой сделки». М.: Издательство «Европа», 2009. 304 с.
58. Бордачѐв Т.В. Пределы европеизации. Россия и Европейский союз 1991-2007 гг.: теория и практика отношений. М.: Изд.дом ГУ ВШЭ, 2007. 258 с.
59. Боровский Ю.В. Мировая система энергоснабжения. М.: Навона, 2008. 296 с.
60. Боровский Ю.В. Современные проблемы мировой энергетики. М.: Навона, 2011. 232 с.
61. Боровский Ю.В. Энергетическая безопасность как понятие и проблема. М.: МГИМО. Университет, 2016. 126 с.
62. Глобализация рынка природного газа: возможности и вызовы для России / С. В. Жуков и др. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 176 с.
63. Глобализация рынка природного газа: монография / Отв.ред. И.В. Мещерин. М.: Газпром ВНИИГАЗ, 2011. 348 с.
64. Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности. Совместное исследование ИМЭМО РАН и Атлантического совета [Электронный ресурс]: пер. с англ. Под ред. А. Дынкина, М. Барроуза. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 32 с. URL: http://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2016/2016_008.pdf (Дата обращения: 20.05.2017)
65. Емельянова Н.Н. Россия и Евросоюз. Соперничество и партнѐрство. М.: Междунар. отношения, 2009. 168 с.
66. Ергин Д. В поисках энергии: ресурсные войны, новые технологии и будущее энергетики / Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2017. 720 с.

67. Ергин Д. Добыча: всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть: пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2011. 943 с.
68. Жизнин С.З. Энергетическая дипломатия России: экономика, политика, практика. М.: Ист Брук, 2005. 640 с.
69. Жуков С.В., Резникова О.Б., Сейфульмулюков И.А. «Революция неконвенциональных углеводородов»: влияние на рынки нефти и природного газа // Глобальная перестройка / отв.ред.акад.А.А.Дынкин, акад.Н.И.Иванова / ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2014. С. 147-177.
70. Кавешников Н.Ю. Становление энергетической политики ЕС // Европейский союз в XXI веке: время испытаний / под ред. О. Ю. Потемкиной (отв. ред.), Н. Ю. Кавешникова, Н. Б. Кондратьевой; Рос. акад. наук, Ин-т Европы. М.: Весь мир, 2012. С. 222-253.
71. Кавешников Н.Ю. Энергетические аспекты // Безопасность Европы / Под ред. В.В. Журкина. М.: Издательство «Весь Мир», 2011. С. 493-531.
72. Калиниченко П. А. Европейский союз: право и отношения с Россией. М.: Норма : ИНФРА-М, 2012. 272 с.
73. Кокошин А.А. Международная энергетическая безопасность. М.: Издательство «Европа», 2006. 80 с.
74. Конопляник А.А. Россия: Сложная адаптация к новым реалиям европейского газового рынка [Электронный ресурс] // Энергетика Евразии: новые тенденции и перспективы / отв. ред. С.В. Жуков. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 186 с. URL: http://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2016/2016_002.pdf (Дата обращения: 02.12.2016)
75. Миловидов К.Н., Зеленовская Е.В. Нефтегазовое производство: экономика и управление: Учебное пособие для студентов вузов. М.: РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2015. 429 с.
76. Миловидов К.Н., Коржубаев А.Г., Эдер Л.В. Нефтегазообеспечение глобальной экономики: Учебное пособие. М.: ЦентрЛитНефтеГаз, 2006. 400 с.
77. Мировая энергетика в условиях глобализации: вызовы для России. Научный руководитель академик Н.А. Симония. М.: ИМЭМО РАН, 2007. 153 с.
78. Олейнов А.Г. Топливо-энергетический комплекс мира: учебно-справочное пособие. М.: Навона, 2008. 472 с.

79. Павленко О. В. Россия в глобальных процессах: 1992-2009 гг. / О.В.Павленко. URL: <http://rodnaya-istoriya.ru/index.php/rossiya-v-mirovix-processax/rossiya-v-globalnix-processax-1992-2008-gg/rossiya-v-globalnix-processax1992-2008.html> (Дата обращения: 02.05.2013)
80. Пашковская И.Г. Энергообеспечение Европейского союза: восточное направление. М.: Навона, 2010. 248 с.
81. Рар А.Г. Куда пойдет Путин? Россия между Китаем и Европой (Почему Западу нужна Россия. Экспертный анализ). М.: Олма Медиа Групп, 2012. 352 с.
82. Рар А.Г. Россия – Запад. Кто кого? М.: Изд-во «Э», 2016. 352 с.
83. Рар А.Г. Россия жмет на газ. Возвращение мировой державы = Russland gibt Gas (Die Rückkehr einer Weltmacht). М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 377 с.
84. Рубан Л.С. Восточный маршрут российских углеводородов / М., 2008. 240 с.
85. Симония Н. А. Россия и Европейский союз: сотрудничество или соперничество. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2008. 23 с.
86. Симония Н.А. Мировая нефтегазовая промышленность: проблемы и перспективы. М.:ИМЭМО РАН, 2009. 32 с.
87. Симония Н.А., Мальгин А.В., Ю.В. Боровский и др. Энергетическое измерение международных отношений // Современные международные отношения: Учебник / под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 606-627.
88. Симонов К. В. Нефтегазовый фактор в мировой геополитике. Ухта: [б. и.], 2011. 236 с.
89. Симонов К.В. Глобальная энергетическая война. М.: Алгоритм, 2007. 272 с.
90. Симонов К.В. Энергетическая сверхдержава. М.: Алгоритм, 2006. 272 с.
91. Современная мировая политика: Прикладной анализ / отв.ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2010. 592 с.
92. Современные теории международных отношений. Учебник / под ред. Коньшева В.Н., Сергунина А.А. М.: РГ-Пресс, 2013. 361 с.
93. Трансформация мировой энергетики: рыночные механизмы и государственная политика [Электронный ресурс] / Отв. ред. С.В. Жуков. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 230 с. URL: http://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2016/2016_012.pdf (Дата обращения: 07.07.2016).
94. Хайтун А. Д. Энергетическая политика России на европейском континенте. М.: Ин-т Европы РАН : Рус. сувенир, 2008. - 188 с.

95. Хайтун А.Д. Россия – Евросоюз: энергетическая безопасность // Большая Европа : идеи, реальность, перспективы / под общ. ред. Ал. А. Громыко и В. П. Федорова; Ин-т Европы РАН. М.: Весь мир, 2014. С. 391-412.
96. Хлопов О.А. Энергетическая безопасность в теории и практике международных отношений. М.: ИИУ МГОУ, 2016. 254 с.
97. Шафраник Ю.К. Нефтегазовый комплекс России: проблемы и задачи развития. / Мастепанов А. М. О диверсификации экспортных поставок российского газа и восточной энергетической политике России. Тюмень: ТюмГНГУ, 2015. 90 с.
98. Шафраник Ю.К. Российская энергетика: вчера, сегодня, завтра. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013. 32 с.
99. Шафраник Ю.К., Крюков В.А. Нефтегазовый сектор России: трудный путь к многообразию. М.: Изд-во «Перо», 2016, 272 с.
100. Шкута А. А. Европейский вектор газовой стратегии России. М.: ЭКОМ Паблшерз, 2008. 192 с.
101. Энергетика России: проблемы и перспективы / под ред. В.Е. Фортова, Ю.Г.Леонова. М: Наука, 2006. 499 с.
102. Buchan D. Energy and Climate Change: Europe at the Crossroads. Oxford: Oxford University Press. 2009. 218 p.
103. Buzan B., Waever O., Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers Inc., 1997. 539 p.
104. Cameron P.D. Competition in Energy Markets: Law and Regulation in the European Union. Oxford University Press, 2007. 479 p.
105. Correlje A., Linde C. van der, Westerwoudt T. Natural Gas in the Netherlands: from Cooperation to Competition? [Electronic resource]. Oranje-Nassau Groep, 2003. 240 p. URL: http://www.clingendaelenergy.com/inc/upload/files/Book_Natural_Gas_in_the_Netherlands.pdf (Last retrieved: 11.04.2017).
106. Dynamics of energy governance in Europe and Russia / edited by Caroline Kuzemko ... [et al.] Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2012. 292 p.
107. Energy and Security: Strategies for a World in Transition. Second Edition / edited by Jan H. Kalicki, David L. Goldwyn. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press, Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2013. 664 p.

108. Energy Policy Making in the EU. Building the Agenda [Electronic resource] / edited by Tosun J., Biesenbender S., Schulze K. Springer, 2015. 263 p. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-1-4471-6645-0.pdf> (Last retrieved: 22.06.2017).
109. Energy Security in Central and Eastern Europe and the Operations of Russian State-Owned Energy Enterprises [Electronic resource] / Reviewed by Jiří Martinec. Brno: Masarykova univerzita, 2015. 694 p. URL: http://www.pssi.cz/download/docs/284_joint-study.pdf (Last retrieved: 05.03.2016)
110. Grätz J. Common Rules without Strategy: EU Energy Policy and Russia // Toward a Common European Union Energy Policy: Problems, Progress, and Prospects / edited by Birchfield V. L., Duffield J. S. NY: Palgrave Macmillan US, 2011. P. 61-87.
111. Haghighi S. Energy Security. The External Legal Relations of the European Union with Major Oil and Gas Supplying Countries. Oxford and Portland: Hart Publishing. 2007. 480 p.
112. Herweg N. European Union Policy-Making. The Regulatory Shift in Natural Gas Market Policy [Electronic resource]. Palgrave Macmillan, Springer Nature, 2017. 263 p.
113. Kingdon J. W. Agendas, Alternatives, and Public Policies. Second Edition. Harlow: Pearson, 2014. 235 p.
114. Kovacevic A. The impact of the Russia-Ukraine Gas Crisis in South Eastern Europe [Electronic resource] // The Oxford Institute for Energy Studies. 2009, March. 19 p. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2010/11/NG29-TheImpactoftheRussiaUkrainianCrisisinSouthEasternEurope-AleksandarKovacevic-2009.pdf> (Last retrieved: 28.10.2016).
115. Luft G., Korin A. Energy Security Challenges for the 21st Century: a Reference Handbook [Electronic resource]. Santa Barbara, Calif.: Praeger Security International, 2009. 372 p. URL: https://uscrow.org/download/warfare/infrastructure_protection/Energy%20security.pdf (Last retrieved: 22.06.2017)
116. Moran D., Russell J. A. Energy security and global politics: the militarization of resource management. London: Routledge, 2009. 252 p.
117. Morgenthau H. J. Politics among nations: the struggle for power and peace. Boston: McGraw-Hill, 1993. 419 p.
118. Nersesian R. L. Energy for the 21st century: a comprehensive guide to conventional and alternative sources / Roy L. Nersesian. 2nd ed. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 2010. 456 p.
119. Nye J. S., Keohane R. O. Power and interdependence. 3rd ed. New York: Longman, 2001. 334 p.

120. Pirani S., Stern J., Yafimava K. The Russo-Ukrainian gas dispute of January 2009: a comprehensive assessment [Electronic resource] // The Oxford Institute for Energy Studies. 2009, February. 66 p. URL: <https://www.oxfordenergy.org/publications/the-russo-ukrainian-gas-dispute-of-january-2009-a-comprehensive-assessment/> (Last retrieved: 28.10.2016).
121. Sovacool B. K. The Routledge Handbook of Energy Security. London: Routledge, 2011. 436 p.
122. Stern J. The Russian-Ukrainian gas crisis of January 2006 [Electronic resource] / The Oxford Institute for Energy Studies. 2006, January 16. 17 p. URL: <https://www.oxfordenergy.org/publications/the-russian-ukrainian-gas-crisis-of-january-2006/> (Last retrieved: 27.10.2016).
123. Stern J., Rogers H. The transition to hub-based gas pricing in continental Europe // The pricing of internationally traded gas / edited by Jonathan Stern; contributors Christopher Allsopp ... [et al.] NY: Oxford University Press for the Oxford Institute for Energy Studies, 2012. P. 145-177.
124. The future of natural gas security in the V4 countries: a scenario analysis and the EU dimension / Filip Černoč ... [et al.] Brno: International institute of political science of Masaryk University, 2011. 311 p.
125. The Russian gas matrix: how markets are driving change / edited by James Henderson and Simon Pirani; contributors Tatiana Mitrova, Jonathan Stern, Katja Yafimava. Oxford: Oxford university press for the Oxford institute for energy studies, 2014. 444 p.
126. Waltz K. N. Theory of International Politics. Boston: McGraw-Hill, 1979. 251 p.
127. Wendt A. Social Theory of International Politics [Electronic resource]. Cambridge University Press (Virtual Publishing). 2003. 429 p. URL: <http://www.guillaumenicaise.com/wp-content/uploads/2013/10/Wendt-Social-Theory-of-International-Politics.pdf> (Last retrieved: 25.11.2016)
128. Wojciech Konończuk. Russia's best ally. The situation of the Russian Oil Sector and Forecasts for Its Future [Electronic resource] / Center for Eastern Studies. 2012, April. 67 p. URL: http://aei.pitt.edu/58390/1/prace_39_en_0.pdf (Last retrieved: 12.03.2018).
129. Youngs R. Foreign Policy and Energy Security: Markets, Pipelines, and Politics // edited by Birchfield V. L., Duffield J. S. Toward a Common European Union Energy Policy: Problems, Progress, and Prospects. NY: Palgrave Macmillan US, 2011. P. 41-60.

2.2. Периодические издания

130. Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски [Электронный ресурс] // Сравнительная политика. 2014. №1 (14). С. 4-21. URL: http://old.mgimo.ru/files2/z08_2014/Tatiana_Alexeyeva_Think_like_Constructivist_Discovering_a_Polyphonic_World.pdf (Дата обращения: 24.11.2016).
131. Арбатов А.А. Энергетическая безопасность - через взаимозависимость [Электронный ресурс] // Вестник Европы. 2007. С. 19-20. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2007/19/aas13.html> (Дата обращения: 16.06.2017).
132. Боровский Ю.В. Исследования энергетики в теории международных отношений [Электронный ресурс] / Ю.В. Боровский, К.В. Трачук // Международные процессы. 2015. №4 (Том 13). С. 86-98. URL: <http://www.intertrends.ru/forty-third/Borovskii.pdf> (Дата обращения: 21.03.2017).
133. Боровский Ю.В. Концептуальные и институциональные аспекты энергетической политики ЕС (1990–2014 гг.) [Электронный ресурс] / Ю.В. Боровский, К.В. Трачук // Вестник МГИМО-Университета. 2015. №1. URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/001_mezhdunarodnye_otnosheniya_borovskiiyuv_tra_chukkv.pdf (Дата обращения: 21.03.2017).
134. Боровский Ю.В. Новые участники и тренды глобальной энергетики [Электронный ресурс] / Ю.В. Боровский // Международные процессы. 2014. №3 (38). URL: <http://www.intertrends.ru/thirty-eighth/Borovskiy.pdf> (Дата обращения: 21.03.2017).
135. Боровский Ю.В. Приватизация Российских энергетических активов в международном контексте [Электронный ресурс] / Ю.В. Боровский // Вестник МГИМО-Университета. 2013. №4. С. 242-250. URL: <http://ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=64E06FC9-9A45-7176-A718-DEF12F52362E> (Дата обращения: 21.03.2017).
136. Боровский Ю.В. Реализм в полемике с неолиберализмом и конструктивизмом: основные моменты дискуссии на рубеже столетий [Электронный ресурс] / Ю.В. Боровский, П.А. Гвоздев // Вестник МГИМО. 2015. №5 (44). С. 126-135. URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/013_mirovaya_politika_borovskiiyuv_gvozdevpa.pdf (Дата обращения: 21.03.2017).
137. Данилин Н.А. Взаимодействие России и Европейского союза в сфере газопитетической безопасности в начале XXI века: проблемы и перспективы [Электронный

ресурс] // Вестник РГГУ. 2015. №6 (149). С. 86-97. URL: https://www.rsuh.ru/upload/main/vestnik/pmorv/Vestnik-6_15.pdf (Дата обращения: 21.03.2017).

138. Данилин Н.А. Российский газ для стран Центральной и Восточной Европы: причины различия цен [Электронный ресурс] // Обозреватель. 2017. №12 (335). С. 17-30. URL: <http://materik.ru/upload/iblock/e79/e7980da7eb074b62428bbf85c0a092e2.pdf> (Дата обращения: 13.02.2018).

139. Дегтярев А.А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений (III) [Электронный ресурс] / Полис. Политические исследования. 2003. № 3. С. 152-163. URL: <http://www.politstudies.ru/article/3218> (Дата обращения: 21.01.2018).

140. Ергин Д. Гарантировать энергетическую безопасность [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2006. №1. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_6320 (Дата обращения: 27.05.2017).

141. Жизнин С. З. Энергетика в современном мире и международная энергетическая политика [Электронный ресурс] // Балтийский регион. 2010. №1(3). 12 с. URL: <http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/085/ufbcrrglbyef.pdf> (Дата обращения: 21.03.2014).

142. Жизнин С.З. Энергетическая дипломатия и модернизация ТЭК России [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2012. №4. С. 15-32. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/641> (Дата обращения: 21.03.2017).

143. Кавешников Н.Ю. Многоликая энергетическая безопасность [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2011. №12. (Без указания страниц). URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/583> (Дата обращения: 27.03.2017).

144. Кавешников Н.Ю. Энергетическая безопасность в стратегии Могерини: выводы для России [Электронный ресурс] // Современная Европа. 2017. № 1 (73). С. 22-31. URL: <http://www.sov-europe.ru/2017/01-2017.pdf> (Дата обращения: 18.10.2017).

145. Конопляник А.А. Эволюция ценообразования на газ в континентальной Европе. Часть 1: Гронингенская модель долгосрочного экспортного газового контракта как основа формирования европейской системы газоснабжения [Электронный ресурс] // Газовый бизнес. 2009, январь-февраль. С. 62-69. URL: http://www.konoplyanik.ru/ru/publications/articles/432_Cenoobrazovanie_na_gaz_v_kontinentalnoj_Evropе.pdf (Дата обращения: 06.04.2017).

146. Конопляник А.А. Эволюция ценообразования на газ в континентальной Европе. Часть 2: Контрактная структура поставок и цены [Электронный ресурс] // Газовый бизнес. 2009, март-апрель. С. 78-80. URL: http://www.konoplyanik.ru/ru/publications/articles/437_2_Evolyuciya_cenoobrazovaniya_na_gaz_v_kontinentalnoj_Evrope.pdf (Дата обращения: 06.04.2017).
147. Конопляник А.А. Эволюция ценообразования на газ в континентальной Европе. Часть 3. Формулы привязки в рамках долгосрочных контрактов и (или?) конкуренция «газ-газ» на рынке разовых сделок [Электронный ресурс] // Газовый бизнес. 2009, май-август. С. 76-82. URL: http://www.konoplyanik.ru/ru/publications/articles/437_3_Evolyuciya_cenoobrazovaniya_na_gaz_v_kontinentalnoj_Evrope.pdf (Дата обращения: 06.04.2017).
148. Медведев А.И. Газпром и энергобезопасность Европы [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2008. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1310> (Дата обращения: 02.09.2016).
149. Медведев А.И. Как Газпром выполняет поручения Госдепа США [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2008. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1565> (Дата обращения: 03.09.2016).
150. Мельникова С. Какова цель "целевой модели"? [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2012. Том 10, №2. С. 189-199. URL: https://www.eriras.ru/files/mjelnikova_rgp_2-2012_kakova_cjel-rossija_v_globalnoj_politikje.pdf
151. Салыгин В.И., Кавешников Н.Ю. «Газпром» на рынке Евросоюза: необходим баланс принципов конкуренции и энергетической безопасности [Электронный ресурс] // Вестник МГИМО Университета. 2014. С. 45-53. URL: <http://mgimo.ru/upload/iblock/6fb/gazprom-na-rynke-eu.pdf> (Дата обращения: 11.11.2016).
152. Сидорова Е.А. Энергетика России под санкциями Запада [Электронный ресурс] // Международные процессы. 2016. Том 14, № 1. С. 143-155. URL: <http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/1099/clkeO7hUfS.pdf> (Дата обращения: 03.09.2016)
153. Симония Н.А., Торкунов А.В. Энергобезопасность ЕС и Россия [Электронный ресурс] // Вестник МГИМО-Университета. 2015. №5. С. 18-26. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/politologiya/energobezopasnost-es-i-rossii> (Дата обращения: 11.11.2016).
154. Фролов А. Репетиция ценовой войны [Электронный ресурс] // Корпоративный журнал ПАО «Газпром». 2017, январь-февраль. №1-2. С. 6-11. URL:

<http://www.gazprom.ru/f/posts/21/138698/gazprom-magazine-2017-1-2.pdf> (Дата обращения: 24.03.2017)

155. Хлопов О.А. Международная энергетическая безопасность: проблемы и угрозы [Электронный ресурс] // Вестник РГГУ. 2014. №7. С. 62-73. URL: https://www.rsuh.ru/upload/main/vestnik/pmorv/Vestnik-7_14.pdf (Дата обращения: 12.04.2017).

156. Maltby T. European Union energy policy integration: a case of European Commission policy entrepreneurship and increasing supranationalism [Electronic resource] // Energy Policy. 2013, April. Volume 55. P. 435-444. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421512010798> (Last retrieved: 07.03.2016).

157. Aalto P. The Emerging New Energy Agenda and Russia: Implications for Russia's Role as a Major Supplier to the European Union [Electronic resource] // Acta Slavica Iaponica / Slavic Research Center, Hokkaido University. 2011. Tomus 30. P. 1–20. URL: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publictn/acta/30/01Aalto.pdf> (Last retrieved: 02.12.2016).

158. Ackrill R., Kay A. Multiple streams in EU policy-making: the case of the 2005 sugar reform [Electronic resource] // Journal of European Public Policy. 2011, Volume 18, № 1. P. 72-89. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2011.520879> (Last retrieved: 05.02.2018).

159. Ackrill R., Kay A., Zahariadis N. Ambiguity, multiple streams, and EU policy [Electronic resource] // Journal of European Public Policy. 2013, Volume 20, № 6. P. 871–887. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2013.781824> (Last retrieved: 05.02.2018)

160. Boussena S., Locatelli C. Energy institutional and organizational changes in EU and Russia: Revisiting gas relations [Electronic resource] // Energy policy. 2013, April. Volume 55. P. 180–189. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S030142151201035X> (Last retrieved: 24.10.2015)

161. Ciuta F. Conceptual notes on energy security: total or banal security? [Electronic resource] // Security Dialogue. 2010, April. Volume 41, № 2. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0967010610361596> (Last retrieved: 28.08.2016).

162. Correljé A., Linde C. Energy supply security and geopolitics: A European Perspective [Electronic resource] // Energy Policy. 2006, March. Volume 34, Issue 5. P. 532-543. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421505003095> (Last retrieved: 26.09.2016).

163. Danilin N. Gazprom as an Energy Weapon: Perception of Threats to Energy Security of the EU [Electronic resource] // Vestnik RGGU. 2017. № 2 (8). P. 87-100. URL:

http://rggu.ru/upload/main/vestnik/pmorv/Vestnik_pmorv2%288%292017.pdf (Last retrieved: 06.09.2017).

164. Dias M.F., Jorge S.F. Mergers between Natural Gas Suppliers and Electricity Generators: Should European Consumers be Concerned? [Electronic resource] // Energy Procedia. 2016. Volume 106. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1876610216316733#> (Last retrieved: 15.06.2017).

165. Dunne T., McDonald M. The politics of liberal internationalism [Electronic resource] // International Politics. 2013, January. Vol. 50, Issue 1. P. 1–17. URL: <https://link.springer.com/article/10.1057/ip.2012.25> (Last retrieved: 12.07.2016).

166. Eikeland P.O. The Third Internal Energy Market Package: New Power Relations among Member States, EU Institutions and Non-state Actors? [Electronic resource] // Journal of Common Market Studies. 2011. Volume 49, №2. P. 243–263 URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1468-5965.2010.02140.x/epdf> (Last retrieved: 16.01.2018)

167. Fernandez R. Palazuelos E. A Political Economy Approach to the European Union Gas Model: Continuities and Changes [Electronic resource] // Journal of Common Market Studies. 2014. Volume 52, № 3. P. 495–511. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/jcms.12113/epdf> (Last retrieved: 04.07.2017)

168. Fouquet R. The slow search for solutions: Lessons from historical energy transitions by sector and service [Electronic resource] // Energy Policy. 2010, November. Volume 38, Issue 11. P. 6586-6596. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421510004921> (Last retrieved: 15.06.2017).

169. Goldthau A. Resurgent Russia? Rethinking Energy Inc. [Electronic resource] // Policy Review. 2008, February-March. № 147. URL: https://www.researchgate.net/publication/228122556_Resurgent_Russia_Rethinking_Energy_Inc (Last retrieved: 09.11.2016).

170. Goldthau A. Rhetoric versus reality: Russian threats to European energy supply [Electronic resource] // Energy Policy. 2008, February. Volume 36, Issue 2. P. 686-692. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421507004430> (Last retrieved: 15.06.2017).

171. Goldthau A., Sitter N. A liberal actor in a realist world? The Commission and the external dimension of the single market for energy [Electronic resource] // Journal of European Public Policy. 2014. Volume 21, Issue 10. P. 1452-1472. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2014.912251> (Last retrieved: 24.09.2015).

172. Grubler A. Energy transitions research: Insights and cautionary tales [Electronic resource] // Energy Policy. 2012, November. Volume 50. P. 8-16. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421512002054> (Last retrieved: 15.06.2017).
173. Gugler K., Liebensteiner M., Schmitt S. Vertical disintegration in the European electricity sector: Empirical evidence on lost synergies [Electronic resource] // International Journal of Industrial Organization. 2017, May. Volume 52. P. 450–478. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0167718717302564> (Last retrieved: 15.06.2017).
174. Haghighi S. Energy Security and the Division of Competences between the European Community and its member states [Electronic resource] // European Law Journal. 2008, July. Volume 14, № 4. P. 461 – 482.
175. Harsem Ø., Claes D.H. The interdependence of European–Russian energy relations [Electronic resource] // Energy Policy. 2013, August. Volume 59. P. 784-791. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421513002851> (Last retrieved: 03.09.2016)
176. Hendrix C.S. Oil prices and Interstate conflict behavior [Electronic resource] // Conflict Management and Peace Science. 2015, October 19. P. 1-22. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0738894215606067> (Last retrieved: 16.06.2017).
177. Jamasb T., Pollitt M. Electricity Market Reform in the European Union: Review of Progress toward Liberalization & Integration [Electronic resource] // The Energy Journal. 2005. Volume 26. P. 11-41. URL: <https://www.jstor.org/stable/pdf/23297005.pdf?refreqid=excelsior%3Aa6d8da0c39d440dd4a858831166c168b> (Last retrieved: 15.06.2017).
178. Judge A., Maltby T., Sharples J.D. Challenging Reductionism in Analyses of EU-Russia Energy Relations [Electronic resource] // Geopolitics. 2016, September 29. Volume 21, № 4. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14650045.2016.1222520> (Last retrieved: 01.06.2017).
179. Kaunert C. The area of freedom, security and justice in the Lisbon Treaty: commission policy entrepreneurship? [Electronic resource] // European Security. 2010. Vol. 19, Issue 2. P. 169-189. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09662839.2010.531705> (Last retrieved: 04.04.2018)
180. Kaveshnikov N. The issue of energy security in relations between Russia and the European Union [Electronic resource] // European Security. 2010. Volume 19, № 4. P. 585-605. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09662839.2010.531707> (Last retrieved: 01.10.2017).

181. Kuzemko C. Ideas, power and change: explaining EU–Russia energy relations [Electronic resource] // Journal of European Public Policy. 2013, October 8. Volume 21, Issue 1. P. 58-75. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2013.835062> (Last retrieved: 21.09.2016).
182. McGowan F. Can the European Union’s Market Liberalism Ensure Energy Security in a Time of ‘Economic Nationalism’? [Electronic resource] // Journal of Contemporary European Research. 2008. Vol. 4, № 2. P. 90-106. URL: <http://www.jcer.net/index.php/jcer/article/view/92> (Last retrieved: 26.09.2016).
183. Medish M. Russia and the Myth of an Energy Superpower [Electronic resource] // Schweizer Monatshefte : Zeitschrift für Politik, Wirtschaft, Kultur. 2007, Band 87, № 5. P. 21. URL: <http://www.e-periodica.ch/cntmng?var=true&pid=smh-002:2007:87::709> (Last retrieved: 20.04.2018)
184. Meeus L. et al. Regulated cross-border transmission investment in Europe [Electronic resource] / Leonardo Meeus, Konrad Purchala, Dirk Van Hertem and Ronnie Belmans // European Transactions on Electrical Power. 2006, November/December. Volume 16, Issue 6. P. 591-601. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/etep.106/epdf> (Last retrieved: 07.06.2017).
185. Mitrova T. Energy Security and Evolution of Gas Markets [Electronic resource] // Energy & Environment. 2008, December 1. Volume 19. P. 1123-1130. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1260/095830508786939938> (Last retrieved: 15.06.2017).
186. Monaghan A. Russia’s Energy Diplomacy: A Political Idea Lacking a Strategy? [Electronic resource] // Southeast European and Black Sea Studies, Vol. 7, Issue 2, 2007. P. 279 – 280. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14683850701402201> (Дата обращения: 18.10.2016)
187. Newnham R. Oil, carrots, and sticks. Russia’s energy resources as a foreign policy tool [Electronic resource] // Journal of Eurasian Studies. 2011. Volume 2, Issue 2. P. 138–142. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S187936651100011X> (Last retrieved: 03.09.2016).
188. Nowak B. Electricity and Gas Market Liberalization in the EU as a Part of the Internal Energy Market Strategy – Chosen Aspects. The Lesson for Poland [Electronic resource] // The Journal of Interdisciplinary Economics. 2006. Volume 17. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/02601079X06001700406> (Last retrieved: 15.06.2017).
189. Ocelík P., Osička J. The framing of unconventional natural gas resources in the foreign energy policy discourse of the Russian Federation [Electronic resource] // Energy policy. 2014, September. Volume 72. P. 97–109. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421514002171> (Last retrieved: 09.06.2016).

190. Orttung R.W., Overland I. A Limited Toolbox: Explaining the Constraints on Russia's Foreign Energy Policy [Electronic resource] // Journal of Eurasian Studies. 2011. Volume 2, Issue 1. P. 74-85. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1879366510000394> (Last retrieved: 04.06.2016).
191. Pollitt M.G. The role of policy in energy transitions: Lessons from the energy liberalisation era [Electronic resource] // Energy policy. 2012, November. Volume 50. P. 128–137. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421512002091> (Last retrieved: 15.06.2017).
192. Princen S. Agenda-setting strategies in EU policy processes [Electronic resource] // Journal of European Public Policy. 2011. Vol. 18, Issue 7. P. 927-943. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501763.2011.599960> (Last retrieved: 04.04.2018).
193. Proedrou F. Sensitivity and Vulnerability Shifts and the New Energy Pattern in the EU-Russia Gas Trade. Prospects for the Near Future [Electronic resource] // Studia Diplomatica. 2010. Volume LXIII, №1. P. 85-104. URL: https://www.academia.edu/24050684/SENSITIVITY_AND_VULNERABILITY_SHIFTS_AND_THE_NEW_ENERGY_PATTERN_IN_THE_EU-RUSSIA_GAS_TRADE_PROSPECTS_FOR_THE_NEAR_FUTURE (Last retrieved: 05.10.2016).
194. Proedrou F. The EU-Russia Energy Approach under the Prism of Interdependence [Electronic resource] // European Security. 2007. Volume 16, Issue 3-4. P. 329-355. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09662830701751190> (Last retrieved: 05.10.2016).
195. Rawat P., Morris J.S. Kingdon's "Streams" Model at Thirty: Still Relevant in the 21st Century? [Electronic resource] // Politics & Policy. 2016, Volume 44, № 4. P. 608-638. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/polp.12168/epdf> (Last retrieved: 22.12.2017).
196. Rutland P. Russia as an Energy Superpower [Electronic resource] // New Political Economy. 2008, June. Volume 13, № 2. P. 203-210. URL: <http://prutland.faculty.wesleyan.edu/files/2015/08/Russia-as-an-energy-superpower.pdf> (Last retrieved: 02.12.2016).
197. Shadrina E. Russia's foreign energy policy: norms, ideas and driving dynamics. Electronic Publications of Pan-European Institute [Electronic resource]. 2010. URL: https://www.utu.fi/fi/yksikot/tse/yksikot/PEI/raportit-ja-tietopaketti/Documents/Shadrina_final_netti.pdf (Last retrieved: 28.10.2016).

198. Stegen K.S. Deconstructing the “energy weapon”: Russia's threat to Europe as case study [Electronic resource] // Energy Policy. 2011, October. Volume 39, Issue 10. P. 6505-6513. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301421511005866> (Last retrieved: 22.09.2016).
199. Stulberg A.N. Out of Gas? Russia, Ukraine, Europe, and the Changing Geopolitics of Natural Gas [Electronic resource] // Problems of Post-Communism. Volume 62, Issue 2. 2015, April 16. P. 112–130. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/10758216.2015.1010914?journalCode=mppc20> (Last retrieved: 02.03.2016).
200. Talus K. Application of EU energy and certain national laws of Baltic sea countries to the Nord Stream 2 pipeline project [Electronic resource] // Journal of World Energy Law and Business. 2017, March 1. Volume 10, Issue 1. P. 30–42. URL: <https://academic.oup.com/jwelb/article/10/1/30/2897759/Application-of-EU-energy-and-certain-national-laws> (Last retrieved: 15.06.2017).
201. Zahariadis N. Ambiguity and choice in European public policy [Electronic resource] // Journal of European Public Policy. 2008, Volume 15, № 4. P. 514-530. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/13501760801996717> (Last retrieved: 23.12.2017).
202. Zhiznin S.Z. Russian energy diplomacy and international energy security (geopolitics and economics) [Electronic resource] // Baltic Region. 2010. P. 7-17. URL: <http://www.ssoar.info/ssoar/handle/document/25529> (Last retrieved: 02.12.2016).
203. Ziegler C.E. Energy Pipeline Networks and Trust: The European Union and Russia in Comparative Perspective [Electronic resource] // International Relations. 2013, March 22. Vol 27, Issue 1. P. 3-29. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0047117812460879> (Last retrieved: 03.09.2016).

2.3. Выступления исследователей в видео-формате

204. Mearsheimer J. Structural Realism - International Relations [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RXIIdh6rD18> (Last retrieved: 03.04.2017).
205. Moravcsik A. Liberal theory – International Relations [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7D5FNrqT5dM> (Last retrieved: 03.04.2017).
206. Zahariadis N. Multiple Streams Approach: An Introduction [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JULvyBVoJiI> (Last retrieved: 22.12.2017).

2.4. Материалы экспертно-аналитических и университетско-академических центров

207. Газовый рынок Европы. Утраченные иллюзии и робкие надежды [Электронный ресурс] / Под ред. В.А. Кулагина и Т.А. Митровой. М.: НИУ ВШЭ, ИНЭИ РАН, 2015. 86 с. URL: https://www.eriras.ru/files/gazovyy_rynok_evropy.pdf (Дата обращения: 06.07.2016).
208. Пашковская И. Г. Европейский союз: формирование внешней энергетической политики [Электронный ресурс] / Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России. Аналитические доклады ИМИ. 2008, июнь. Выпуск 1(20). URL: <http://www.mgimo.ru/files/15547/ad-20.pdf> (Дата обращения: 15.05.2016).
209. Пашковская И. Г. Энергетическая политика Европейского союза в отношении России [Электронный ресурс] / Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России. Аналитические доклады ИМИ. 2011, октябрь. Выпуск 5(29). URL: http://www.mgimo.ru/files2/y09_2011/211115/pashkovskaya.pdf (Дата обращения: 15.05.2016).
210. Реформирование газового рынка Европы: чужие туфли могут натереть мозоли. Аналитический доклад [Электронный ресурс] / Фонд национальной энергетической безопасности. 2013. 41 с. URL: <http://www.energystate.ru/catalog/files/Reformirovanie-gazovogo-rynka-Evropy.pdf> (Дата обращения: 02.11.2016).
211. Цена энергии. Международные механизмы формирования цены на нефть и газ [Электронный ресурс] / Секретариат Энергетической хартии. 2007. 279 с. URL: http://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Thematic/Oil_and_Gas_Pricing_2007_ru.pdf (Дата обращения: 02.03.2017).
212. Baran Z. EU Energy Security: Time to End Russian Leverage [Electronic resource] // The Washington Quarterly / The Center for Strategic and International Studies and the Massachusetts Institute of Technology. 2007, Autumn. P. 131–144. URL: http://www.hudson.org/content/researchattachments/attachment/616/07autumn_baran.pdf (Last retrieved: 02.12.2016).
213. Behrens A., Egenhofer C. Energy Policy for Europe: Energy Policy for Europe: Identifying the European Added-Value [Electronic resource] / Centre for European Policy Studies. 2008, March 6. 47 p. URL: <https://www.ceps.eu/system/files/book/1623.pdf> (Last retrieved: 02.12.2016).
214. Buchan D. Europe's energy security – caught between short-term needs and long-term goals [Electronic resource] [Electronic resource] / Oxford Energy Comment. 2014. 11 p. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2014/07/Europes-energy-security-caught-between-short-term-needs-and-long-term-goals.pdf> (Last retrieved: 26.09.2016).

215. Dickel R., et al. Reducing European Dependence on Russian Gas: distinguishing natural gas security from geopolitics [Electronic resource] / The Oxford Institute for Energy Studies. 2014. 68 p. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2014/10/NG-92.pdf> (Last retrieved: 10.08.2016).
216. European Gas Daily [Electronic resource] / Platts. 2015, November 5. Volume 20 / Issue 215. 10 p. URL: <https://www.platts.ru/IM.Platts.Content/ProductsServices/Products/eurogasdaily.pdf> (Last retrieved: 15.03.2017).
217. Grigas A. The Gas Relationship between the Baltic States and Russia: Politics and Commercial Realities [Electronic resource] / The Oxford Institute for Energy Studies. 2012, October. 65 p. URL: https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2012/10/NG_67.pdf (Last retrieved: 27.09.2016).
218. Heather P. The evolution of European traded gas hubs [Electronic resource] / The Oxford Institute for Energy Studies. 2015, December. 117 p. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2016/02/NG-104.pdf> (Last retrieved: 28.07.2016).
219. Henderson J. Gazprom – Is 2016 the Year for a Change of Pricing Strategy in Europe? [Electronic resource] / The Oxford Institute for Energy Studies. 2016, January. 15 p. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2016/02/Gazprom-Is-2016-the-Year-for-a-Change-of-Pricing-Strategy-in-Europe.pdf> (Last retrieved: 16.06.2016).
220. Henderson J., Mitrova T. The political and commercial Dynamics of Russia's Gas Export Strategy [Electronic resource] / The Oxford Institute for Energy Studies. 2015, September. 82 p. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2015/09/NG-102.pdf> (Last retrieved: 04.07.2016).
221. Noel P. Beyond Dependence: How to Deal with Russian Gas [Electronic resource] // ECFR Policy Brief. 2008, November. 18 p. URL: http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR-09-BEYOND_DEPENDENCE-HOW_TO_DEAL_WITH_RUSSIAN_GAS.pdf (Last retrieved: 30.05.2017).
222. Orttung R., et al. Russia's Energy Sector between Politics and Business [Electronic resource] / the Research Centre for East European Studies, Bremen. 2008, February. URL: <http://doczz.net/doc/5905176/russia-s-energy-sector-between-politics-and-business> (Last retrieved: 11.07.2016).
223. Pascual C. The new geopolitics of energy [Electronic resource] / Center on Global Energy Policy. 2015, September. URL:

http://energypolicy.columbia.edu/sites/default/files/energy/The%20New%20Geopolitics%20of%20Energy_September%202015.pdf (Last retrieved: 06.04.2017).

224. Pirani S., Yafimava K. Russian Gas Transit Across Ukraine Post-2019: pipeline scenarios, gas flow consequences, and regulatory constraints [Electronic resource] / The Oxford Institute for Energy Studies. 2016, February. 75 p. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2016/02/Russian-Gas-Transit-Across-Ukraine-Post-2019-NG-105.pdf> (Last retrieved: 06.06.2016).

225. Putting a price on energy. Oil Pricing Update [Electronic resource] / Energy Charter Secretariat. 2011. 40 p. URL: http://www.energycharter.org/fileadmin/DocumentsMedia/Thematic/Oil_Pricing_2011_en.pdf (Last retrieved: 20.04.2016).

226. Rogers H.V. The Impact of Lower Gas and Oil Prices on Global Gas and LNG Markets [Electronic resource] / The Oxford Institute for Energy Studies. 2015 July. 55 p. URL: <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2015/07/NG-99.pdf> (Last retrieved: 15.06.2016).

227. Sartori N. The European Commission vs. Gazprom: An Issue of Fair Competition or a Foreign Policy Quarrel? [Electronic resource] / Istituto Affari Internazionali. 2013, January 3. URL: <http://pubblicazioni.iai.it/pdf/DocIAI/iaiw1303.pdf> (Last retrieved: 24.08.2016).

228. Saunders P.J. Russian Energy and European Security [Electronic resource] / The Nixon Center. 2008. 33 p. URL: http://site-298132.mozfiles.com/files/298132/conf2008_experts_saunders.pdf (Last retrieved: 13.10.2016).

229. Yafimava K. European Energy Security and the Role of Russian Gas: Assessing the Feasibility and the Rationale of Reducing Dependence [Electronic resource] // Istituto Affari Internazionali. 2015, December. 21 p. URL: <http://www.iai.it/sites/default/files/iaiw1554.pdf> (Last retrieved: 26.08.2016).

2.5. Диссертационные исследования

230. Боровский Ю.В. Энергетическая безопасность Российской Федерации в рамках СНГ: 1992-2004 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15. М.: 2006. 366 с.

231. Братковский К.В. Энергетическая политика России в контексте взаимоотношений Россия - ЕС: дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Братковский Кирилл Васильевич; [Место защиты: Дипломат. акад. МИД РФ]. М.: 2010, 188 с.

232. Вутянова Я.В. Энергетическая политика как фактор геополитического влияния России : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Вутянова Яна Валерьевна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. М., 2013. 155 с.
233. Головина М.С. Экономические аспекты региональной энергетической безопасности и экспортная стратегия России на рынке газа стран Европейского союза : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / Головина Мария Сергеевна; [Место защиты: Моск. гос. ин-т междунар. отношений] М., 2015. 248 с.
234. Городов А.А. Взаимоотношения России и ЕС в области энергетики: 2000-2008 гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15 / Городов Андрей Александрович; [Место защиты: Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ)]. М., 2010. 24 с.
235. Кашулин Д.А. Энергетическая безопасность государства в современном политическом процессе: отечественный и зарубежный опыт : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. М., 2016. 175 с.
236. Малек Т. Эволюция энергетической политики России и стран Евросоюза в условиях глобализации: автореферат дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Малек Томаш; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. М., 2011. 30 с.
237. Митрова Т.А. Основные тенденции эволюции зарубежных рынков природного газа: автореферат дис. ... канд. экон. наук : 08.00.14 / Рос. гос. ун-т нефти и газа им. И.М. Губкина. М., 2004. 24 с.
238. Павлов А.А. Политические проблемы энергетического сотрудничества России со странами Центрально-Азиатского региона : автореферат дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Павлов Антон Анатольевич; [Место защиты: С.-Петербург. гос. ун-т]. СПб., 2011. 21 с.
239. Пахомов Н.В. Политика России в обеспечении глобальной энергетической безопасности: автореферат дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Пахомов Николай Владимирович; [Место защиты: Моск. гос. ин-т междунар. отношений]. М., 2016. 30 с.
240. Пашковская И.Г. Формирование энергетической политики Европейского союза в отношении России и новых независимых государств : дис. ... д-ра. полит. наук: 23.00.04 / Пашковская Ирина Грантовна; [Место защиты: Моск. гос. ин-т междунар. отношений]. М., 2013. 521 с.
241. Трачук К.В. Энергетическая безопасность России в ее отношениях с Европой: международные аспекты: 2000-2014 гг.: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15 / [Место защиты: Моск. гос. ин-т междунар. отношений]. М., 2016. 280 с.

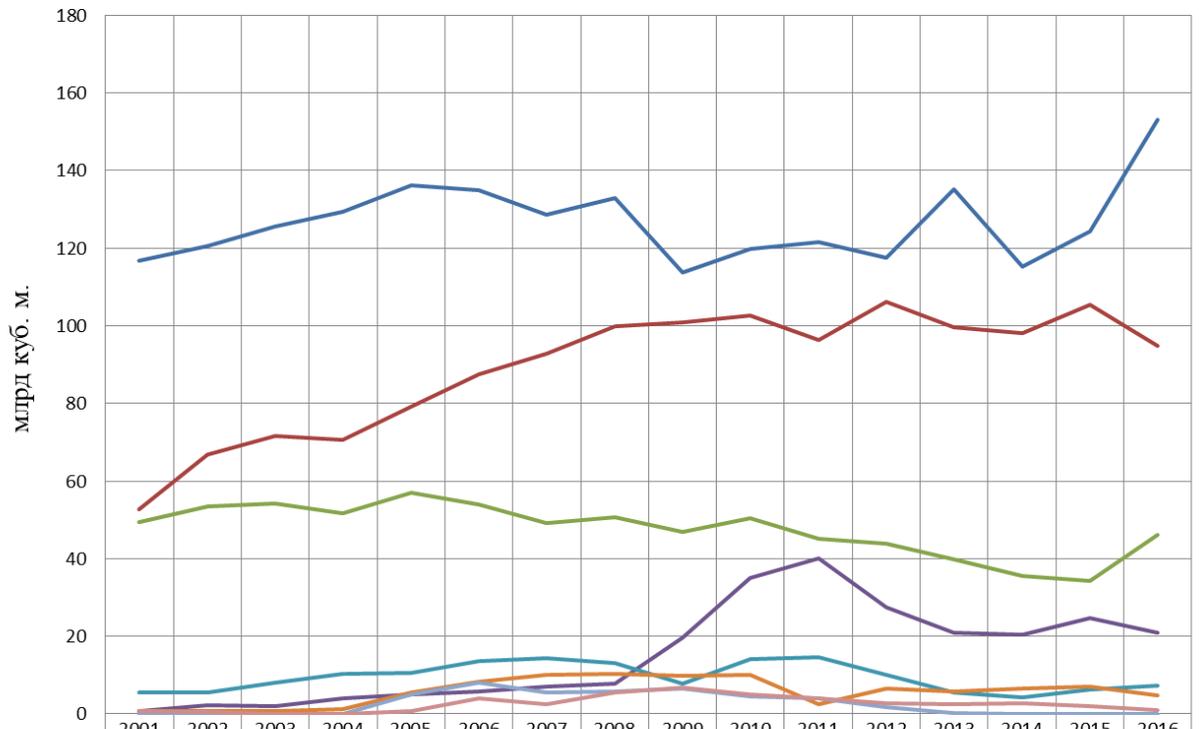
242. Уртаева Э.Б. Особенности современного международно-политического дискурса в сфере энергетического взаимодействия государств : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Уртаева Элина Бексолтановна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. М., 2011. 199 с.

243. Чуку Е.М. Транснациональные корпорации как акторы международных энергетических отношений : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Чуку Елена Михайловна; [Место защиты: Моск. гос. лингвист. ун-т]. М., 2013. 202 с.

244. Шадурский А.В. Роль глобализации энергетических отношений в формировании газовой политики Европейского союза : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Шадурский Андрей Викторович; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. СПб.: 2013. 136 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение №1. Основные экспортеры природного газа на европейском рынке

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Россия	116.9	120.5	125.5	129.5	136.3	135	128.7	133	113.8	119.7	121.7	117.5	135.3	115.3	124.3	153.2
Норвегия	52.7	66.9	71.6	70.7	79.3	87.4	92.8	100	100.9	102.7	96.4	106.3	99.6	98.1	105.4	94.9
Алжир	49.3	53.5	54.3	51.7	57	54	49.2	50.6	46.9	50.4	45.1	43.8	39.9	35.5	34.2	46.1
Катар	0.7	2.2	2	4	4.9	5.8	6.9	7.9	19.6	35	40	27.5	21	20.5	24.8	20.9
Нигерия	5.5	5.6	8	10.4	10.6	13.7	14.4	13.2	7.7	14	14.6	10	5.4	4.3	6.2	7.2
Ливия	0.8	0.6	0.8	1.2	5.4	8.4	10	10.4	9.9	10	2.4	6.5	5.7	6.5	7.1	4.8
Египет	0	0	0	0	4.9	8	5.4	5.7	6.4	4.6	3.9	1.7	0.3	0	0	0
Тринидад и Тобаго	0.6	0.5	0	0	0.8	4	2.6	5.6	6.7	5.1	4.1	2.8	2.4	2.7	1.9	0.9

Источник: таблица составлена автором на основе данных Eurostat (по состоянию на 01.06.2018)

Примечание: статистика приведена для 28 стран ЕС. В расчет включены 8 крупнейших экспортеров природного газа в ЕС: Россия, Норвегия, Алжир, Катар, Нигерия, Ливия, Египет, Тринидад и Тобаго. Страны выбраны на основе суммарного объема поставок в ЕС за 2001-2016 гг.